

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIJSKIJ REGION

2022 || Том 14 || № 2

КАЛИНИНГРАД

Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта

2022

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2022.
159 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

© БФУ им. И. Канта, 2022

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); **Г. М. Федоров**, д-р геогр. наук, проф., зам. главного редактора, БФУ им. И. Канта (Россия); **Й. фон Браун**, проф., Боннский университет (Германия); **И. М. Бусыгина**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **В. В. Воронов**, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); **А. Г. Дружинин**, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); **М. В. Ильин**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **П. Йонниеми**, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); **Н. В. Каледин**, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); **В. А. Колосов**, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); **Г. В. Кретинин**, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); **Ф. Лебарон**, проф. социологии, Высшая нормальная школа Париж-Сакле (Франция); **В. А. Мау**, д-р экон. наук, проф., РАНХиГС (Россия); **Н. М. Межевич**, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); **А. Ю. Мельвиль**, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); **П. Оппенхаймер**, проф., Крайст-Чёрч, Оксфордский университет (Великобритания); **Т. Пальмовский**, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); **А. А. Сергунин**, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); **Э. Спиряевас**, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); **К. К. Худoley**, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия); **А. Е. Шаститко**, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); **Д. Шиманска**, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша)

Подписной индекс 32249
Тираж 300 экз.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309
от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Россия и ее регионы на Балтике

- Варнавский В. Г.* Анализ динамики производственных связей стран Балтии с Россией 4
- Лачининский С. С.* Геоэкономические риски регионов российской Балтики в условиях обостряющейся геополитической обстановки 23
- Тарасов И. Н., Уразбаев Е. Е.* Международное позиционирование региона: образ Калининградской области в медиапространстве стран Балтии 38
- Смирнов О. О.* Развитие муниципальных округов Санкт-Петербурга за последнее десятилетие: экономический и пространственный анализ..... 53

Внешняя политика стран ЕС

- Лошкарёв И. Д., Пареньков Д. А.* Неэкспансионистские типы стратегической культуры Польши: идейная ретроспектива и современные последствия 69
- Хорольская М. В.* Участие Германии в «Инициативе трех морей»: перспективы для России 83

Миграционные и этнические процессы

- Капицын В. М., Магомедов А. К., Шапаров А. Е.* Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Королевстве Дания в начале XXI века 98
- Рязанцев С. В., Молодикова И. Н., Воробьева О. Д.* Миграция и миграционная политика в странах СНГ и Балтии в «ареале перекрытия» Евразийской и Европейской подсистем в 1990-2020-е годы..... 115
- Симомян Р. Х.* Русскоязычная диаспора в странах Балтии: современное состояние и перспективы..... 144

РОССИЯ И ЕЕ РЕГИОНЫ НА БАЛТИКЕ

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ СТРАН БАЛТИИ С РОССИЕЙ

В. Г. Варнавский

Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 65

Поступила в редакцию 23.09.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-1
© Варнавский В. Г., 2022

Россию со странами Балтии связывают давние, заложенные еще во времена Советского Союза отношения производственной специализации, кооперации, разделения труда, товарного обмена. На современном этапе эти отношения подвергаются серьезным испытаниям, в первую очередь за счет политических и идеологических вызовов и рисков, а последние два года — еще и глубокого и масштабного кризиса, вызванного глобальной пандемией COVID-19. Однако в целом производственные связи России и стран Балтии выдерживают груз возникающих проблем и остаются достаточно устойчивыми даже к геополитическим и пандемическим шокам. В статье изучены производственные связи России со странами Балтии. Дан динамический анализ рядов экспортно-импортных потоков товаров и продукции производственного назначения за период 2003—2020 годов. Проведен сравнительный анализ производственных связей стран Балтии с Россией и с их основными партнерами по ЕС — Германией и Финляндией. Сделан основной вывод о том, что Россия была для компаний стран Балтии более перспективным рынком сбыта промышленной продукции производственного назначения по сравнению с Германией и Финляндией до введения санкций в 2014 году и мирового торгового кризиса 2015—2016 годов.

Ключевые слова:

производственные связи, страны Балтии, Россия, Германия, Финляндия, экспорт, импорт, промежуточная продукция

Введение

Несмотря на напряженные политические отношения, сложившиеся за последние годы между Россией и странами Балтии, многие хозяйствующие субъекты обеих сторон продолжают поддерживать стабильные и взаимовыгодные торгово-производственные связи. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, все анализируемые страны не так уж давно (в категориях исторического развития) входили в состав единого государства — Советского Союза. Во-вторых, современные требования поддержания экономического роста в условиях обострения конкурентной борьбы, нарастания кризисных процессов в мировой экономике и возрастающей неопределенности перспектив дальнейшего развития, а также выгода и экономическая целесообразность оказываются зачастую сильнее, чем политические декларации и даже действия типа санкций. В-третьих, в ходе сотрудничества компании

Для цитирования: Варнавский В. Г. Анализ динамики производственных связей стран Балтии с Россией // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 4–22. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-1.

России и прибалтийских стран функционируют в привычной им бизнес-среде и поэтому остаются друг для друга важными внешнеторговыми партнерами, стремятся сохранить взаимовыгодные производственные связи и при наличии имеющихся международно-политических разногласий и противоречий. В особенной степени это относится к обеспечению устойчивости налаженных производственных связей, производственно-сбытовых цепей поставок (ПСЦП), глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС), звеньями которых выступают компании России и стран Балтии.

В данной статье поставлена задача — дать анализ динамики производственных связей стран Балтии с Россией за период 2003—2020 годов на основе сопоставимых данных внешнеторговых поставок продукции производственного назначения (промежуточной продукции) и провести сравнительное исследование аналогичных связей прибалтийских стран с их главными партнерами по показателю двухсторонней торговли такой продукцией — Германией и Финляндией. В 2020 году товарооборот в торговле продукцией производственного назначения Эстонии с Финляндией составил 2417 млн дол. (на втором месте — Германия — 1283 млн дол.), Латвии с Германией — 1382 млн дол. (Польша — 944 млн дол.), Литвы с Германией — 2858 млн дол. (Польша — 2796 млн дол.)¹. Дальнейшее расширение количества анализируемых стран, во-первых, не привело бы к качественно иным в сравнении с полученными выводами, а во-вторых, не позволило бы провести углубленный межстрановой анализ, учитывая ограничения по объему публикации.

В результате проведенного исследования подтверждена основная гипотеза: с момента вступления в ЕС и до введения антироссийских санкций Россия была для стран Балтии в несколько раз более перспективным рынком сбыта их промежуточной продукции по сравнению с Германией и Финляндией. Из-за санкций и в результате мирового торгового кризиса 2015—2016 годов тенденция расширения производственных связей России со странами Балтии была сломлена, но с 2017 года идет ее постепенное восстановление. Процесс этот не прямолинейный, но в целом — поступательный.

Состояние исследований

Последнее десятилетие анализ межстрановых производственных связей на основе данных по торговле промежуточной продукцией стал важной областью научных, прикладных, статистических исследований. Он проводится для определения уровня промышленной кооперации, приоритетных направлений повышения конкурентоспособности отраслей, видов деятельности, производств, выработки мер по обеспечению устойчивого роста торговли, доступа к новым ресурсам, в первую очередь инновациям и финансам. Знаменательным является тот факт, что Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в своей базе статистических данных *BTDIxE Bilateral Trade in Goods by Industry and End-use, ISIC Rev. 4* выделяет промежуточную продукцию (*intermediate goods*) в экспорте и импорте².

Углубленное изучение роли промежуточной продукции в международной торговле и экономическом развитии началось в конце 1990-х годов, когда глобализация вступила в свою активную фазу. В этот период в мировой экономике стали быстро нарастать трансграничные объемы поставок товаров и услуг, а интенсивность расширения межстрановой торговли существенно (в 2,1—2,3 раза — авторская оцен-

¹ Рассчитано на основе базы статистических данных ОЭСР (URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=BTDIxE> (дата обращения: 22.09.2021)).

² STAN Bilateral Trade Database by Industry and End-use category, 2012, *OECD Statistics*, URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=BTDIxE> (дата обращения: 22.09.2021).

ка) превышала по темпам роста мировой валовой внутренний продукт (ВВП) [1, с. 53]. Тогда и возникла потребность в исчислении экспортно-импортных потоков не только по валовой стоимости, как это делалось традиционно, но и в категориях добавленной стоимости. Как следствие, резко увеличился поток экономических исследований этого направления, повышалось их качество, углублялась разработка соответствующих научных и методологических проблем.

С тех пор в экономическом обороте появилось и закрепилось множество терминов и понятий, характеризующих различные стороны межстранового разделения производственного процесса и исчисления международной торговли по добавленной стоимости: международная фрагментация производства, глобальные продуктовые цепочки, глобальные цепочки создания стоимости, вертикальная специализация, торговля в категориях добавленной стоимости, торговля операциями (функциями, задачами) и т. д. (см., например, исследования [2—10], а также крупные методические работы международных организаций³).

После вступления в ЕС страны Балтии становятся более интегрированными в мирохозяйственные отношения, и у исследователей появляется интерес к изучению их места и роли в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦСС) [11—14]. В некоторых крупных работах анализируется и промежуточная продукция. Так, в одной из них на примере Латвии доказывается, что при более активном участии в ГЦСС высокотехнологичных производств возникают возможности для ускорения роста производительности за счет более интенсивного использования импортных промежуточных товаров [15, р. 10].

В другой работе показано, что латвийские фирмы, которые начинают экспортировать промежуточные товары или наукоемкие услуги (кроме транспорта), получают значительно более высокий прирост производительности, чем те, которые экспортируют конечные товары или транспортные услуги [16, р. 27].

С пандемией COVID-19 резко возросло число публикаций на тему ГЦСС⁴, в том числе и по странам Балтии (см., например: [18; 19]). В данной статье на примере объемов торговли промежуточной продукцией будет подтвержден ряд выводов, сделанных, в частности, о том, что присоединение стран Балтии к ЕС и введение санкций в 2014 году «не оказали значимого влияния на сжатие цепочек создания стоимости между Россией и странами Балтии» [19, р. 128].

Методические вопросы

В воспроизводственном процессе экспортно-импортные потоки играют разную роль. Одна и та же стоимость ввезенной из-за границы продукции может приводить к различным экономическим эффектам в зависимости от категории и вида товара, а также от его места и роли в воспроизводственном процессе.

Поставленная по каналам внешней торговли продукция может поступать непосредственно в конечное потребление. В этом случае она не подвергается переработке и общий экономический эффект от ее импорта будет не столь значительным в категориях общественного воспроизводства.

Но ввезенный товар может также выступать в качестве промежуточной продукции и поступать в переработку в стране-импортере, то есть участвовать в воспроиз-

³ Trade in Value-Added: Concepts, Methodologies and Challenges (Joint OECD-WTO Note). OECD and WTO, 2012, *OECD*, URL: <https://www.oecd.org/sti/ind/49894138.pdf> (дата обращения: 22.09.2021); Measuring and Analyzing the Impact of GVCs on Economic Development, 2017, *World Bank*, URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gvcs_report_2017.pdf (дата обращения: 22.09.2021).

⁴ См. подробный обзор ВТО 2021 года, включающий более 130 источников [17].

водственных процессах. Такая продукция оказывает гораздо большее положительное воздействие на экономику в плане увеличения стоимости и создания рабочих мест. Также импорт промежуточной продукции становится значимым фактором включения в ГЦСС и приобщения к современным технологиям. После переработки импортированная продукция может: а) идти на конечное потребление в этой же стране, б) быть экспортированной за рубеж в третьи страны в составе ГЦСС, в) вернуться в уже переработанном виде в страну происхождения ввезенной продукции.

Методически международная торговля промежуточными товарами и производственные цепочки в межстрановом пространстве — близкие понятия, поскольку экспортно-импортные потоки промежуточных продуктов формируются в рамках глобальных, региональных, дву- и многосторонних цепочек поставок. В отчете Мирового банка и Всемирной торговой организации (ВТО) по глобальным цепочкам и торговле в категориях добавленной стоимости констатируется, что ГЦСС — это «в основном торговля промежуточными продуктами» («GVCs» are basically «trade in intermediate products»)⁵.

Однако в действительности по добавленной стоимости никто не торгует. Торговля осуществляется по цене, которая складывается на рынке. Выявление рыночного равновесия спроса и предложения происходит исходя из валовой стоимости, а потоки товаров и услуг в межстрановом обмене, исчисленные по добавленной стоимости, нужны как научный, аналитический инструмент при проведении экономического анализа, исследования воспроизводственных процессов, разработке направлений торговой политики. В то же время создание нового научного направления по получению оценок и изучению международной торговли в категориях добавленной стоимости (Trade in Value Added, TiVA) вовсе не умаляет значения в экономическом анализе, государственной политике и реальной международной практике принятых и привычных валовых показателей торговли.

Следует внести ясность и в само понятие «глобальные цепочки создания стоимости» (Global Value Chains, GVCs). На самом деле «глобальная цепочка» — это сильное преувеличение, образное выражение, гипербола. Исходя из характеристики глобализации как всемирного процесса, производственную цепочку по выпуску конкретного товара можно назвать глобальной только в том случае, если она охватывает (или, что то же самое, включает в качестве производственных звеньев) все страны мира. Таких цепочек в мировой экономике нет. Как правило, производственная цепочка по выпуску конкретного товара состоит лишь из нескольких звеньев (стран). Например, широко известен тиражированный в десятках публикаций пример с iPod Apple, в производстве которого участвуют шесть стран: США, Китай, Япония, Республика Корея, Сингапур и Тайвань [20, р. 6]. Причем это даже много: в среднем по мировой экономике в производственной цепочке в зависимости от отрасли задействованы лишь две-три страны [21, р. 9, fig. 4]. Именно такая, относительно низкоуровневая фрагментация производства оптимальна для большинства товаров на современном этапе экономического развития и глобализации. Да и вообще вряд ли эффективной в принципе может быть производственная цепочка, звенья которой размещены во всех 200 странах мира. Каждая цепочка локальна, но все вместе они образуют глобальную сеть. Именно в этом контексте следует, с нашей точки зрения, трактовать термин «глобальные цепочки создания стоимости» (подробнее, см. [22]).

⁵ *Global Value Chain Development Report 2019: Technological Innovation, Supply Chain Trade, and Workers in a Globalized World (English)*, 2019. Washington, D. C., World Bank Group. P. 42. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/trade/publication/global-value-chain-development-report-2019> (дата обращения: 22.09.2021).

В данной статье при проведении расчетов используется индекс производственного участия страны (авторский термин) — доля промежуточной продукции страны-экспортера в ее собственном валовом экспорте. Формула для вычисления данного индекса такова:

$$I_t = P_t / E_t \cdot 100, \quad (1)$$

где I — индекс производственного участия; P — объем продукции, поступающей в промежуточное потребление за рубежом, E — значение экспорта, t — годы.

Этот показатель применяется для анализа ГЦСС в ОЭСР, Европейском центральном банке (ЕЦБ) и в других международных организациях (см., например, [23, p. 13]).

Принципиальное значение для данного исследования имеет также методический вопрос корректности исходных статистических данных при проведении расчетов, в частности по формуле (1). Проблема в том, что в официальной страновой статистике взаимные потоки экспорта и импорта двух стран часто не совпадают⁶. Другими словами, значения экспорта из страны А в страну В (по данным страны А) могут существенно (на десятки процентов и более) отличаться от значений импорта страны В из страны А (по данным страны В)⁷. Это, в частности, справедливо для внешнеторговых потоков между Россией и странами Балтии.

С тем чтобы избежать больших погрешностей при проведении расчетов, в данной статье берутся сопоставимые данные ОЭСР, в том числе по России. Используются базы данных ОЭСР, WIOD, Росстата и других организаций.

Из базы данных ОЭСР (БД ОЭСР) ВТDIXE Bilateral Trade in Goods by Industry and End-use, ISIC Rev. 4 берется информация по странам о двустороннем импорте, экспорте товаров, в том числе промежуточной продукции и др.

База данных межстрановых межотраслевых балансов WIOD (World Input-Output Database)⁸ разработана европейским консорциумом из одиннадцати университетов и исследовательских центров по заказу Европейской комиссии. Она включает 56 отраслей и 43 страны (28 стран ЕС + 15 стран, не входящих в ЕС, в том числе Россия + для балансировки «остальной мир»), 2000—2014 годы. В данном исследовании для проведения расчетов применяются динамические ряды выпуска, экспорта и импорта промежуточной и конечной продукции. БД находит широкое применение в экономических расчетах (см., например: [25; 26]).

В качестве источников информации по внешнеторговым потокам России и их отраслевой структуре использованы Российский статистический ежегодник (издание Росстата) и обзоры внешней торговли России, подготовленные сайтом russian-trade.com на основе данных Федеральной таможенной службы России.

Результаты

После вступления стран Балтии в ЕС и по настоящее время в динамике их производственных связей с Россией выделяются два этапа — до и после введения санкций в отношении нашей страны в 2014 году. Для первого из них (2004—2013) характерен опережающий рост торговли промежуточной продукцией в сравнении с

⁶ Подробнее, см., например: Statistical Insights: Merchandise trade statistics without asymmetries, 2017, OECD, URL: <https://www.oecd.org/sdd/its/statistical-insights-merchandise-trade-statistics-without-asymmetries.htm> (дата обращения: 22.09.2022).

⁷ Причины этого феномена подробно рассмотрены, например, в работе [24].

⁸ World Input-Output Database: Intercountry Input-Output Table 2014, 2014, World Input-Output Database, URL: <http://www.wiod.org/database/wiots16> (дата обращения: 22.09.2022).

основными торговыми партнерами прибалтийских стран — Германией и Финляндией, для второго (2014 год — по настоящее время) — незначительный спад экспортно-импортных потоков товаров производственного потребления в 2014 году, затем серьезное падение в 2015—2016 годах, вследствие как санкций, так и наложившегося на них мирового внешнеторгового кризиса. В 2017—2020 годах производственные связи стран Балтии с Россией постепенно восстанавливались после потрясений, появилась даже перспектива выхода по некоторым направлениям на уровень начала 2010-х годов (например, экспорт из Литвы в Россию).

Экспорт

Членство в ЕС дало мощный толчок экономическому развитию стран Балтии, в частности за счет открывшихся новых каналов свободной торговли с другими членами Союза и резкой активизации внешней торговли с Россией. Особенно высокими темпами отличался рост их товарного экспорта (рис. 1).

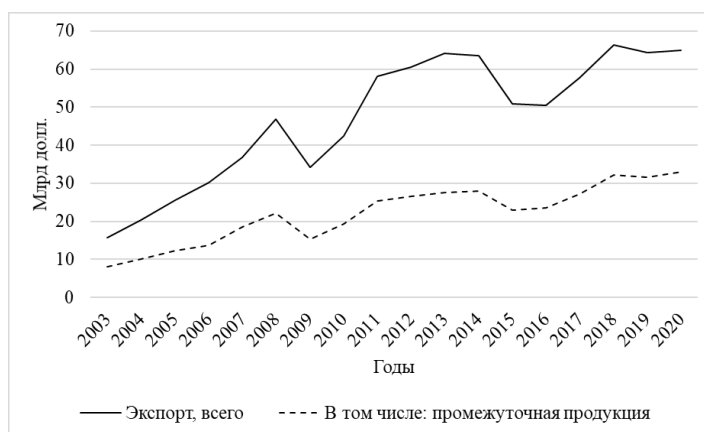

Рис. 1. Динамика экспорта товаров стран Балтии, в том числе промежуточной продукции, млн дол., текущие цены

Источник: составлено автором по БД ОЭСР.

Только за период 2003—2008 годов ежегодный вывоз товаров странами Балтии увеличился почти в 3 раза (с 15,7 до 46,8 млрд дол.⁹), а промежуточной продукции — более чем в 2,5 раза (с 8 до 22,2 млрд дол.). Темпы ежегодного прироста экспорта товаров всей группы стран исчислялись двузначными числами и составляли в % к предыдущему году: в 2004 году — 28,9; в 2005-м — 26,8; в 2006-м — 17,4; в 2007-м — 22,4; в 2008-м — 27,1¹⁰. Сопоставимыми были и показатели экспорта промежуточной продукции. Темпы ежегодного прироста по отношению к предыдущему году, в %: в 2004 году — 25,1; в 2005-м — 21,8; в 2006-м — 12,2; в 2007-м — 35,5; в 2008-м — 19,9.

В те годы Россия, по сути, заново открыла прибалтийским странам свой рынок для товаров производственного назначения. Темпы ежегодного прироста поставок на него странами Балтии своей продукции превосходили все остальные макроэ-

⁹ Здесь и далее, если не оговорено особо, текущие цены.

¹⁰ Рассчитано по БД ОЭСР. Последующий структурный анализ в значительной степени основан на информации из этой базы данных.

кономические показатели их развития, включая общеэкономические, производственные, внешнеторговые. В результате поступление продукции промежуточного потребления в Россию увеличилось за период с 2003 по 2008 год: из Эстонии — в 2,7 раза; из Латвии — почти в 7 раз, из Литвы — в 4,3 раза (табл. 1)¹¹.

Таблица 1

Экспорт промежуточной продукции стран Балтии в Россию, Германию и Финляндию, млн дол., текущие цены, 2003—2013 годы

Страна	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Экспорт в Россию											
Эстония	351	354	347	480	684	954	743	936	1283	1453	1467
Латвия	60	131	194	221	334	411	292	363	456	454	468
Литва	277	409	629	636	894	1192	806	1076	1451	1705	1961
<i>Всего</i>	688	893	1170	1337	1912	2557	1841	2375	3191	3611	3896
Доля России в экспорте товаров стран Балтии, в том числе промежуточная продукция, %											
Товаров, всего	9,7	9,5	10,3	11,0	12,8	14,5	13,5	14,3	15,1	16,9	17,6
промежуточной продукцией	8,6	8,9	9,6	9,8	10,3	11,5	12,1	12,3	12,6	13,6	14,1
Экспорт в Германию											
Эстония	327	332	248	250	305	305	283	364	460	412	411
Латвия	291	269	278	326	404	391	356	515	611	588	543
Литва	358	405	441	521	859	1000	777	1008	1199	1204	1140
<i>Всего</i>	976	1005	967	1096	1568	1696	1415	1887	2271	2203	2094
Экспорт в Финляндию											
Эстония	617	718	833	877	1071	1239	762	987	1286	1077	1091
Латвия	53	78	104	120	232	271	145	223	276	246	219
Литва	41	28	41	47	114	176	119	113	182	182	228
<i>Всего</i>	711	824	978	1045	1416	1686	1026	1323	1744	1505	1538

Источник: рассчитано по БД ОЭСР.

Мировой финансово-экономический кризис 2008—2009 годов привел к снижению потоков продукции производственного назначения из стран Балтии в Россию, но ненадолго — затем последовало быстрое восстановление докризисных значений. Кризис, таким образом, не смог переломить общей тенденции первого десятилетия пребывания стран Балтии в ЕС, состоящей в сверхвысоком росте экспорта промежуточной продукции в Россию, который за период 2003—2013 годов увеличился в Эстонии — в 4,2 раза, в Латвии — в 7,8 раза, в Литве — в 7,1 раза.

Из данных, приведенных в таблице 1, видно, что рост экспорта стран Балтии в Германию значительно уступал российским показателям и повысился по промежуточной продукции за период 2003—2013 годов в Эстонии — в 1,3 раза, в Латвии — в 1,9 раза, в Литве — в 3,2 раза. Аналогичная динамика характерна для увеличения экспорта странами Балтии продукции производственного назначения в Финляндию: в Эстонии — в 1,8 раза, в Латвии — в 4,1 раза, в Литве — в 5,6 раза.

Таким образом, в 2003—2013 годах вектор поставок продукции производственного назначения стран Балтии был направлен в значительной степени в сторону России: в течение всего периода наша страна являлась для них в среднем в 2—3 раза более перспективным рынком сбыта такой продукции, чем Германия и Финляндия.

В результате опережающего роста производственных связей в 2003—2013 годах доля России в совокупном экспорте товаров, в частности промежуточной продук-

¹¹ В целях проведения сравнительного анализа в таблице 1 приведены также данные по Германии и Финляндии.

ции стран Балтии, существенно возросла (табл. 1). Если в 2004 году на Россию приходилось только 9,5 % их товарного экспорта, в том числе по промежуточной продукции — 8,9 %, то в 2013 году соответственно 17,6 и 14,1 %.

Такие тренды во многом согласуются и с результатами расчетов по БД WIOD (табл. 2).

Таблица 2

**Рост макроэкономических и внешнеторговых показателей
стран Балтии 2003—2013 годы, раз**

Страна	ВВП	Валовая продукция (по ММОБ*)	Товарный экспорт в Россию		
			по БД ОЭСР		промежуточной продукции (по ММОБ)
			Всего	В том числе промежуточная продукция	
Эстония	2,1	2,7	5,1	4,2	7,3
Литва	2	2,7	10,0	7,8	3,4
Латвия	1,9	2,8	8,9	7,1	7,9

Примечание: * ММОБ 2014 года.

Источник: рассчитано автором по БД ОЭСР, WIOD.

Из данных, приведенных в таблице 2, видно, что после присоединения к ЕС и до 2013 года в зависимости от методики оценки увеличение ВВП стран Балтии составило в среднем около 2 раз; объема произведенной валовой продукции — примерно 2,7—2,8 раз; экспорта промежуточных товаров Эстонии в Россию — в 4—7 раз, Латвии — в 3—8 раз, Литвы — в 7—8 раз.

С 2014 года положение в торговле исследуемых стран резко меняется. Секторальные санкции ЕС, введенные в отношении России в июле 2014 года, и ответные меры нашей страны привели к снижению взаимной торговли. Правда, на экспорте прибалтийских государств в нашу страну это отразилось в меньшей степени, чем на импорте. В 2014 году экспорт стран Балтии практически стагнировал. Но по странам картина была различная — эстонский экспорт сократился на 25 %, латвийский — на 6,8 %, а литовский увеличился на 10,5 % (табл. 3).

Таблица 3

**Экспорт промежуточной продукции стран Балтии в Россию,
Германию и Финляндию, 2013—2020 годы, млн дол., текущие цены**

Страна	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Экспорт в Россию								
Эстония	1467	1100	681	617	813	768	713	750
Латвия	468	436	297	288	358	384	364	391
Литва	1961	2370	1307	1402	1728	1993	2099	1950
<i>Всего</i>	3896	3905	2286	2307	2900	3145	3176	3091
Экспорт в Германию								
Эстония	411	442	367	393	444	480	472	473
Латвия	543	571	472	531	585	605	550	644
Литва	1 140	1 088	886	848	934	1065	1089	1266
<i>Всего</i>	2094	2101	1726	1771	1963	2151	2112	2383
Экспорт в Финляндию								
Эстония	1 091	1 050	886	974	1 101	1 324	1 238	1 329
Латвия	219	168	120	116	131	206	205	194
Литва	228	227	210	210	232	281	274	302
<i>Всего</i>	1538	1445	1216	1299	1463	1812	1717	1826

Источник: рассчитано автором по БД ОЭСР.

В 2015 году общий экспорт промежуточной продукции стран Балтии в Россию упал по сравнению с предшествующим годом на 41,5 %. Однако это было связано не столько с санкциями, сколько с серьезным спадом в мировой торговле. Как видно из таблицы 3, экспорт стран Балтии в Германию и Финляндию также уменьшился в 2015 году на 17,9 и 15,9 % соответственно.

В 2015—2016 годах разразился глобальный внешнеторговый кризис, в результате которого мировой экспорт сократился на 13,2 % (с 19,0 млрд дол. в 2014 году до 16,6 млрд дол. в 2015 году), а в 2016 году — уже на 15,8 % по отношению к 2014 году (до уровня 16,1 млрд дол.)¹². Эксперты считают важнейшей причиной кризиса падение мировых цен на нефть и другие энергетические и сырьевые ресурсы (см., например: [27—31]). Хотя были и другие причины — замедление экономического роста, слабый прирост мировых инвестиций, снижение темпов экономического развития Китая, усиление протекционизма, сокращение объема внешнеторговых операций с промежуточными товарами в рамках ГЦСС, уменьшение спроса развивающихся стран на импорт и т. д.¹⁵.

Резкое снижение мировой конъюнктуры, с нашей точки зрения, стало главным фактором падения взаимной торговли стран Балтии и России в те годы. В дальнейшем (2017—2019) общий экспорт прибалтийских стран в Россию постоянно увеличивался, обеспечив прирост объема вывезенной продукции в 2019 году на 37,7 % по сравнению с кризисным 2016 годом, что свидетельствует о постепенном восстановлении их производственных связей.

Пандемия COVID-19 и глобальная рецессия 2020 года практически не сказались на вывозе странами Балтии товаров и продукции производственного назначения в Россию: Эстония и Латвия незначительно увеличили объем таких поставок, а Литва — сократила (табл. 3).

Импорт

Тренды развития производственных связей с Россией по импорту промежуточной продукции по каждой прибалтийской стране во многом совпадают, но имеются и особенности. Общим является то, что в 2003—2013 годах импорт из России товаров и в том числе промежуточной продукции увеличивался меньшими темпами в сравнении с их экспортом в Россию. Рост импорта продукции производственного назначения из нашей страны в указанном периоде увеличился в Эстонии — в 2 раза, в Латвии — в 3,2 раза, в Литве — в 4,8 раза (табл. 4).

При этом более значительные темпы роста для Литвы объясняются крупными поставками российской нефти на единственный в странах Балтии нефтеперерабатывающий завод в городе Мажейкяй и резким повышением мировой цены на нефть, составлявшей в отдельные годы рассматриваемого периода до 150 дол. за баррель.

В период наивысшего подъема торговых отношений (2011—2013) импорт стран Балтии из России товаров производственного назначения находился в пределах 11—13 млрд дол. ежегодно, что соответствовало $\sim 1/3$ общего объема ввозимых этими странами из-за рубежа таких товаров. Как и в случае экспорта, это также свиде-

¹² *The World Trade Organization (WTO)*, 2022, URL: <https://data.wto.org/> (дата обращения: 22.09.2022).

¹⁵ См., например: [1, p. 133; 2, p. 15]; *Economic Report of the President*, 2017, Washington, D. C. The White House, January 2017, URL: http://www.presidency.ucsb.edu/economic_reports/2017.pdf (дата обращения: 22.09.2022); *Global Economic Prospects*, 2016, January, Spillovers amid Weak Growth, World Bank. Washington, DC, URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/23435> (дата обращения: 22.09.2022).

тельствует о большом значении для прибалтийских стран российского направления в двусторонней торговле продукцией производственного назначения в условиях свободной конкуренции без санкций и ограничений нерыночного характера.

Таблица 4

**Импорт стран Балтии товаров и промежуточной продукции из России,
2003—2013 годы, млн дол., текущие цены**

Страна	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Импорт товаров, всего											
Эстония	808	1099	1298	2368	2019	1753	1170	1382	2133	2330	1873
Латвия	455	680	781	894	1275	1679	1003	1115	1318	1513	1405
Литва	2160	2854	4323	4701	4401	9406	5482	7637	10185	10401	9784
<i>Всего</i>	3423	4633	6402	7963	7695	12838	7655	10134	13636	14244	13062
В том числе промежуточной продукции											
Эстония	506	701	705	826	1002	936	560	640	824	931	1023
Латвия	390	557	565	733	1017	1352	825	939	1122	1364	1262
Литва	1977	2675	4146	4452	3669	8907	5306	7374	9978	10160	9474
<i>Всего</i>	2873	3933	5416	6011	5688	11195	6691	8953	11924	12455	11759

Источник: рассчитано автором по БД ОЭСР.

Санкционная политика привела к смене в странах Балтии поставщиков промежуточной продукции вместо российских предприятий. Объемы экспорта такой продукции из России значительно сократились (табл. 5).

Таблица 5

**Импорт стран Балтии товаров и промежуточной продукции из России,
2013—2020 годы млн дол., текущие цены**

Страна	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Импорт товаров, всего								
Эстония	1873	2161	1544	1163	1349	1937	1784	1613
Латвия	1405	1356	1192	1051	1201	1558	1209	1067
Литва	9784	7621	4597	3793	4059	5386	5190	2936
<i>Всего</i>	13062	11137	7333	6007	6610	8880	8183	5616
В том числе промежуточной продукции								
Эстония	1023	994	754	635	800	1208	1105	1134
Латвия	1262	1173	985	860	1050	1409	1014	859
Литва	9474	7157	4222	3363	3779	5117	4874	2676
<i>Всего</i>	11759	9324	5961	4859	5629	7734	6993	4669

Источник: рассчитано автором по БД ОЭСР.

В 2014 году по сравнению с 2013 годом импорт промежуточной продукции стран Балтии из России уменьшился на 20,7 %. В 2015 году снижение данного показателя по отношению к 2013 году произошло в 2 раза, а в 2016 году еще на 9,4 %. Но связано такое падение, как указывалось выше, не только с санкциями, но и с общей мировой конъюнктурой, сложившейся на товарных рынках во время глобального внешнеторгового кризиса 2015—2016 годов.

Доля российских компаний в снабжении промышленности прибалтийских стран промежуточной продукцией за 2012—2020 годы сократилась в 2,5 раза и составила в 2020 году только 14,3 %, в то время как в 2012 году она равнялась 35,1 % (наивысшее значение за время после вступления стран Балтии в ЕС). Доля России в общем объеме товарного импорта стран Балтии снизилась в 2,6 раза и составила 8,2 % (2020 год, в 2010 году — 21,2 %).

В структуре товарного экспорта России в страны Балтии продукция производственного назначения в 8—10 раз превышает объем товаров конечного потребления. Это один из самых высоких показателей в мире. В течение всего анализируемого периода индекс производственного участия России в воспроизводственных процессах стран Балтии, понимаемый как доля промежуточной продукции в объеме российского экспорта в каждую из стран, рассчитанный по формуле (1), стабильно превышал 80 % для Латвии и Литвы, в отдельные годы (2011 и 2012) доходил до 90 % в первой из них и 98 % — во второй, а для Эстонии увеличился до 70 % в 2020 году (рис. 2).

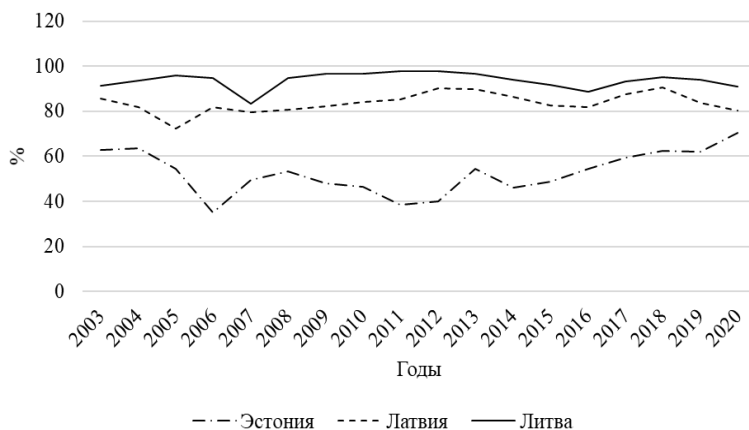

Рис. 2. Индекс производственного участия России в воспроизводственных процессах стран Балтии, %

Источник: рассчитано автором по данным таблиц 4, 5 и формуле (1).

Как видно из рисунка 2, санкционная политика и значительное снижение объемных показателей импорта стран Балтии из России слабо отразились на его структуре и на индексе производственного участия нашей страны в экономике этих стран.

Обсуждение

В чем же причина бурного развития торговых и, главное, производственных отношений стран Балтии с Россией в первое десятилетие после их вступления в ЕС, особенно по экспорту, в том числе в сравнении с такими их традиционными торговыми партнерами, как Германия и Финляндия?

Если отбросить политическую и идеологическую риторику, то в сравнении с выбранными в данном исследовании странами ЕС (Германией и Финляндией) вектор развития двусторонних производственных связей стран Балтии был развернут именно на Россию. В 2003 году уровни торговых связей по экспорту каждой из стран Балтии в Россию, Германию и Финляндию были сопоставимы и в среднем сравнимы между собой (см. табл. 1 на с. 10). Латвия и Литва, например, поставляли в Финляндию меньше продукции производственного назначения, чем в Россию, а Эстония — больше. В то же время Эстония экспортировала в Германию такой продукции меньше, чем Россия, и т. д. А в 2013 году состояние торговых связей прибалтийских государств с Россией достигло настолько высокого уровня, что объем вывозимой ими в Россию продукции производственного потребления *превысил значение аналогичного показателя для Германии и Финляндии вместе взятых*. По

сумме для трех стран Балтии рост экспорта их промежуточной продукции в Россию за 2003—2013 годы увеличился в 5,7 раза, а в Германию и Финляндию — только в 2,2 раза.

С нашей точки зрения, можно выделить следующие основные факторы интенсификации в то время производственных связей стран Балтии с Россией по экспорту на фоне их более медленного развития с Германией, Финляндией, да и с другими ведущими странами ЕС.

1. *Большая выгода производственных связей с российскими предприятиями по критерию прибыльности.* Для любого бизнеса прибыль — главная цель. Предприниматели стран Балтии за счет приобретения российской продукции производственного назначения получали экономию на издержках в сравнении с закупками аналогичной продукции, выпускаемой европейскими, в частности немецкими и финскими, компаниями. Относительно низкая цена производственного оборудования российских фирм при его сопоставимом качестве позволяла прибалтийским компаниям получать дополнительную прибыль.

2. *Емкий российский рынок с неудовлетворенным спросом.* Доступ на западноевропейские и скандинавские рынки для многих предприятий стран Балтии был затруднен. На этих рынках своя конкурентная среда, отношения, свои поставщики, устоявшиеся десятилетиями связи, а российский рынок для относительно маленьких соседних стран — огромный. Спрос на импортную промышленную продукцию, в том числе прибалтийскую, в России все годы возрастал за счет высоких темпов роста национальной экономики и покупательной способности населения и предприятий.

3. *Высокий и сопоставимый с развитыми странами уровень развития производительных сил в России.* За счет резкого падения курса рубля в результате дефолта 1998 года и повышения мировых цен на нефть в начале XXI века Россия смогла начать обновление производительных сил не только в энергетике и добывающих отраслях, но и в обрабатывающей промышленности. По данным Росстата, с 2000 по 2013 год импорт страны увеличился в 9,3 раза (с 34 до 315 млрд дол.), в том числе импорт машин, оборудования и транспортных средств — в 14 раз (с 11 до 153 млрд дол.); удельный вес стран дальнего зарубежья в импорте повысился с 66 (2000) до 88 % (2013); число используемых передовых производственных технологий выросло с 70 тыс. (2000) до 192 тыс. (2011—2012); из 2842 производственных технологий, импортированных Россией (2014) 1910 было использовано в обрабатывающей промышленности и только 103 — в добыче полезных ископаемых¹⁴.

4. *Пространственная связанность и примерно одинаковый с прибалтийскими странами технологический уровень производства в России.* Многие промышленные компании России смогли уже в начале XXI века приобретать на Западе современную технику и технологии и за счет этого обновлять средства производства в обрабатывающих отраслях, включаться в производственные, в том числе глобальные и региональные, цепочки и побеждать немецкие и финские компании в открытой конкурентной борьбе, в том числе на прибалтийских рынках.

5. *Давние, заложенные еще в советское время производственные и личностные связи, общие региональные и приграничные ПСЦП, хорошо знакомая бизнес-среда, связанная инфраструктура, понятная, привычная логистика.*

В условиях высокой конкуренции на мировых рынках товаров производственного назначения Россия до сих пор остается важным партнером прибалтийских стран. Введение антироссийских санкций оказало относительно слабое негативное

¹⁴ *Российский статистический ежегодник. 2015, 2015, Росстат, М., с. 521, 523, 626, 631, 633, 634.*

воздействие на торговлю странами Балтии с Россией продукцией производственного назначения. В большей степени на ней сказался глобальный торговый кризис 2015—2016 годов.

Для внутреннего развития и встраивания стран Балтии в ГЦСС особенно важными являются прочные связи по импорту этими странами российской продукции отраслей добывающей промышленности, первого передела, полуфабрикатов и других товаров производственного назначения. Близость российских источников сырья и продуктов первичной переработки, развитая и связанная с территорией России инфраструктура, схожесть технических и технологических требований и другие факторы позволяют обрабатывающим предприятиям стран Балтии получать товары из России, их перерабатывать и в последующем экспортировать, то есть встраиваться в глобальные цепочки.

После 2014 года, несмотря на политико-идеологические противоречия, санкции, ограничительные меры и другие негативные явления, сворачивания деловых контактов России со странами Балтии не произошло, торгово-производственные отношения сторон не прекратились, а в 2017—2020 годах по некоторым направлениям даже укрепились.

Заключение

Исторически и технологически промышленное производство стран Балтии в значительной степени ориентировано в сторону России. Эта закономерность подтвердилась после присоединения стран Балтии к ЕС: в создавшихся тогда новых рыночных условиях и при открытой конкуренции прибалтийские товары производственного назначения стали поступать опережающими темпами не в страны-партнеры по союзу, такие как Германия и Финляндия, а в именно Россию. Особенно ярко это проявилось на начальном этапе — в 2004—2013 годах. Непрерывно в течение 10 лет наблюдался небывало высокий и длительный спрос со стороны российских компаний на промышленную продукцию производственного назначения прибалтийских поставщиков, в том числе и во время мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 годов.

Как показали межстрановые сопоставления, Россия была тогда для стран Балтии более перспективным рынком сбыта промышленной продукции производственного назначения по сравнению с Германией и Финляндией. В 2003 году наша страна имела примерно одинаковые стартовые позиции с Германией и Финляндией по экспорту странами Балтии своей промежуточной продукции. А уже в 2013 году объем поставок прибалтийскими предпринимателями в Россию продукции производственного потребления превысил значение аналогичного показателя для Германии и Финляндии вместе взятых. Тем самым в рыночной среде, без административных барьеров, санкций и ограничений значительная часть российских предприятий демонстрировала высокую конкурентоспособность по отношению к компаниям ведущих стран ЕС. В условиях открытой конкурентной борьбы российские промышленные предприятия зачастую побеждали.

Резким увеличением импорта товаров производственного назначения Россия дала в тот период мощный дополнительный импульс экономическому росту стран Балтии и встраиванию их в ГЦСС. Если в 2003 году они поставили в Россию промежуточной продукции на сумму 0,7 млрд дол., то в 2013-м — почти на 3 млрд дол. В результате доля России в общем объеме экспорта стран Балтии выросла с 9,7 % в 2003 году до 16,9 % в 2013 году по товарам в целом и с 8,6 до 13,6 % по продукции производственного назначения.

Выявленные внешнеторговые тренды 2003—2013 годов создавали благоприятные условия для активного включения стран Балтии в производственную коопера-

цию с российскими компаниями и позволяли в случае дальнейшего эволюционного развития сформировать устойчивые региональные производственные цепочки, дополненные приграничным производственным сотрудничеством с возможным выходом на другие страны ЕС. Однако этого не произошло.

В тот период были также все возможности для выстраивания странами Балтии долгосрочных стратегических отношений с Россией, в том числе в ГЦСС, через производственную кооперацию и совместное производство с возможностью выхода через них в последующем на европейские и азиатские рынки. Но этого тоже не произошло. Политические и идеологические амбиции возобладали над здравым смыслом и экономической целесообразностью. Позитивный для экономического развития стран Балтии и России десятилетний тренд был сломлен санкционной политикой и последовавшим затем мировым торговым кризисом 2015—2016 годов, который дополнительно усугубил негативные тенденции в двусторонней торговле между странами Балтии и Россией.

В 2017—2019 годах производственные связи исследуемых стран стабилизировались, стали постепенно восстанавливаться, развиваться, но не прямолинейно, не во все годы и не со всеми странами одновременно. Литве, например, по объему экспорта в Россию продукции производственного назначения в 2018 и 2019 годах даже удалось превысить показатель 2013 года. А Эстония и Латвия в 2020 году смогли поставить в Россию промежуточной продукции больше, чем в 2019 году на 5,2 и 7,4 % соответственно и получили тем самым поддержку российских компаний-потребителей в условиях мирового экономического кризиса.

Структурные сдвиги в торговых потоках стран Балтии в пользу России в первом десятилетии их членства в ЕС и последние годы связаны как с более высокой прибыльностью на огромном российском рынке, так и со сложностями проникновения прибалтийских компаний со своей продукцией на уже сформированные, высококонкурентные и сбалансированные рынки ЕС, в то время как российские рынки находились в стадии развития и имели перспективы роста. Большое значение для предпринимателей стран Балтии представляли также исторически сложившиеся связи с российскими предприятиями, налаженная инфраструктура, логистика, транспортная доступность и другие институциональные факторы.

В целом полученные результаты свидетельствуют о значительной устойчивости производственных связей компаний стран Балтии и России в рамках двусторонних отношений, а также звеньев глобальных и региональных цепочек к геополитическим (типа санкций и ограничений) и экономическим шокам (мировой торговый кризис 2015—2016 годов, глобальный экономический кризис 2020 года). Взаимные санкции и ограничения после 2014 года вызвали сокращение товарных потоков, но не привели к полному свертыванию производственных связей России со странами Балтии и разрушению производственной инфраструктуры, не смогли остановить межстрановую предпринимательскую деятельность. Россия остается для прибалтийских стран важным внешнеторговым партнером.

Существенные различия структур экономик стран Балтии и России, а также доступа к ресурсам и их достаточности для обеспечения нормального функционирования воспроизводственных процессов в своих экономиках предопределяют высокие уровни поставок промежуточной продукции и взаимную заинтересованность обеих сторон в их увеличении. Экономические интересы и сравнительные конкурентные преимущества стран и субъектов предпринимательской деятельности будут оказывать и в дальнейшем более сильное воздействие на формирование и сохранение производственных связей, чем геополитические факторы. До определенной черты, конечно. Пока, как показало исследование, эту черту страны Балтии и Россия не перешли.

Список литературы

1. Варнавский, В. Г. 2020, Факторы роста и тренды мировой торговли, *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, № 1, с. 51—62. doi: 10.20542/afij-2020-1-51-62.
2. Yeats, A. J. 1998, Just How Big Is Global Production Sharing? World Bank, *Policy Research Working Paper 1871*, Washington, DC. 40 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=597193 (дата обращения: 22.09.2021).
3. De Backer, K., Miroudot, S. 2014, Mapping Global Value Chains, *ECB Working Paper Series*, № 1677, 40 p. URL: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1677.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
4. Faße, A., Grote, U., Winter, E. 2009, *Value chain analysis methodologies in the context of environment and trade research*, Leibniz Universität Hannover, Wirtschaftswissenschaftliche Fakultät, Diskussionsbeitrag, № 429, 59 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/37104/1/609241915.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
5. Baldwin, R., Robert-Nicoud, F. 2010, Trade-in-goods and trade-in-tasks: An Integrating Framework. Cambridge MA. NBER Working Paper, № 15882. 30 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w15882.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
6. Goldberg, P. K., Khandelwal, A. K., Pavcnik, N., Topalova, P. 2009, Imported Intermediate Inputs and Domestic Product Growth: Evidence from India, *CEPS Working Paper*, № 192, 41 p. URL: <https://gceps.princeton.edu/wp-content/uploads/2017/01/192goldberg.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
7. Das, D. K., Gupta, N. 2019, Climbing up India's Manufacturing Export Ladder: How Competitive are Intermediate Goods, *ICRIER Working Paper 371*, 36 p. URL: https://icrier.org/pdf/Working_Paper_371.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
8. Gereffi, G., Humphrey, J., Sturgeon, T. 2003, *The Governance of Global Value Chains*, URL: http://www.soc.duke.edu/sloan_2004/Papers/governance_of_gvcs_final.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
9. Gereffi, G., Fernandez-Stark, K. 2016, *Global Value Chain Analysis: A Primer*, 2nd edition, URL: <https://dukespace.lib.duke.edu/dspace/handle/10161/12488> (дата обращения: 22.09.2021).
10. Hummels, D., Rapoport, D., Yi, K.-M. 1998, Vertical Specialization and the Changing Nature of World Trade, *Economic Policy Review*, June 1998, vol. 4, № 2, p. 79—99, URL: <https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/research/epr/1998/EPRvol4no2.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
11. Benkovskis, K., Bērziņa, S., Zorgenfreiņa, L. 2016, Evaluation of Latvia's re-exports using firm-level trade data, *Baltic Journal of Economics*, vol. 16, № 1, p. 1—20. doi: 10.1080/1406099X.2016.1163891.
12. Ali-Yrkkö, J., Mattila, J., Seppälä, T. 2017, Estonia in Global Value Chains, *ETLA Reports*, № 69, 24 p. URL: <https://pub.etla.fi/ETLA-Raportit-Reports-69.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
13. Smidova, Z., Yashiro, N. 2017, Getting the most out of trade in Estonia, *OECD Economics Department Working Papers*, № 1436, URL: [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP\(2017\)68&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP(2017)68&docLanguage=En) (дата обращения: 22.09.2021).
14. Stavitskiy, A., Kharlamova, G., Giedraitis V., Sengul, E. C. (eds.) 2019, Gravity model analysis of globalization process in transition economies, *Journal of International Studies*, vol. 12, № 2, p. 322—341. doi: 10.14254/2071-8330.2019/12-2/21.
15. Yashiro, N., De Backer, K., Hutter, A., Kools, M., Smidova, Z. 2017, Moving up the global value chain in Latvia, *OECD Economics Department Working Papers*, № 1438. doi: 10.1787/3a486c5e-en.
16. Benkovskis, K., Masso, J., Tkacevs, O., Vahter, P., Yashiro, N. 2017, Export and productivity in global value chains: Comparative evidence from Latvia and Estonia, *OECD Economics Department Working Papers*, № 1448, doi: 10.1787/cd5710c4-en.
17. Bacchetta, M., Bekkers, E., Piermartini, R., Rubinova, S., Stolzenburg, V., Xu, A. 2021, *COVID-19 and global value chains*, World Trade Organization, 34 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202103_e.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
18. Banh, H., Wingender, P., Gueye, C. 2020, Global Value Chains and Productivity: Micro Evidence from Estonia, *IMF Working Papers*, WP/20/117. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/07/03/%20Global-Value-Chains-and-Productivity-Micro-Evidence-from-Estonia-49376> (дата обращения: 22.09.2021).

19. Симачев, Ю. В., Федюнина, А. А., Аверьянова, Ю. В. 2020, Трансформация глобальных цепочек создания стоимости России и стран Балтии вследствие эффектов пандемии COVID-19: перспективы регионализации и следствия для экономической политики, *Балтийский регион*, т. 12, №4, с. 128—146. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-7.
20. Linden, G., Kraemer, K. L., Dedrick, J. 2007, Who Captures Value in a Global Innovation System? The case of Apple's iPod, *Personal Computing Industry Center (PCIC)*, Working Paper 92697, 06-01-2007, 10 p. URL: <http://escholarship.org/uc/item/1770046n> (дата обращения: 31.10.2021).
21. De Backer, K., Miroudot, S. 2012, *Mapping Global Value Chains. Groningen, The Netherlands*, 19 p. URL: http://www.wiod.org/conferences/groningen/Paper_DeBacker_Miroudot.pdf (дата обращения: 31.10.2021).
22. Варнавский, В. Г. 2018, Международная торговля в категориях добавленной стоимости: вопросы методологии, *Мировая экономика и международные отношения*, т. 62, №1, с. 5—15. doi: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15.
23. Ahmad, N., Bohn, T., Mulder, N., Vaillant, M., Zaclicever, D. 2017, Indicators on global value chains: A guide for empirical work, *OECD, Statistics Working Papers 2017/08*. doi: 10.1787/8502992f-en.
24. Fortanier, F. 2016, Towards merchandise trade statistics without asymmetries, *The OECD Statistics Newsletter*, №64, p. 7—11. URL: <https://www.oecd.org/sdd/OECD-Statistics-Newsletter-March-2016.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
25. Timmer, M. P., Dietzenbacher, E., Los, B., Stehrer, R., de Vries, G. J. 2015, An Illustrated User Guide to the World Input-Output Database: The Case of Global Automotive Production, *Review of International Economics*, vol. 23, №3, p. 575—605. doi: 10.1111/roie.12178.
26. Giammetti, R. 2019, Tariffs, Domestic Import Substitution and Trade Diversion in Input-Output Production Networks: how to deal with Brexit, *MPRA Paper*, №92835, URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/92835/> (дата обращения: 22.09.2021).
27. Hoekman, B. 2015, Trade and growth — end of an era? In: *The Global Trade Slowdown: A New Normal?* CEPR, London, p. 3—19, URL: https://voxeu.org/sites/default/files/file/Glob-al%20Trade%20Slowdown_pocover.pdf (дата обращения: 22.09.2021).
28. Constantinescu, C., Mattoo, A., Ruta, M. 2015, The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural? *IMF Working Paper*, WP/15/6. 43 p., URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1506.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
29. Constantinescu, C., Mattoo, A., Ruta, M. 2017, *Trade Developments in 2016: Policy Uncertainty Weighs on World Trade*, Washington, D. C., World Bank Group, 24 p. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/228941487594148537/pdf/112930-v1-revised-PUBLIC-1706109-Global-Trade-Watch-Report-Web.pdf> (дата обращения: 22.09.2021).
30. Aslam, A., Boz, E., Cerutti, E., Poplawski-Ribeiro, M., Topalova, P. 2017, Global trade: Drivers behind the slowdown, *VoxEU.org*, URL: <https://voxeu.org/article/global-trade-drivers-behind-slowdown> (дата обращения: 22.09.2021).
31. Al-Haschimi, A., Gächter, M., Lodge, D., Steingress, W. 2016, The great normalisation of global trade, *VoxEU.org*, URL: <http://voxeu.org/article/great-normalisation-global-trade> (дата обращения: 22.09.2021).

Об авторе

Владимир Гаврилович Варнавский, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, Россия.

E-mail: varnavsky@imemo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1772-1800>

ANALYSING THE DYNAMICS OF THE BALTIC STATES'S PRODUCTION LINKAGES WITH RUSSIA

V. G. Varnavskii

V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences
65 Profsoyuznaya street, Moscow, 117997, Russia

Received 23.09.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-1
©Varnavskii, V. G. 2022

Russia and the Baltic States have a long-standing relationship of industrial specialisation, cooperation, division of labour and trade exchange, all dating back to the Soviet Union. Today, this relationship is facing a tough test amid political and ideological challenges and risks. The last two years have seen a profound and large-scale crisis caused by the global COVID-19 pandemic. Overall, the production linkages between Russia and the Baltic States have adapted in response to the existing problems, remaining resistant to the geopolitical and pandemic shocks. This article examines the production linkages between Russia and the Baltic countries, investigating the export-import flows of consumer and intermediate goods in 2003–2020. A comparative study of the Baltic States' production linkages with Russia and their main partners in the EU — Germany and Finland — is carried out. It is concluded that, before the introduction of sanctions in 2014 and the world trade crisis of 2015–2016, Russia was a more promising market than Germany and Finland for the Baltic States' companies trading in intermediate goods.

Keywords:

production linkages, Baltic States, Russia, Germany, Finland, export, import, intermediate goods

References

1. Varnavskii, V. 2020, Growth factors and trends of global trade, *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, № 1, p. 51–62. doi: 10.20542/afj-2020-1-51-62.
2. Yeats, A. J. 1998, Just How Big Is Global Production Sharing? World Bank, *Policy Research Working Paper 1871*, Washington, DC. 40 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=597193 (accessed 22.09.2021).
3. De Backer, K., Miroudot, S. 2014, Mapping Global Value Chains, *ECB. Working Paper Series*, № 1677, 40 p. URL: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1677.pdf> (accessed 22.09.2021).
4. Faße, A., Grote, U., Winter, E. 2009, *Value chain analysis methodologies in the context of environment and trade research*, Leibniz Universität Hannover, Wirtschaftswissenschaftliche Fakultät, Diskussionsbeitrag, № 429, 59 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/37104/1/609241915.pdf> (accessed 22.09.2021).
5. Baldwin, R., Robert-Nicoud, F. 2010, Trade-in-goods and trade-in-tasks: An Integrating Framework.. Cambridge MA. NBER Working Paper, № 15882. 30 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w15882.pdf> (accessed 22.09.2021).
6. Goldberg, P. K., Khandelwal, A. K., Pavcnik, N., Topalova, P. 2009, Imported Intermediate Inputs and Domestic Product Growth: Evidence from India, *CEPS Working Paper*, № 192, 41 p. URL: <https://gceps.princeton.edu/wp-content/uploads/2017/01/192goldberg.pdf> (accessed 22.09.2021).
7. Das, D. K., Gupta, N. 2019, Climbing up India's Manufacturing Export Ladder: How Competitive are Intermediate Goods, *ICRIER, Working Paper 371*, 36 p. URL: https://icrier.org/pdf/Working_Paper_371.pdf (accessed 22.09.2021).

8. Gereffi, G., Humphrey, J., Sturgeon, T. 2003, *The Governance of Global Value Chains*, URL: http://www.soc.duke.edu/sloan_2004/Papers/governance_of_gvcs_final.pdf (accessed 22.09.2021).
9. Gereffi, G., Fernandez-Stark, K. 2016, *Global Value Chain Analysis: A Primer*, 2nd Edition, URL: <https://dukespace.lib.duke.edu/dspace/handle/10161/12488> (accessed 22.09.2021).
10. Hummels, D., Rapoport, D., Yi, K.-M. 1998, Vertical Specialization and the Changing Nature of World Trade, *Economic Policy Review*, June 1998, vol. 4, № 2, p. 79–99, URL: <https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/research/epr/1998/EPRvol4no2.pdf> (accessed 22.09.2021).
11. Beņkovskis, K., Bērziņa, S., Zorgenfreiņa, L. 2016, Evaluation of Latvia's re-exports using firm-level trade data, *Baltic Journal of Economics*, vol. 16, № 1, p. 1–20. doi: 10.1080/1406099X.2016.1163891.
12. Ali-Yrkkö, J., Mattila, J., Seppälä, T. 2017, Estonia in Global Value Chains, *ETLA Reports*, № 69, 24 p. URL: <https://pub.etla.fi/ETLA-Raportit-Reports-69.pdf> (accessed 22.09.2021).
13. Smidova, Z., Yashiro, N. 2017, Getting the most out of trade in Estonia, *OECD, Economics Department Working Papers*, № 1436, URL: [https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP\(2017\)68&docLanguage=En](https://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/WKP(2017)68&docLanguage=En) (accessed 22.09.2021).
14. Stavitskiy, A., Kharlamova, G., Giedraitis V., Sengul, E. C. (eds.) 2019, Gravity model analysis of globalization process in transition economies, *Journal of International Studies*, vol. 12, № 2, p. 322–341. doi: 10.14254/2071-8330.2019/12-2/21.
15. Yashiro, N., De Backer, K., Hutfilter, A., Kools, M., Smidova, Z. 2017, Moving up the global value chain in Latvia, *OECD, Economics Department Working Papers*, № 1438. doi: 10.1787/3a486c5e-en.
16. Benkovskis, K., Masso, J., Tkacevs, O., Vahter, P., Yashiro, N. 2017, Export and productivity in global value chains: Comparative evidence from Latvia and Estonia, *OECD, Economics Department Working Papers*, № 1448, doi: 10.1787/cd5710c4-en.
17. Bacchetta, M., Bekkers, E., Piermartini, R., Rubinova, S., Stolzenburg, V., Xu, A. 2021, *COVID-19 and global value chains*, World Trade Organization, 34 p. URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202103_e.pdf (accessed 22.09.2021).
18. Banh, H., Wingender, P., Gueye, C. 2020, Global Value Chains and Productivity: Micro Evidence from Estonia, *IMF Working Papers*, WP/20/117. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/07/03/%20Global-Value-Chains-and-Productivity-Micro-Evidence-from-Estonia-49376> (accessed 22.09.2021).
19. Simachev, Y. V., Fedyunina, A. A., Averyanova, Y. V. 2020, Transformation of global value chains in Russia and the Baltics amid Covid-19: prospects for regionalization and implications for economic policy, *Balt. Reg.*, vol. 12, № 4. p. 128–146. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-7.
20. Linden, G., Kraemer, K. L., Dedrick, J. 2007, Who Captures Value in a Global Innovation System? The case of Apple's iPod, *Personal Computing Industry Center (PCIC)*, Working Paper 92697, 06-01-2007, 10 p. URL: <http://escholarship.org/uc/item/1770046n> (accessed 31.10.2021).
21. De Backer, K., Miroudot, S. 2012, *Mapping Global Value Chains. Groningen, The Netherlands*, 19 p. URL: http://www.wiod.org/conferences/groningen/Paper_DeBacker_Miroudot.pdf (accessed 31.10.2021).
22. Varnavskii, V.G. 2018, International trade in value added terms: methodological issues, *World Economy and International Relations*, vol. 62, № 1, p. 5–15. doi: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15.
23. Ahmad, N., Bohn, T., Mulder, N., Vaillant, M., Zaclicever, D. 2017, Indicators on global value chains: A guide for empirical work, *OECD, Statistics Working Papers* 2017/08. doi: 10.1787/8502992f-en.
24. Fortanier, F. 2016, Towards merchandise trade statistics without asymmetries, *The OECD Statistics Newsletter*, № 64, p. 7–11. URL: <https://www.oecd.org/sdd/OECD-Statistics-Newsletter-March-2016.pdf> (accessed 22.09.2021).
25. Timmer, M. P., Dietzenbacher, E., Los, B., Stehrer, R., de Vries, G. J. 2015, An Illustrated User Guide to the World Input-Output Database: The Case of Global Automotive Production, *Review of International Economics*, vol. 23, № 3, p. 575–605. doi: 10.1111/roie.12178.
26. Giammetti, R. 2019, Tariffs, Domestic Import Substitution and Trade Diversion in Input-Output Production Networks: how to deal with Brexit, *MPRA Paper*, № 92835, URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/92835/> (accessed 22.09.2021).

27. Hoekman, B. 2015, Trade and growth — end of an era? In: *The Global Trade Slowdown: A New Normal?* CEPR, London, p. 3—19, URL: https://voxeu.org/sites/default/files/file/Global%20Trade%20Slowdown_nocover.pdf (accessed 22.09.2021).

28. Constantinescu, C., Mattoo, A., Ruta, M. 2015, The Global Trade Slowdown: Cyclical or Structural? *IMF Working Paper*, WP/15/6. 43 p., URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp1506.pdf> (accessed 22.09.2021).

29. Constantinescu, C., Mattoo, A., Ruta, M. 2017, *Trade Developments in 2016: Policy Uncertainty Weighs on World Trade*, Washington, D. C., World Bank Group, 24 p. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/228941487594148537/pdf/112930-v1-revised-PUBLIC-1706109-Global-Trade-Watch-Report-Web.pdf> (accessed 22.09.2021).

30. Aslam, A., Boz, E., Cerutti, E., Poplawski-Ribeiro, M., Topalova, P. 2017, Global trade: Drivers behind the slowdown, *VoxEU.org*, URL: <https://voxeu.org/article/global-trade-drivers-behind-slowdown> (accessed 22.09.2021).

31. Al-Haschimi, A., Gächter, M., Lodge, D., Steingress, W. 2016, The great normalisation of global trade, *VoxEU.org*, URL: <http://voxeu.org/article/great-normalisation-global-trade> (accessed 22.09.2021).

The author

Prof. Vladimir G. Varnavskii, Leading Research Fellow, V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: varnavsky@imemo.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1772-1800>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ БАЛТИКИ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЯЮЩЕЙСЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

С. С. Лачининский

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 03.10.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-2
© Лачининский С. С., 2022

Статья представляет собой концептуальное теоретико-эмпирическое исследование и посвящена изучению геополитических рисков регионов Российской Балтики в условиях обостряющейся геополитической обстановки в 2014–2021 годах. Высказана гипотеза о том, что регионы Российской Балтики находятся в довольно уязвимом положении, учитывая географическое соседство со странами ЕС, наличие общих границ, а также резко обострившуюся военно-политическую ситуацию. Геоэкономические риски рассматриваются в соответствии с разработанной нами ранее методологией, апробированной в отечественной и зарубежной практике. Были выделены четыре типа геоэкономических рисков — пространственный, экономический, социально-демографический, геополитический — на пяти территориальных уровнях. Исследованы два уровня — средний (общегосударственный) и нижний (региональный). В работе поставлена задача сформировать концептуальное представление о существующих типах геоэкономических рисков регионов Российской Балтики — Санкт-Петербурга, Ленинградской, Калининградской, Новгородской, Псковской, Мурманской областей и Республики Карелии — в условиях обостряющейся геополитической обстановки в Европе в период с 2014 по 2021 год, спровоцированной политическим кризисом на Украине (2013–2014). В рамках исследования стояла задача подобрать под каждый тип геоэкономических рисков соответствующие показатели и аналитику из экономического, социального и внешнеэкономического блоков. Для выявления геоэкономических рисков выбранных регионов рассматриваются три базовых показателя — численность населения, ВРП, внешнеторговый оборот, а также изменение иных показателей за 2014–2021 годы. Были рассмотрены 4 типа и 18 конкретных геоэкономических рисков регионов Российской Балтики. Конкретные геоэкономические риски сгруппированы в два блока — пространственный и геополитический тип; экономический и социально-демографический тип. На основе авторской экспертной позиции была получена предварительная оценка рисков в регионах. Пространственный и геополитический тип геоэкономических рисков оценивается нами как очень высокий для Калининградской области, а экономический и социально-демографический в наибольшей степени затрагивает Псковскую область и Республику Карелию.

Ключевые слова:

геоэкономические риски, геополитика, геоэкономика, Российская Балтика, Балтийский регион, обострение в Европе, геополитические риски, нестабильность, геополитический кризис

Для цитирования: Лачининский С. С. Геоэкономические риски регионов Российской Балтики в условиях обостряющейся геополитической обстановки // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 23–37. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-2.

Предыдущие исследования и постановка проблемы

Данная статья посвящена изучению геополитических рисков регионов Российской Балтики в условиях обостряющейся геополитической обстановки в 2014—2022 годах. При этом в статье не приводится оценка новых геополитических рисков, возникших после 24 февраля 2022 года в результате резко изменившейся геополитической ситуации в Европе в связи с началом специальной военной операции Вооруженных сил РФ на Украине. Это связано с тем, что с 24 февраля по 18 марта 2022 года странами коллективного Запада и ЕС было введено более 2000 дополнительных ограничительных мер и рестрикций по отношению к России в экономической, социальной, гуманитарной, научно-технологической и медийной сферах. Процесс наращивания так называемого санкционного давления на Россию и Республику Беларусь продолжается и в ближайшее время, при этом можно ожидать значительной эскалации, вплоть до мер по отношению к приграничным регионам России, рассматриваемым в данной статье. При выделении российского сегмента Балтийского региона (Российской Балтики) мы опираемся на исчерпывающее исследование [1], в котором авторы предлагают расширительный подход («расширенный А» — VASAB): включают такие российские регионы, как Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Новгородская, Псковская, Мурманская области и Республика Карелия. Именно их мы и будем рассматривать.

В статье предлагается проверить гипотезу о том, что регионы Российской Балтики находятся в довольно уязвимом положении и имеют высокие геоэкономические риски. При этом учтено географическое соседство со странами ЕС, наличие общих границ, длительная история совместного приграничного сотрудничества, устоявшиеся внешнеэкономические связи со странами региона. Очевидно, что резкое обострение ситуации в Европе приведет к значительным социально-экономическим и политическим последствиям, среди которых стоит отметить ограничительные меры стран Запада по отношению к жителям РФ и Республики Беларусь, а также экономическим агентам, оперирующим за пределами государств; новый миграционный кризис с украинскими беженцами на территории всей Восточной Европы включая РФ; наращивание военной инфраструктуры и военных контингентов в Восточной Европе, в том числе в приграничных регионах РФ; разрушение глобальных цепочек добавленной стоимости с участием российских регионов; потенциально разрастающуюся зону военного конфликта за счет вовлечения стран Вишеградской группы и Прибалтики; исход украинских боевиков и националистов в сопредельные государства и резкое возрастание террористической угрозы для российских регионов и др.

В мировой науке существует многолетний дискурс (по мнению А. Б. Швеца [2], с 1950-х годов) о понятии геополитических рисков, которое чаще всего воспринимается в качестве потенциального ограничителя развития территории. Об интересе ученых к данному феномену говорит целый ряд актуальных публикаций в социальных и географических изданиях ([3—9]). Некоторые авторы [6], обобщив накопленные знания о геополитических рисках, приходят к выводу, что геополитические события и вызванная ими геополитическая неопределенность (гражданские беспорядки, терроризм, гражданские конфликты, правительственные перемены, выборы и политические потрясения) оказывают глубокое влияние на экономические показатели отдельных стран и регионов. Кстати, на примере политического кризиса на Украине (2013—2014) видно, каким образом гражданские конфликты и внутренняя нестабильность приводят к спаду и деградации экономики. К 2018 году Украина потеряла 20 % промышленного производства, а падение ВВП только за 2014—2015 годы составило 16,5 %. Потери от блокады Донбасса оцениваются в 2 % ВВП

(1,9 млрд дол.)¹. Одновременно с этим украинский кризис 2014 года привел к росту региональной геополитической неопределенности и наращиванию конфликтогенности во всем европейском регионе, а его обострение в 2022 году чревато глубочайшим социально-экономическим и политическим кризисом в странах ЕС и серьезными вызовами для экономики России (взаимные санкции и рестрикции стран Запада и России; резкий рост цен на энергоносители, сырьевые товары и продовольствие; радикальное падение товарооборота; рост военной напряженности на внешних границах ЕС; обострение прежних противоречий; гуманитарный кризис и пр.).

В [8] указывается, что геополитические риски охватывают как риски того, что эти события материализуются, так и новые риски, связанные с эскалацией существующих событий. Именно поэтому участники рынка (бизнесмены, экономические агенты и фирмы, должностные лица центральных банков) рассматривают геополитические риски как ключевые факторы, определяющие инвестиционные решения и динамику фондового рынка.

При этом геополитические риски имеют четкую региональную фокусировку, на которую, в частности, указывает И. Эжиев. Он отмечает, что традиционной целью изучения рисков применительно к конкретному региону была оценка их степени при существующих или потенциальных политических, экономических, психологических и иных условиях и обоснование решений конкретного субъекта по минимизации риска и вытеснению стратегического противника из определенного пространства [10]. При этом И. В. Джус отмечает, что в узком понимании геополитическими рисками можно считать вероятность прямого или косвенного воздействия событий в политическом мире на деятельность экономических субъектов [11].

Важность и актуальность изучения геополитических рисков подтверждается тем, что ряд международных исследовательских групп (в частности, «Supply Wisdom-2020»²) ежегодно публикует аналитические обзоры, посвященные этим рискам. Интересно, что «Supply Wisdom» ставит геополитические риски в ряд 14 других рисков и рассматривает их на страновом уровне. Эта группа выделяет важные акценты, которые подчеркивают внутренние свойства данного феномена, а также перекидывают мостик в сторону геоэкономических рисков, которые являются объектом нашего исследования. Эксперты «Supply Wisdom» полагают, что геополитические риски могут представлять наивысший уровень глобальных сбоев бизнеса и рисков для цепочки поставок, которые предприятия не контролируют должным образом, а также эффективно показывают, насколько риски, связанные с местоположением, могут варьироваться от страны к стране. Отмечается, что геополитические риски не статичны в течение года, а находятся в состоянии постоянного изменения.

В исследовании Финского института международных отношений (2021) под геоэкономическими рисками понимаются риски, связанные с экономикой, используемой государствами для достижения политических целей. Авторы обратили внимание, что в мире глобальных цепочек поставок и рынков первостепенное значение приобретает фактор надежности поставок, особенно в период пандемии COVID-19. Этот период (2020—2022) принес в мировую экономику новые ограничения: санитарный контроль, дистанционные доставку товаров и предоставление услуг, задержку поставок, «растущую секьюритизация» и пр. Отличием геоэкономических рисков от рисков политического типа является их территориальный, трансграничный и транснациональный характер [12].

¹ Ukrainian economy: believe in a miracle, 2018, April 19, *Russia in global politics*. URL: //globalaffairs.ru/articles/ukrainskaya-ekonomika-verit-v-chudo/ (дата обращения: 07.02.2022).

² Geo-Political Risk, 2022, *Supply Wisdom*. URL: <https://www.supplywisdom.com/geopolitical-risk-index/> (дата обращения: 05.01.2022).

Контекст этого феномена объясняет сама природа и генезис геоэкономики, на что указал М. Спарке. В частности, он считает, что геоэкономика представляет собой удивительно широкое явление, охватывающее множество вещей: безграничные экономические зоны, стратегические экономические инструменты внешней политики, такие как неолиберализм, национализм и т. д. [13].

М. Вигель подчеркивает, что выделенные им виды геоэкономических стратегий — неоимпериализм, неомеркантилизм, гегемония и либеральный институционализм — реализуются региональной державой и формируют региональный порядок в том регионе, который представляет интерес для такой державы [14].

В своем концептуальном исследовании геоэкономических рисков [15] мы выделяем пять территориальных уровней анализа этих рисков — высший, верхний, средний, нижний, низший — и четыре типа геоэкономических рисков — пространственный, экономический, социально-демографический, геополитический.

Регионы Российской Балтики в условиях обостряющейся геополитической обстановки

Российская Балтика рассматривается в соответствии с расширительным подходом А. Б. Клемешева, Г. М. Федорова и соавт. («расширенный А» — VASAB) [1] в составе семи регионов — Санкт-Петербурга, Ленинградской, Калининградской, Новгородской, Псковской, Мурманской областей и Республики Карелия.

Для выявления геоэкономических рисков выбранных регионов рассмотрим три базовых показателя: численность населения, ВРП, внешнеторговый оборот, а также изменение показателей за 2014—2021 годы (табл. 1).

Таблица 1

Регионы Российской Балтики в 2014—2021 годах

Регион	Численность населения, тыс. чел.			ВРП, млрд руб.			ВТО, млн дол.		
	2014	2021	Изменение, %	2014	2021	Изменение, %	2014	2020	Изменение, %
Санкт-Петербург	5192	5384	+3,7	2652	4800	+81%	53 197	42 439	-20
Ленинградская область	1776	1893	+6,6	714	1288	+80%	20 133	8934	-56
Псковская область	651	620	-4,8	121,3	179,7	+48%	1161	502	-57
Новгородская область	619	592	-4,4	205,9	279,9	+36%	2063	1912	-7
Калининградская область	969	1019	+5,1	306,2	556,3	+82%	19 592	8471	-57
Мурманская область	766	733	-4,3	320,3	593,8	+85%	2730	5055	+85
Республика Карелия	633	609	-3,8	185,6	340	+83%	1219	903	-26
<i>Всего</i>	10 606	10 850	+2,3	4505,3	8037,7	+78%	100 095	68 216	-32

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что в 2014—2021 годах в регионах Российской Балтики наблюдались следующие тенденции: продолжался рост численности населения в Ленинградской области (+6,6%), Санкт-Петербурге (+3,7%), а также в Калининградской области (+5,1%) при сокращении населения в регионах периферии — Псковской (-4,8%), Новгородской (-4,4%), Мурманской областях (-4,3%) и Республике Карелия (-3,8%); происходило значительное

увеличение ВВП с выделением группы высокого роста (Ленинградская область, Санкт-Петербург, Калининградская область, Республика Карелия и Мурманская область) и группы низкого роста (Новгородская и Псковская области); падение внешнеторгового оборота с выделением двух групп — кардинального сокращения (Калининградская, Псковская, Ленинградская области) и заметного сокращения (Республика Карелия, Санкт-Петербург и Новгородская область), а также отдельной Мурманской области, где наблюдается рост внешнеторгового оборота (+ 85 %).

На основе наших предыдущих исследований [15] рассмотрим конкретные типы геоэкономических рисков применительно к регионам Российской Балтики (табл. 2).

Таблица 2

Геоэкономические риски регионов Российской Федерации

Тип	Подтип	Риск	Код
Пространственный (П)	—	Угроза депрессии в странах и регионах ЕС	П-1
		Угроза распада транснациональной сети в регионах	П-2
		Угроза или негативное влияние интеграционных процессов в ЕС и ЕвразЭС	П-3
		Угроза изменения геоэкономического положения регионов	П-4
Экономический (Э)	Глобальная вовлеченность (интернационализация экономики)	Угроза оттока или вывода прямых иностранных инвестиций из регионов Российской Балтики	Э ₁ -5
		Угроза внешнеторговым связям и падение экспорта регионов Российской Балтики	Э ₁ -6
	Экономическая зависимость (взаимозависимость)	Влияние конъюнктуры мировых цен на доходы бюджета регионов	Э ₂ -7
	Цикличность мировой экономики	Монофункциональность как угроза	Э ₃ -8
Утрата позиций на мировых рынках		Э ₃ -9	
Социально-демографический (С)	—	Угроза выступлений в результате задержек заработной платы и сокращений рабочих мест	С-10
		Угроза дальнейшего социального расслоения	С-11
		Угроза прироста рабочей силы и снижения уровня квалификации рабочих кадров	С-12
		Угроза обезлюдения территории	С-13
Геополитический (Г)	Враждебное окружение и напряженные взаимоотношения	Угроза внешнеэкономическим связям в результате действия третьих сторон	Г ₄ -14
		Угроза войны, вторжения и локальных военных действий	Г ₄ -15
		Угроза внешним коммуникациям	Г ₄ -16
	Неблагоприятные политические изменения в соседних государствах	Угроза смены политического режима и передела собственности и поставок	Г ₅ -17
	Угроза ведения боевых действий	Угроза экономических потерь от приграничных конфликтов	Г ₆ -18

В таблице 2 представлены 4 типа и 18 геоэкономических рисков регионов Российской Балтики. Далее рассмотрим каждый тип этих рисков.

Пространственный тип геоэкономических рисков

Семь российских регионов Российской Балтики граничат с регионами Европейского союза — Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей.

Как отмечалось ранее в [15], в основе пространственного типа лежит положение в геоэкономическом пространстве, которое определяется связями с важнейшими элементами глобализированного пространства, включая положение относительно мировых городов, интеграционных объединений, международной инфраструктуры и пр.

В связи с этим уместно вспомнить доклад ЕС, в котором отмечается, что «самые богатые регионы данной интеграционной группировки в восемь раз богаче, чем беднейшие регионы, что представляет собой ключевую проблему сплоченности Старой и Новой Европы»³.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что существующая и усиливающаяся региональная асимметрия в социально-экономическом развитии обостряется внутренними политическими, культурно-гуманитарными и геополитическими противоречиями (миграционная и гендерная политика, отношения с Россией и с США, новый миграционный и гуманитарный кризис, радикализация европейской политики и общества, «украинский кризис» и др.), что создает риски будущего распада Европейского союза и нарастающих негативных процессов в периферийных зонах этого экономического объединения. Отсюда следует вывод о том, что не существует единого сплоченного пространства ЕС, что заставляет рассматриваемые нами российские регионы более осмотрительно выбирать ориентиры и партнеров.

Отмечается, что регионы Финляндии оказываются в довольно выгодном положении за счет человеческого потенциала (высокая доля рабочей силы с высоким уровнем образования), а также развития передовых отраслей (высокая доля занятости в них). Следовательно, Республика Карелия, Ленинградская, Мурманская области и Санкт-Петербург в меньшей степени зависят от рисков типа «П», но при этом не могут конкурировать с финскими регионами за инвестиции в передовых секторах.

Регионы Латвии, Литвы, Польши и отчасти Эстонии характеризуются более высоким риском глобализации, что связано с их высокой уязвимостью в сферах деятельности с низкой добавленной стоимостью и с низкой квалификацией рабочей силы. Таким образом, эти регионы имеют трудности в привлечении инвестиций и создании или сохранении рабочих мест. Для пограничных Псковской и Калининградской областей, а также внутренней Новгородской области это означает конкуренцию за ограниченные инвестиционные ресурсы, но и возможности для отраслей и бизнесов с высокой добавленной стоимостью.

«Угроза изменения геоэкономического положения регионов» не представляет ощутимого риска для большинства рассматриваемых регионов, особенно после завершения расширения ЕС и сохранения статус-кво в Республике Беларусь (после событий 2020—2021 годов).

Обострение геополитических рисков в Балтийском регионе приведет к ухудшению геоэкономического положения Калининградской области вплоть до ограничения экспортно-импортных операций и сухопутного сообщения и возможной

³ Regions 2020: An Assessment of Future Challenges for EU, 2008, *Commission of the European communities*. URL: ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/working/regions2020/pdf/regions2020_en.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

блокады. Этот риск может частично купироваться за счет расширения морского сообщения с Ленинградской областью и Санкт-Петербургом, а также наращивания авиаперевозок, в том числе через Республику Беларусь.

В то же время Литва и Латвия на фоне «украинского кризиса» стоят перед серьезным выбором — украинизация политики с последующим фатальным вызовом для своей безопасности или постепенная нормализация отношений с Россией и Республикой Беларусь и устойчивая социально-экономическая и политическая ситуация. Нам представляется, что нынешние политические элиты Литвы, Латвии и Эстонии не способны осмыслить и осознать этот простой выбор и продолжают свой тупиковый путь.

Риски, связанные с угрозами или негативным влиянием интеграционных процессов в ЕС и ЕврАзЭС, прежде всего затрагивают приграничные регионы.

Экономический тип геоэкономических рисков

Как уже было сказано выше, все типы были выделены нами в [15] и прошли длительную апробацию в отечественной и зарубежной географической науке. Экономический тип представлен пятью геоэкономическими рисками, среди которых важным представляется подтип «Глобальная вовлеченность (интернационализация экономики)» — угроза оттока или вывода прямых иностранных инвестиций, угроза внешнеторговым связям и падение экспорта регионов Российской Балтики. В таблице 1 указывается, что с 2014 по 2021 год товарооборот семи рассматриваемых регионов снизился с 100 до 68 млрд дол., то есть на 32 %. При этом наиболее внушительный спад зафиксирован в наиболее открытых и глобализированных регионах со значительными иностранными инвестициями и зависимостью от интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости — в Ленинградской (– 56 %) и Калининградской областях (– 57 %), а также в приграничной Псковской области (– 57 %), что связано со снижением сырьевого экспорта, эмбарго, а также с влиянием пандемии.

Показательным примером здесь стали внешнеэкономические отношения с Финляндией. В России работают более 900 компаний с финским капиталом с размером инвестиций от 12 до 15 млрд евро⁴. При этом показательно, что с 2014 по 2021 год в списке 30 ведущих финских компаний в России по выручке не появилось ни одного нового проекта. Отмечается, что в 2014—2015 годах на финские компании, работающие на российском рынке, обрушилось сразу несколько ударов: антироссийские санкции, из-за которых банки стали менее охотно кредитовать развитие в России, продуктовое эмбарго, остановившее импорт продуктов питания, и обвал рубля, сделавший финские товары более дорогими, а значит, менее конкурентоспособными. Показательным здесь стал уход с российского рынка пяти крупных игроков: «Kesko», «Neste», «Stockmann», «Ruukki» и «Scanfert». Их суммарный годовой оборот на момент прекращения деятельности в России составил 56 млрд руб. Одновременно с этим положительным моментом стало то, что на фоне взаимных санкций и рестрикций, а также политики импортозамещения в России после 2014 года заметен рост промышленности в выручке Топ-30 с 62 % в 2015-м до 70 % в 2019 году⁵.

Интересно, что зарубежные инвесторы очень высоко оценивают возможности и потенциал России, но отмечают высочайшие геополитические и геоэкономиче-

⁴ Лидеры финского бизнеса — 2020. Исследование, 2020, Фонтанка.Ru. URL: <https://www.fontanka.ru/longreads/69553493/> (дата обращения: 05.01.2022).

⁵ Лидеры финского бизнеса — 2020. Исследование, 2020, Фонтанка.Ru. URL: <https://www.fontanka.ru/longreads/69553493/> (дата обращения: 05.01.2022).

ские риски, ограничивающие возможности инвестирования. Председатель правления Российско-германской внешнеторговой палаты (АНК Russland) Маттиас Шепп в конце 2021 года отметил: «Российский рынок — один из самых привлекательных в мире, его рентабельность — одна из высочайших в мире, но это, конечно, и один из самых непостоянных рынков, то и дело подвергаемый шоковому воздействию извне»⁶.

Что касается риска «Влияние конъюнктуры мировых цен на доходы бюджета регионов», то он в условиях российской действительности менее заметен. Дело в том, что важнейшие производители зарегистрированы в Москве (из 500 — 236 с 50 %-ной выручкой) и платят налоги в этом регионе, а значит, не влияют непосредственно на доходы бюджетов рассматриваемых регионов. Среди компаний из списка РБК-500 (2021)⁷, расположенных в этих регионах, которые зависят от внешних рынков, отметим «Газпром» (Санкт-Петербург, ТЭК), «Русал» (Калининградская область, металлургия), Группу «Содружество» (Калининградская область, сельское хозяйство), Группу «Илим» (Санкт-Петербург, ЛПК), «Трансойл» (Санкт-Петербург, транспорт), «Сегежа» (Карелия, ЛПК), «Артис-Агро Экспорт» (Санкт-Петербург, сельское хозяйство), «Усть-Луга Ойл» (Ленинградская область, транспорт).

Риск «Монофункциональность как угроза» может быть проблемой для Санкт-Петербурга после окончательного перехода ПАО «Газпром» из Москвы, а также для Новгородской области в связи с резким ухудшением ситуации на мировых рынках химических удобрений (ПАО «Акрон», которое обеспечивает работой 2 % населения региона) и, отчасти, для Мурманской области, экономика которой опирается на горнодобывающую промышленность.

Социально-демографический тип геоэкономических рисков

В социально-демографическом типе нами выделяются четыре геополитических риска, при этом риск «Угроза обезлюдения территории» представляется нам наиболее важным и определяющим. Из таблицы 1 видно, что численность населения в рассматриваемых регионах выросла на 2,3 %, при этом в Ленинградской области за 2014—2021 годы она увеличилась на 6,6 %, прежде всего за счет районов и городов в пределах агломерационного пространства Большого Санкт-Петербурга (Всеволожский, Кировский, Тосненский, Ломоносовский, Гатчинский районы). Калининградская область также демонстрирует рост численности населения (+5,2 %).

В таблице 3 рассмотрены четыре социальных показателя, которые позволяют анализировать риски этого типа. Видно, что наиболее тревожная ситуация наблюдается в Псковской области и Республике Карелия, что выражается в высокой доле бедного населения (более 15 %) и безработицы (от 5 до 8 %). Несколько лучше ситуация наблюдается в Новгородской, Калининградской и Мурманской областях, что связано с более диверсифицированной структурой экономики и наличием крупных экспортоориентированных производств. Наиболее стабильная ситуация характерна для Санкт-Петербургского приморского региона — Санкт-Петербурга и Ленинградской области, экономика которого носит диверсифицированный характер и имеет огромный потребительский потенциал.

⁶ Фирмы из ФРГ в 2022 году ожидают роста бизнеса в России, но опасаются шоков, 2022, *Deutsche Welle*. URL: www.dw.com/ru/firmy-iz-frg-v-2022-godu-ozhidajut-rosta-biznesa-v-rosR sii/a-60071687 (дата обращения: 07.02.2022).

⁷ РБК Pro представляет рейтинг крупнейших по выручке компаний России, 2021, *РБК*. URL: pro.rbc.ru/rbc500?utm_source=rbc.ru&utm_medium=inhouse_media&utm_campaign=rbc_500_2021&utm_content=6193fe2a9a794700cad2ab0b (дата обращения: 05.01.2022).

Таблица 3

Социальные показатели регионов Российской Балтики

Регион	Уровень безработицы, %		Удельный вес численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, %		Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг (на конец года), % к РФ		Потребление картофеля и хлебных продуктов на душу населения, кг	
	2014	2019	2014	2019	2014	2019	2014	2019
Санкт-Петербург	1,4	1,4	8,3	6,5	107	109	161	150
Ленинградская область	4,5	3,9	10,4	8,8	105	103	205	202
Калининградская область	5,4	4,4	12,1	13,6	102	102	220	204
Псковская область	6,5	5,1	16,1	16,2	97	94	186	189
Новгородская область	3,7	3,6	12,2	13,9	91	91	243	231
Мурманская область	6,7	5,4	10,9	10,6	122	118	155	151
Республика Карелия	8,1	7,4	14,2	15,7	107	106	231	197

Геополитический тип геоэкономических рисков

Геополитический тип представлен пятью геоэкономическими рисками и детально нами рассмотрен в [16]. Отметим, что данный тип выходит на более высокий общегосударственный уровень.

Здесь важно подчеркнуть, что регион Балтийского моря играет важную или даже определяющую роль в геостратегическом противостоянии России (и союзной Беларуси) и Запада, что заставляет по-новому оценивать стратегию США и НАТО в нем. К. К. Худoley указывает, что украинский кризис привел к резкому ухудшению политических отношений России и других государств региона Балтийского моря. Также он справедливо отмечает, что политический разлом между Россией и другими государствами региона Балтийского моря, который в самой легкой форме намечался в предшествующие годы, стал реальностью [17]. Неслучайно в России уже не только в политических и военных, но и в академических кругах [18] утверждается идея о том, что современная российская геостратегия должна быть направлена в первую очередь на преобразование геополитического окружения, формирование дружественных геополитических оболочек вокруг России, преобразование пространства страны, функциональное с точки зрения реализации коренных национальных интересов и решения задач социально-экономической модернизации. Кстати, именно такая идея и была заложена в требованиях России о предоставлении со стороны США и НАТО гарантий безопасности в конце 2021 года.

В данном случае конкретные типы геоэкономических рисков определяются теми военно-стратегическими и политическими решениями, которые могут быть приняты в столицах стран-партнеров.

В декабре 2021 года в Германии пришло к власти новое коалиционное правительство во главе с канцлером Олафом Шольцем. В этом правительстве позицию вице-канцлера и министра иностранных дел получили представители партии «Союз 90/Зеленые», которые проводят наиболее антироссийскую и евроатлантическую политику и угрожают санкциями против газопровода «Северный поток — 2».

В странах Прибалтики и Польше в постсоциалистический период у власти уже давно находятся антироссийские и русофобские режимы. Их недалёковидная политика привела к тому, что за 2000—2020-е годы в России созданы замещающие портово-логистические мощности в восточной части Финского залива с грузооборотом более 250 млн т и построены альтернативные газопроводные магистрали по дну Балтийского и Чёрного морей. Одновременно с этим Россия была вынуждена усилить свою военную группировку в Калининградской области.

Вместе с тем смена политического режима в Финляндии может привести к пересмотру нейтрального статуса этой страны и ухудшению двухсторонних российско-финляндских торгово-экономических отношений. Здесь достаточно напомнить, что в новогоднем обращении 31 декабря 2021 года новый премьер-министр Финляндии Санна Марин заявила: «Мы сохраняем возможность подачи заявки на вступление в НАТО. Мы должны оценить эту свободу выбора, так как это касается права государства решать вопрос о своей безопасности»⁸. Она добавила, что Финляндия укрепляет сотрудничество с Европейским союзом в оборонной сфере. Вызывает опасение и активность третьих стран, которые всячески подталкивают Финляндию к смене своего статуса. Здесь стоит напомнить, что, несмотря на наличие Парижского мирного договора с Финляндией (1947), после заключения договора об окончательном урегулировании в отношении Германии Финляндия 21 сентября 1990 года в одностороннем порядке заявила, что военные ограничения Парижского договора (кроме размещения ядерного оружия) более не актуальны и потеряли силу [19]. Неслучайно ещё в 1995 году правительство Финляндии исключило понятие «нейтралитет» из доклада по безопасности⁹, а в докладе 1997 года говорится о возможном получении военной помощи извне¹⁰.

Важнейшим риском является «Угроза внешнеэкономическим связям в результате действия третьих сторон». Здесь стоит назвать санкции Конгресса и Администрации США не только по отношению к крупным российским энергетическим проектам («Северный поток — 2»), но и к ведущим российским компаниям и банкам, которые осуществляют внешнеэкономическую деятельность в Европе¹¹, в том числе в Балтийском регионе.

Таким образом, геоэкономические риски регионов Российской Балтики относятся к четырем типам — пространственному, экономическому, социально-демографическому, геополитическому. Несмотря на небольшую выборку (семь субъектов), очевидно, что их потенциал, возможности и позиционирование в Балтийском регионе сильно отличаются. Ниже рассмотрим конкретные геоэкономические риски в двух группах — «пространственный и геополитический тип» (табл. 4) и «экономический и социально-демографический тип» (табл. 5).

⁸ Премьер-министр Финляндии заявила о возможности вступления страны в НАТО, 2021, *Ведомости*, 2 января. URL: www.vedomosti.ru/politics/news/2022/01/02/903583-premer-minis8-tr-finlyandii-vozmozhnosti-vstupleniya-strani-v-nato (дата обращения: 10.01.2022).

⁹ Turvallisuus muuttuvassa maailmassa Suomen turvallisuuspolitiikan suuntalinjat Valtioneuvoston selonteko eduskunnalle 06.06.1995, 1995. URL://www.defmin.fi/files/246/2513_2143_selonteko95_1_.pdf (дата обращения: 07.02.2022).

¹⁰ Euroopan turvallisuuskehitys ja Suomen puolustus Valtioneuvoston selonteko eduskunnalle 17.03.1997, 1997. URL: www.defmin.fi/files/245/2512_2142_selonteko97_1_.pdf (дата обращения: 07.02.2022).

¹¹ Обзор санкционного режима США, ЕС и России, 2019, Danilov and partners. URL://danilovpartners.com/ru/publikacii/obzor-sankcionnogo-rezhima-ssha-es-i-rossii-2/ (дата обращения: 22.02.2022.)

Таблица 4

**Пространственный и геополитический тип геоэкономических рисков
регионов Российской Балтики**

Риск	СПб	ЛО	ПО	НО	КО	МО	РК
П-1	+	++	++	0	+++	++	++
П-2	+	++	+	+	++	0	+
П-3	+	++	++	0	+++	+	++
П-4	0	0	0	0	+++	0	+
Г ₄ -14	+	++	+	+	++	+	+
Г ₄ -15	+	++	++	0	+++	++	+
Г ₄ -16	0	++	+	0	+++	++	+
Г ₅ -17	0	+	+	0	+	++	++
Г ₆ -18	0	++	+	0	+++	++	+

Примечание: СПб — Санкт-Петербург; ЛО — Ленинградская область; ПО — Псковская область; НО — Новгородская область; КО — Калининградская область; МО — Мурманская область; РК — Республика Карелия.

+++ — риск очень высокий; ++ — риск значительный; + — риск существует; 0 — риск отсутствует или малозаметен.

Таблица 5

**Экономический и социально-демографический тип
геоэкономических рисков регионов Российской Балтики**

Риск	СПб	ЛО	ПО	НО	КО	МО	РК
Э ₁ -5	++	+++	+	++	+++	0	++
Э ₁ -6	++	+++	+++	+	+++	0	++
Э ₂ -7	+++	++	0	++	++	++	+
Э ₃ -8	+++	+	0	+++	+	+++	++
Э ₃ -9	0	+	0	+	+	++	+
С-10	0	+	+++	++	++	+	+++
С-11	0	+	+++	++	++	+	+++
С-12	0	+	+++	++	++	+	+++
С-13	0	+	+++	+++	+	+++	+++

Примечание: СПб — Санкт-Петербург; ЛО — Ленинградская область; ПО — Псковская область; НО — Новгородская область; КО — Калининградская область; МО — Мурманская область; РК — Республика Карелия.

+++ — риск очень высокий; ++ — риск значительный; + — риск существует; 0 — риск отсутствует или мало заметен.

Заключение

В предложенном исследовании на основе собственной методологии были рассмотрены геоэкономические риски семи российских регионов, относящихся к Российской Балтике. Риски были проанализированы за 2014—2021 годы, которые многочисленными отечественными и зарубежными исследователями характеризуются как период возрастающей геополитической турбулентности, а с конца 2021 года — резко обострившейся геополитической обстановки. Геополитическая турбулентность в Европе спровоцирована внутривосточным кризисом на Украине (2013—2014) и последовавшими за ним событиями (переворот на Укра-

ине 2014 года, «Крымская весна», вооруженный конфликт и гражданская война на востоке Украины, возросшая военная активность НАТО в Восточной Европе, специальная военная операция ВС России на Украине и др.). На этом фоне происходит радикальное ухудшение геоэкономической и геополитической ситуации, спровоцированное взаимными ограничительными мерами стран Запада и России в торгово-экономическом, инвестиционном, культурно-гуманитарном, научно-технологическом, приграничном сотрудничестве. Массовый исход западных, в том числе европейских, компаний из рассматриваемых приграничных регионов России носит обоюдоострый характер. Стоит напомнить, что главной задачей любой компании является получение прибыли и повышение ее конкурентоспособности на мировых рынках. Выход этих компаний со 145-миллионного российского рынка приведет не только к падению прибыли и экспорта, но и к значительным репутационным потерям. Рано или поздно произойдет замещение и на смену западным компаниям придут местные компании или инвесторы из стран АТР, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки.

Нами высказана гипотеза о том, что регионы Российской Балтики находятся в довольно уязвимом положении. При этом необходимо учитывать географическое соседство со странами ЕС, наличие общих границ, длительную историю совместного приграничного сотрудничества, устоявшиеся внешнеэкономические связи со странами Балтийского региона. Проведенное исследование показало, что пространственный и геополитический тип геоэкономических рисков может быть оценен как очень высокий для Калининградской области прежде всего из-за ее особенного экономико-географического положения и той экономической колеи, в которой развивался регион последние 30 лет, — чрезмерной открытости и зависимости от мировой экономики и экспортно-импортных операций. Наименее существенны риски для Новгородской области как внутреннего региона и Санкт-Петербурга, являющегося многофункциональным и мощным экономическим центром, прочно встроенным в пространственную структуру России. Экономический и социально-демографический тип рисков более сложен в оценке и в наибольшей степени затрагивает Псковскую область и Республику Карелию. Заметные риски имеются у Новгородской и Калининградской областей.

Высказанная гипотеза частично была подтверждена, а задачи исследования выполнены. В дальнейшем планируется каждый тип геоэкономических рисков наполнить дополнительными индикаторами, а совокупность регионов расширить до всего Северо-Западного макрорегиона России, который в 2000—2020-е годы стал ведущим внешнеэкономическим оператором.

Исследование выполнено с использованием средств государственного бюджета по госзаказу на 2021 год № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении».

Список литературы

1. Клемешев, А. П., Корнеев, В. С., Пальмовский, Т. и др. 2017, Подходы к определению понятия «Балтийский регион», *Балтийский регион*, т. 9, № 4, с. 7—28. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2017-4-1>.
2. Швец, А. Б., Яковенко, И. М., Яковлев, А. Н. 2021, Опыт картографирования геополитических аспектов устойчивого развития Крыма, *Интеркарто. Интергис*, т. 27, № 1, с. 60—72. doi: <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2021-1-27-60-72>.
3. Soltani, H., Triki, M. B., Ghandri, M., Abderzag, F. T. 2021, Does geopolitical risk and financial development matter for economic growth in MENA countries? *Journal of International Studies*, vol. 14, № 1, p. 103—116.

4. Sparke, M. 2018, Globalizing capitalism and the dialectics of geopolitics and geoeconomics, *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 50, №2, p. 484—489. doi: <https://doi.org/10.1177/0308518X17735926>.
5. Kadry, M., Osman, H., Georgy, M. 2017, Causes of Construction Delays in Countries with High Geopolitical Risks, *Journal of Construction Engineering and Management*, № 143, №2, art. 04016095.
6. Ivanovski, K., Hailemariam, A. 2022, Time-varying geopolitical risk and oil prices, *International Review of Economics & Finance*, №77, January 2022, p. 206—221.
7. Salisu, A. A., Cunado, J., Gupta, R. 2022, Geopolitical risks and historical exchange rate volatility of the BRICS, *International Review of Economics & Finance*, №77, January 2022, p. 179—190.
8. Le, A.-T., Phuong, T. 2021, Does geopolitical risk matter for corporate investment? Evidence from emerging countries in Asia, *Journal of Multinational Financial Management*, №62, December 2021, art. 100703.
9. Bilgin, M. H., Gozgor, G., Karabulut, G. 2020, How do geopolitical risks affect government investment? An empirical investigation, *Defence and Peace Economics*, vol. 31, №5, p. 550—564.
10. Эжиев, И. 2011, Геополитический риск: предмет, объект, классификация, анализ, прогнозирование, *Власть*, №1, с. 50—55.
11. Джус, И. В. 2004, *Политические риски: оценка, анализ и управление*, М., ИМЭМО РАН, 92 с.
12. Fjäder, C., Helwig, N., Wigell, M. 2021, Recognizing ‘geoeconomic risk’ rethinking corporate risk management for the era of great-power competition, *FIIA briefing paper. Geoeconomics series*, №314, p. 1—8.
13. Vihma, A. 2018, Geoeconomics Defined and Redefined, *Geopolitics*, vol. 23, №1, p. 47—49.
14. Wigell, M. 2016, Conceptualizing regional powers’ geoeconomics strategies: neo-imperialism, neo-mercantilism, hegemony and liberal institutionalism, *Asia Europe Journal*, №14, p. 135—151. doi: <https://doi.org/10.1007/s10308-015-0442-x>.
15. Lachininskii, S. S. 2013, Experience on the typology of geoeconomic risks, *Geography and Natural Resources*, vol. 34, №2, p. 111—117. doi: <https://doi.org/10.1134/S1875372813020017>.
16. Лачининский, С. С., Сяолинь, Л. 2021, Геополитические риски и перспективы отношений России и Запада на Балтике, *Псковский региональный журнал*, т. 17, №4, с. 3—15. doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310017062-1>.
17. Худoley, К. К. 2016, Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки, *Балтийский регион*, т. 8, №1, с. 7—25. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-1>.
18. Певень, Л. В. 2011, Некоторые выводы из оценки геополитических и геостратегических аспектов национальной безопасности Российской Федерации в XXI в., *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология*, №2, с. 98.
19. Pelinka, A., Bischof, G. 2003, *Austria in the European Union. Österreich in der Europäischen Union*, Wien, Böhlau Verlag, p. 280.

Об авторе

Станислав Сергеевич Лачининский, кандидат географических наук, и. о. заведующего кафедрой региональной политики и политической географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: st004020@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0885-6992>

GEOECONOMIC RISKS FACED BY THE RUSSIAN BALTIC REGION AMID A DETERIORATING GEOPOLITICAL SITUATION

S. S. Lachininskii

St Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 03.10.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-2
© Lachininskii, S. S. 2022

This article is a conceptual theoretical-empirical study of the geopolitical risks the Baltic Russian regions have faced amid the deteriorating geopolitical situation observed since 2014. The Baltic Russian regions are in a vulnerable position because of their geographical vicinity to EU countries, with which they share common borders, and the dramatically worsening military and political situation. To analyse geoeconomic risks, the author employed an earlier proposed methodology, which has been tested in Russia and abroad. Four types of geoeconomic risks are examined: spatial, economic, socio-demographic, national geopolitical and regional geopolitical. Overall, five levels of geopolitical risks can be distinguished. The contribution sets out to provide a conceptual picture of the geoeconomic risks which the Baltic Russian territories — St Petersburg, the Republic of Karelia and the Leningrad, Kaliningrad, Novgorod, Pskov and Murmansk regions faced in 2014—2021 as the geopolitical situation changed for the worse in the wake of the Ukraine political crisis (2013—2014). The objectives of the study included selecting economic, social and international trade indicators and analytics matching each type of the geoeconomic risks. To identify the geo-economic risks of the selected regions, three basic indicators are considered — population, GRP, foreign trade turnover, and changes in other indicators for 2014—2021 were tracked. Eighteen risks divided into four types were explored for the Baltic Russian regions. The geoeconomic risks were grouped into two categories: spatial/geopolitical and economic/socio-demographic. A preliminary assessment of the regional risks was obtained using a methodology proposed by the author. The risks in the spatial/geopolitical category are substantial for the Kaliningrad region, whilst the Pskov region and Karelia proved to be most susceptible to the economic/socio-demographic risks.

Keywords:

geoeconomic risks, geopolitics, geoeconomics, Baltic Russian regions, Baltic region, tensions in Europe, geopolitical risks, instability, geopolitical crisis

References

1. Klemeshev, A. P., Korneevets, V. S., Palmowski, T., Studzieniecki, T., Fedorov, G. M. 2017, Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, vol 9, №4, p. 4—20. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2017-4-1>.
2. Shvets, A. B., Yakovenko, I. M., Yakovlev, A. N. 2021, Experience in Mapping Geopolitical Aspects of Sustainable Development of Crimea, *Interkarto. Intergis*, vol. 27, №1, p. 60—72. doi: <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2021-1-27-60-72> (in Russ.).
3. Soltani, H., Triki, M. B., Ghandri, M., Abderzag, F. T. 2021, Does geopolitical risk and financial development matter for economic growth in MENA countries? *Journal of International Studies*, vol. 14, №1, p. 103—116.
4. Sparke, M. 2018, Globalizing capitalism and the dialectics of geopolitics and geoeconomics, *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 50, №2, p. 484—489. doi: <https://doi.org/10.1177/0308518X17735926>.

To cite this article: Lachininskii, S. S. 2022, Geoeconomic risks faced by the Russian Baltic region amid a deteriorating geopolitical situation, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 2, p. 23—37. doi: 10.5922/2078-8555-2022-2-2.

5. Kadry, M., Osman, H., Georgy, M. 2017, Causes of Construction Delays in Countries with High Geopolitical Risks, *Journal of Construction Engineering and Management*, № 143, № 2, art. 04016095.
6. Ivanovski, K., Hailemariam, A. 2022, Time-varying geopolitical risk and oil prices, *International Review of Economics & Finance*, № 77, January 2022, p. 206—221.
7. Salisu, A. A., Cunado, J., Gupta, R. 2022, Geopolitical risks and historical exchange rate volatility of the BRICS, *International Review of Economics & Finance*, № 77, January 2022, p. 179—190.
8. Le, A.-T., Phuong, T. 2021, Does geopolitical risk matter for corporate investment? Evidence from emerging countries in Asia, *Journal of Multinational Financial Management*, № 62, December 2021, art. 100703.
9. Bilgin, M. H., Gozgor, G., Karabulut, G. 2020, How do geopolitical risks affect government investment? An empirical investigation, *Defence and Peace Economics*, vol. 31, № 5, p. 550—564.
10. Ezhiev, I. 2011, Geopolitical risk: subject, object, classification, analysis, forecasting, *Vlast'*, № 1, p. 50—55 (in Russ.).
11. Dzhus, I. V. 2004, *Politicheskie riski: otsenka, analiz i upravlenie* [Political Risks: Assessment, Analysis and Management], M., IMEMO RAN, 92 p. (in Russ.).
12. Fjäder, C., Helwig, N., Wigell, M. 2021, Recognizing 'geoeconomic risk' rethinking corporate risk management for the era of great-power competition, *FIIA briefing paper. Geoeconomics series*, № 314, p. 1—8.
13. Vihma, A. 2018, Geoeconomics Defined and Redefined, *Geopolitics*, vol. 23, № 1, p. 47—49.
14. Wigell, M. 2016, Conceptualizing regional powers' geoeconomics strategies: neo-imperialism, neo-mercantilism, hegemony and liberal institutionalism, *Asia Europe Journal*, № 14, p. 135—151. doi: <https://doi.org/10.1007/s10308-015-0442-x>.
15. Lachininskii, S. S. 2013, Experience on the typology of geoeconomic risks, *Geography and Natural Resources*, vol. 34, № 2, p. 111—117. doi: <https://doi.org/10.1134/S1875372813020017>.
16. Lachininskii, S., Xiaoling, L. 2021, Geopolitical risks and prospects for Russia-Western relations in the Baltic region, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 17, № 4, p. 3—15. doi: <https://doi.org/10.37490/S221979310017062-1> (In Russ.).
17. Khudoley, K. 2016, The Baltic Sea region and increasing international tension, *Balt. Reg.*, vol. 8, № 1, p. 4—16. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-1-1>.
18. Peven, L. V. 2011, Some conclusions from the assessment of geopolitical and geostrategic aspects of the national security of the Russian Federation in the XXI century, *Vestn. Mosk. un-ta. ser. 18. Sotsiologiya i politologiya* [Vestn. Moscow university ser. 18. Sociology and political science], № 2, c. 98.
19. Pelinka, A., Bischof, G. 2003, *Austria in the European Union. Österreich in der Europäischen Union*, Wien, Böhlau Verlag, p. 280.

The author

Dr Stanislav S. Lachininskii, Acting Head of the Department of Regional Policy and Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia; Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: st004020@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0885-6992>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РЕГИОНА: ОБРАЗ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ СТРАН БАЛТИИ

И. Н. Тарасов
Е. Е. Уразбаев

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 24.09.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-3
© Тарасов И. Н., Уразбаев Е. Е., 2022

Вопрос международного позиционирования особенно актуален для эксклавов и окруженной странами Балтийского региона Калининградской области. Цель работы — определить общий, стратегический вектор позиционирования указанного субъекта РФ. Статья представляет собой результат исследований восприятия и действующих связей Калининградской области с соседними странами Балтии в целях формирования региональной концепции позиционирования. Для этого при помощи мониторинга массива публикаций и контент-анализа СМИ были изучены особенности образа, который в последние годы складывается в средствах массовой информации Латвии, Литвы и Эстонии. В соответствии с принципами брендинга территорий предложены ключевые направления позиционирования. Рассмотрены интересы области и стран Балтии на примере реализации проектов международного сотрудничества. Делается акцент на перспективах развития торговых отношений. Выявлены основные преимущества области, определены риски, которые стоит учитывать при формировании концепции. Полученные результаты позволили сделать вывод о приемлемости для Калининградской области стратегического позиционирования. Его общий вектор может закреплять инвестиционный, логистический, туристический и инфраструктурный потенциалы. Также авторы указывают на возможность развития международных площадок сотрудничества в регионе и проблемы, в решении которых заинтересованы и иностранные акторы.

Ключевые слова:

образ, имидж, позиционирование, стратегия, сотрудничество, торговля, Калининградская область, страны Балтии

Постановка проблемы и методика исследования

На сегодняшний день большинство регионов России не имеет концепции международного позиционирования. В экспертной и научной среде предлагаемые мероприятия преимущественно ограничены, как правило, тематикой туризма, культуры, экономики, инноваций и образования. Стратегические инициативы обсуждаются не так часто, однако комплексные предложения на примере ряда субъектов РФ в последние годы все же встречаются в научной литературе. На этом фоне в отечественной пространственной имиджологии сохраняется необходимость разработки новой «исследовательской оптики» [1, с. 159].

Для цитирования: Тарасов И. Н., Уразбаев Е. Е. Международное позиционирование региона: образ Калининградской области в медиапространстве стран Балтии // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 38–52. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-3.

Выработка стратегии международного позиционирования Калининградской области предстает актуальной проблемой в силу ее особого значения для государства, концентрации вокруг интересов иных стран, потенциала для интеграции в общее экономическое пространство Балтийского региона [2]. При реализации стратегии важно закрепить преимущества области в целях развития культурных, торговых и иных связей с иностранными государствами и для получения выгод в части репутации, инвестиций или туристических обменов. Благоприятный имидж территории, в свою очередь, может оказать позитивное влияние и на авторитет страны в целом [3]. Актуальность разработки стратегии обусловлена не только эксклюзивным положением, но и набором геополитических факторов [4, с. 79]. Однако признания приоритета исключительно за ними, ориентации на «жесткую силу» недостаточно для выработки эффективного инструментария. Так, невозможен поиск общих выгод с контрагентами соседних стран Балтии, элиты которых долгие годы открыто выступают активными сторонниками противостояния в отношениях с Россией.

Создание стратегии позиционирования подразумевает в том числе оценку развитости и потенциала региона, сложившихся представлений со стороны иностранных акторов, выявление, как следствие, особенностей имиджа и формирование концепции международно-политического бренда. Нередко в научных исследованиях отмечается, что в российском медиапространстве Калининградская область представлена как экономически и туристически привлекательный регион, как военный форпост и как регион сотрудничества [5]. Похожую картину по итогам анализа средств массовой информации мы наблюдаем в ряде стран Балтийского региона. Так, в СМИ Польши образ российского эксклава неоднороден. Регион может упоминаться нейтрально, в контексте сотрудничества, либо как угроза [6, с. 48—49].

Для выявления образа Калининградской области в Латвии, Литве и Эстонии был проведен мониторинг материалов электронных средств массовой информации и информационных порталов, опубликованных в 2018—2020 годах¹. Публикации проанализированы при помощи методики контент-анализа СМИ, при этом учитывались материалы, посвященные области либо имеющие значимое упоминание о ней. Выборка производилась по поисковым запросам используемых в текстах категорий «Калининградская область» и «Калининград», полностью из исследования были исключены публикации о происшествиях и эпизодических событиях. В сумме было получено 202 материала, для характеристики упоминаний они были обобщены в тематические группы, представленные в нижеследующих таблицах. Стоит отметить, что отраженные в них единичные упоминания свидетельствуют о низком интересе к определенным темам и слабо репрезентативны, однако дают возможность выделить потенциальные зоны общих интересов.

Для определения направлений позиционирования авторы обратились к концепции брендинга территорий. В рамках изучения примеров реализации международных проектов и состояния торговых отношений были проанализированы данные Правительства Калининградской области, Калининградской областной таможни, Совместного технического секретариата программы приграничного сотрудничества «Россия — Литва» за 2014—2020 годы.

В качестве метода, позволившего комплексно рассмотреть преимущества и возможности, системно охарактеризовать позиции области, был использован SWOT-анализ. Для этого использовались общепринятые группы внутренних или внешних факторов: географическое и геополитическое положение (положение, условия, ресурсы, международная обстановка), научные и производственные

¹ Латвия: Skaties.lv, Lsm.lv, Diena, Latvijas Avīze, Tvnet.lv, Jauns.lv, Rīgas Aprīņķa Avīze, Delfi, Bb.lv, nra.lv; Литва: Delfi, 15min.lt, diena.lt, LRT, Lrytas.lt; Verslo žinios, tv3.lt. Эстония: err.ee, delfi.ee, postimees.ee.

факторы (научный потенциал, производственный потенциал, пространственная организация, направления развития экономики, крупные инфраструктурные проекты), финансовая система (бюджет, инвестиционный потенциал), социальная сфера (социальная инфраструктура, трудовые и потребительские ресурсы), управление (эффективность управления регионом, устойчивость частного сектора). В данной работе представлены наиболее существенные факторы в контексте международного позиционирования.

Новизна предпринятого исследования заключается не только в постановке вопроса о поиске эффективного аналитического инструментария в целях выработки стратегии международного позиционирования приграничных регионов, но и в апробации некоторых частных методов изыскания. Впервые проведен направленный качественный контент-анализ медийных ресурсов стран Балтии по проблеме международного позиционирования Калининградской области, осуществлена оценка рисков и возможностей формирования привлекательного образа российского эксклава.

Восприятие Калининградской области в странах Балтии

Анализ материалов показал, что наиболее часто СМИ Латвии в рамках исследуемого периода обращались к тематике транспортного сообщения и транзита — около 45 % всех публикаций (табл. 1). Интерес к ней особенно возрос в 2020 году, что было связано с пересечением территории Латвии грузовым контейнерным поездом из Китая в Калининградскую область в рамках договора Латвийской железной дороги (лат. *Latvijas dzelzceļš*) и Российских железных дорог. Это событие в основном отражено в позитивном ключе, в материалах положительно оценивается сотрудничество железнодорожных компаний, а обеспечение транзита рассматривается как новое (или хорошо забытое прежнее) направление развития трансграничных отношений. Стоит отметить, что основу публикаций о событии составляют официальные пресс-релизы Латвийских железных дорог. Кроме этого по указанной тематике в Латвии выходили материалы о возможных новых авиа- и железнодорожных маршрутах, транзитном бизнесе, проведении «Балтийского транспортного форума».

Таблица 1

Количество публикаций, связанных с Калининградской областью, в Латвии

Тематика	2018	2019	2020	Всего
Геополитическая роль региона	10	7	7	24
Транспортное сообщение и транзит	6	4	22	32
Культурные события	1	1	2	4
Энергетика	1	0	0	1
Электронные визы	0	3	1	4
Туризм и туристические объекты	0	2	0	2
Янтарная отрасль	0	0	1	1
Отношение к И. Канту и немецкому наследию	1	0	1	2
Обучение в регионе	0	1	0	1
<i>Всего</i>	19	18	34	71

Нейтрально, а чаще критически в Латвии подается тематика геополитической роли Калининградской области (табл. 2). Ей посвящено почти 34 % публикаций, которые преимущественно раскрывают темы размещения в регионе войск и вооруже-

ний. Негативную окраску таким материалам придают комментарии латвийских политиков, представителей Организации Североатлантического договора (НАТО) или западных экспертов, по утверждениям которых Калининградская область должна восприниматься не иначе как угроза для европейских государств. К примеру, в контексте описания событий в Белоруссии после президентских выборов в 2020 году регион характеризуется как «нож у горла НАТО» в случае получения Россией контроля над так называемым гипотетическим Сувальским коридором вдоль границы Литвы и Польши².

Таблица 2

Характер упоминаний Калининградской области в СМИ Латвии

Тематика	Негативный	Нейтральный	Позитивный
Геополитическая роль региона	14	10	0
Транспортное сообщение и транзит	2	10	20
Культурные события	0	2	2
Энергетика	0	1	0
Электронные визы	2	1	1
Туризм и туристические объекты	0	1	1
Янтарная отрасль	0	1	0
Отношение к И. Канту и немецкому наследию	1	1	0
Обучение в регионе	1	0	0
<i>Всего</i>	20	27	24

Культурные мероприятия, как и введение электронных виз для посещения Калининградской области, стали предметом внимания около 6 % публикаций. И если в материалах по первой тематике регион осмысливается позитивно, в том числе из-за инициативы калининградских учреждений открывать выставки в Латвии, то при освещении второй присутствует негативная оценка реализации проекта по упрощенному въезду иностранцев на территорию РФ.

По результатам мониторинга нельзя утверждать, что в латвийских СМИ в целом сформировался устойчивый образ и характер упоминаний Калининградской области. Критическое, нейтральное и позитивное отношение к региону наблюдается примерно в равных долях выборки медиаматериалов (табл. 2).

Число материалов о Калининградской области в Латвии составило 71, в Литве оно достигло 93. Главной тематикой в литовских СМИ стала туристическая — 28 % всех публикаций (табл. 3). Исходя из результатов анализа очевидно, что эта доля была обеспечена в 2019 году упрощенным порядком посещения региона по электронным визам. В рамках этой тематики преимущественно в нейтральном ключе повествуется об опыте путешествий в регион. Позитивно оценивается новогодний отдых в Калининграде, возможность посещения Кафедрального собора, Музея Мирового океана, Куршской косы и пр. Негативное отношение к Калининградской области наблюдается в альтернативных репортажах о путешествиях, где внимание уделяется «сложной доступности», «пробкам на границе», «советской атмосфере» и т. д. Тем не менее негативные упоминания области в контексте туризма занимают наименьшую долю в сравнении с нейтральными и позитивными (табл. 4).

² Nazis pie NATO rikles». Kāpēc Baltkrievija ir svarīga ASV, 2020, LSM.lv — Uzticamas ziņas, URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/zinu-analize/nazis-pie-nato-rikles-kapec-baltkrievija-ir-svariga-asv.a370931> (дата обращения: 17.01.2021).

Таблица 3

Количество публикаций, связанных с Калининградской областью, в Литве

Тематика	2018	2019	2020	Всего
Геополитическая роль региона	4	7	4	15
Транспортное сообщение и транзит	3	0	5	8
Энергетика	2	3	0	5
Электронные визы	0	25	0	25
Туризм и туристические объекты	5	20	1	26
Янтарная отрасль	1	1	0	2
Отношение к И. Канту и немецкому наследию	5	0	0	5
Бизнес-проекты и инвестиционный климат	2	0	1	3
Поездки за продуктами	1	0	0	1
Литовская община в Калининградской области	0	1	0	1
Очистные сооружения в Калининградской области	0	1	0	1
Программа приграничного сотрудничества	0	1	0	1
<i>Всего</i>	23	59	11	93

Таблица 4

Характер упоминаний Калининградской области в СМИ Литвы

Тематика	Негативный	Нейтральный	Позитивный
Геополитическая роль региона	4	11	0
Транспортное сообщение и транзит	1	7	0
Энергетика	0	5	0
Электронные визы	9	13	3
Туризм и туристические объекты	5	12	9
Янтарная отрасль	0	2	0
Отношение к И. Канту и немецкому наследию	5	0	0
Бизнес-проекты и инвестиционный климат	2	1	0
Поездки за продуктами	1	0	0
Литовская община в Калининградской области	1	0	0
Очистные сооружения в Калининградской области	1	0	0
Программа приграничного сотрудничества	0	0	1
<i>Всего</i>	29	51	13

Еще 27 % материалов СМИ Литвы о регионе касаются электронных виз. Большая их часть нейтральна, однако число публикаций с критическим отношением превышает число позитивных. Причиной тому стали растиражированные «ходячие мнения» литовских экспертов об «опасности» посещения области из-за деятельности российских спецслужб³. Позитивное освещение темы виз связано с потенциалом развития туризма и трансграничного сотрудничества в отдельных отраслях экономики.

Около 16 % публикаций в Литве рассматривают Калининградскую область с позиций геополитики и военно-политического противостояния. Как и в Латвии, в рамках данной тематики отсутствуют позитивные упоминания региона. Почти 9 % приходится на материалы о транспортной инфраструктуре (в первую очередь морской), по 5 % — об энергетике и отношении к немецкому прошлому территории.

³ Ispēja dēl Kaliningrado: nemokama viza — tarsi sūris pelēkautuose, 2021, TV3 Play, URL: <https://www.tv3.lt/naujiena/lietuva/1004935/ispeja-del-kaliningrado-nemokama-viza-tarsi-suris-pelekautuose> (дата обращения: 17.01.2021).

Калининградская область в материалах литовских СМИ по большей части упоминается нейтрально. При этом вторая по значимости группа — негативные публикации, что следует связывать как со сложными российско-литовскими отношениями и противоречиями на общегосударственном уровне, так и с предвзятой позицией некоторых авторов, пренебрегающих нормами журналистской этики.

С 2018 года СМИ Эстонии посвятили Калининградской области 38 публикаций (табл. 5). Приоритет в них остается за геополитической тематикой, которой посвящены около 42 % всех материалов, однако в отличие от латвийских и литовских ресурсов подобные публикации рассматривают регион в более сдержанном ключе. Преимущественно они представляют собой новости, связанные с размещением в области вооружений, в том числе оперативно-тактических ракетных комплексов «Искандер».

Таблица 5

Количество публикаций, связанных с Калининградской областью, в Эстонии

Тематика	2018	2019	2020	Всего
Геополитическая роль региона	12	3	1	16
Транспортное сообщение и транзит	1	1	2	4
Культурные события	0	2	0	2
Энергетика	0	5	1	6
Электронные визы	0	1	1	2
Туризм и туристические объекты	0	1	1	2
Отношение к И. Канту и немецкому наследию	3	0	0	3
Бизнес-проекты и инвестиционный климат	3	0	0	3
<i>Всего</i>	19	13	6	38

Около 16 % материалов упоминают регион в контексте реализации проектов по обеспечению ее энергетической независимости, транспортного сообщения и транзита (10%). По 8 % публикаций приходится на темы бизнеса, включая создание в Калининграде специального административного района для редомициляции компаний из офшорных зон и отношение к немецкому наследию. Тематики культурных событий, электронных виз, туризма затронуты в материалах, доли которых составляют по 5 %.

Характер публикаций о Калининградской области в эстонских СМИ в основном нейтральный (табл. 6). Негативные примеры представлены материалами с описанием скандала, связанного с отношением к И. Канту, и опубликованием позиции литовских спецслужб о якобы опасности использования электронных виз.

Таблица 6

Характер упоминаний Калининградской области в СМИ Эстонии

Тематика	Негативный	Нейтральный	Позитивный
Геополитическая роль региона	0	16	0
Транспортное сообщение и транзит	0	4	0
Культурные события	0	1	1
Энергетика	0	6	0
Электронные визы	1	1	0
Туризм и туристические объекты	0	2	0
Отношение к И. Канту и немецкому наследию	1	2	0
Бизнес-проекты и инвестиционный климат	0	3	0
<i>Всего</i>	2	35	1

При отсутствии четко сформированного образа в странах Балтии и однозначного характера упоминаний Калининградская область представлена в рамках широкого тематического спектра. Без учета тем геополитической конкуренции в СМИ Латвии на первый план выходят вопросы транспорта и транзита, Литвы — перспективы развития туризма. На их фоне заинтересованность областью в Эстонии остается на низком уровне, что связано с относительной удаленностью Калининграда и значительно меньшей когерентностью экономических и социальных связей жителей Эстонии по сравнению с Санкт-Петербургом, например. В целом наиболее позитивно в трех странах воспринимается (и, соответственно, предоставляет возможности для сотрудничества) упрощение режима посещения региона, совместные мероприятия в сфере культуры, спорта и туризма.

Направления позиционирования Калининградской области

Понятие бренда может подразумевать совокупность признанных уникальных качеств, представлений и ценностных характеристик. На его фоне имидж формирует и отражает поверхностное восприятие, но вместе с репутацией он может обеспечивать появление бренда [7, с. 20—21]. Изначально брендинг территорий, или геобрендинг, как инструмент позиционирования, применялся при разработке стратегий в сфере туризма. Сегодня это мультидисциплинарная область исследований, где, с одной стороны, отсутствует сильная теоретическая и концептуальная основа, с другой — ошутим вклад географии, политологии, экономики и урбанистики [8, p. 282].

Говоря о Калининградской области, М. В. Берендеев отмечает, что в рамках различных наук сформирован целый ряд работ, посвященных имиджу и продвижению ее бренда, однако геобрендинг выделяется направленностью на поиск уникальных идей, их материализацию в проектах по повышению привлекательности региона, а также прикладной задачей по производству и распространению позитивного контента [9, с. 139]. При этом геобренд может не иметь значительного историко-культурного или ландшафтного основания, он может формироваться вокруг фольклорной среды или локальной мифологии. Территориальный брендинг в комплексном понимании, впервые представленном С. Анхольтом, может подразумевать формирование позитивных ассоциаций на основе конкурентной идентичности [10]. Существенный вклад в развитие теории геобрендинга также внесли Р. Говерс [11], Г. Эшворт и М. Каварацис [12], Т. Мойланен и С. Райнисто [13], А. Уиллер [14], Б. Бейкер [15], К. Динни [16] и др.

Исходя из классического подхода, можно утверждать, что параметрами территориального бренда выступают политика и люди, бизнес и экспортные бренды, туризм и культура. В соответствии с упомянутыми принципами авторы предлагают следующие направления позиционирования, основанные на преимуществах области и ее возможностях.

1. *Политика, дипломатия и люди.* Направление связано с формированием бренда открытой территории сотрудничества. Как подчеркивает Г. М. Федоров, Калининградская область имеет вполне реальную перспективу развития в качестве площадки международного взаимодействия [17, с. 14]. В этом плане особенно перспективным предстает межрегиональный уровень, на котором в современных условиях не так остро проявляются геополитические противоречия между официальными Российской Федерацией и, например, странами Балтии.

В отличие от партнерства в рамках Организации субрегионального сотрудничества государств Балтийского моря или еврорегионов, не имеющих значительных ресурсов, специализированный бюджет на совместные проекты предусмотрен программой приграничного сотрудничества «Россия — Литва 2014—2020», поддержи-

ваемой РФ и Европейским союзом⁴. Общая сумма ее финансирования составляет свыше 27,2 млн евро, из которых около 15,7 млн — средства ЕС, 8,5 млн — РФ. Ведущими бенефициарами чаще всего выступают органы власти и государственные учреждения [18, с. 29]. В 2018 году в рамках программы было одобрено 12 проектов, в 2019-м — еще 12, а в 2020-м было принято решение о финансировании еще 14 проектов. По итогам трех конкурсов предложений проекты по приоритетам программы «Россия — Литва» были распределены следующим образом: продвижение культуры и сохранение исторического наследия — 18 проектов; социальная интеграция, борьба с бедностью — 12; поддержка местного и регионального управления — 8⁵. Наиболее затратные из них связаны с восстановлением объектов культурного наследия; ремонтом объектов музейной инфраструктуры; адаптацией зданий и помещений под культурные и туристические цели; созданием международных туристических маршрутов и организацией мероприятий; борьбой с наводнениями и лесными пожарами; повышением открытости муниципальных органов власти в процессе принятия решений; модернизацией учреждений здравоохранения и улучшением качества медицинских услуг; предоставлением гражданам диагностических и реабилитационных услуг. Стоит отметить особую востребованность участия в программе со стороны российских бенефициаров, реализующих проекты на территории Советска и Куршской косы, а также представляющих культурные, образовательные и медицинские учреждения — Музей Мирового океана, БФУ им. И. Канта, больницы Калининграда, Балтийска, Озёрска и др.

Изначально развитию трансграничного сотрудничества Калининградской области препятствовали неравные экономические и правовые условия, асимметрия в функционировании политических институтов, состояние таможенных объектов, усиление разделительной функции границы [19, с. 132—134]. На примере проектов программы «Россия — Литва» видно, что в условиях общего снижения интенсивности сотрудничества и наличия дополнительных ограничений в условиях пандемии COVID-19 [20, с. 57] подготовка и реализация международных инициатив в Прибалтике вполне возможна.

2. *Туризм, культура и образование.* Это направление позиционирования тесно связано с первым. Туризм при этом может выступать сферой применения первичных наработок территориального бренда [21]. Здесь следует отметить, что область имеет множество объектов культурного наследия, перспективы развития туристической инфраструктуры и рекреационной деятельности. Наиболее интенсивное развитие ожидается по оздоровительному, культурно-историческому направлениям, прежде всего в прибрежных городах. Регион обладает не только опытом интернационализации науки и образования, но и потенциалом развития научно-образовательного кластера благодаря усилиям БФУ им. И. Канта и проекта технологического центра «Балтийская долина», отраслевых государственных вузов и филиалов, а также культурного кластера на острове Октябрьском в Калининграде.

3. *Инвестиции, торговля и экспортные бренды.* Это направление связано с укреплением товарных брендов и формированием бренда бизнес-территории, способной привлекать инвестиции. Среди имеющихся условий для вложений капитала в Калининградскую область можно выделить режим Особой экономической зоны и Специальный административный район на острове Октябрьском в Калинингра-

⁴ Совместный технический секретариат программы приграничного сотрудничества Россия — Литва на период 2014—2020 годов, 2021, *European Neighbourhood Instrument 2014—2020*, URL: <http://eni-cbc.eu/1r/ru> (дата обращения: 17.01.2021).

⁵ В рамках программ приграничного сотрудничества на территории области реализуется 69 проектов, 2021, *Правительство Калининградской области*, URL: <https://gov39.ru/press/237758> (дата обращения: 20.02.2021).

де. Первое, к примеру, предусматривает преференции по таможенным пошлинам и иным платежам, второе позволяет международным холдинговым компаниям не платить налог с дохода, полученного в виде дивидендов. Исследователи относят перечисленные условия к факторам, способным активизировать трансграничное сотрудничество [22, с. 286]. Также Калининградская область в случае продвижения интеграции в международные транспортные коридоры может реализовать свой транзитный потенциал [23]. Главная проблема позиционирования по данному направлению связана с комплексом нерешенных задач компенсации экономических издержек из-за эксклавного положения региона [24].

Кроме того, для обсуждения перспектив международного позиционирования Калининградской области в продвижении экономических интересов в Прибалтике необходимо уделить внимание роли региона как участника торговых отношений. Как отмечают исследователи, в целом достигнутый областью и соседями уровень экономического развития создает объективные предпосылки для выстраивания равноправного межрегионального сотрудничества [25, с. 151]. В случае стран Балтии общая композиция товарооборота не выглядит пессимистически.

Наибольшие объемы товарооборота отмечаются у региона с Литвой: в 2018 году он составил 178,3 млн дол. США, в 2019-м — 193,2 млн, в 2020-м — 263,2 млн. Товарооборот с Латвией соответственно — 51,8, 38,8 и 44,2 млн дол., с Эстонией — 12, 7,9 и 12,6 млн дол. Удельный вес Латвии в калининградском экспорте за последние 3 года (рис. 1) был 0,8—0,9 %, Эстонии — 0,2—0,3 %. Более значимой является доля Литвы, которая выросла с 3,2 % в 2018 году до 8,7 % в 2020-м. Для сравнения: доля Калининградской области в общем импорте Латвии за тот же период составляла до 0,1 %, Литвы — от 0,2 % до 0,5 %, Эстонии — до 0,02 %.

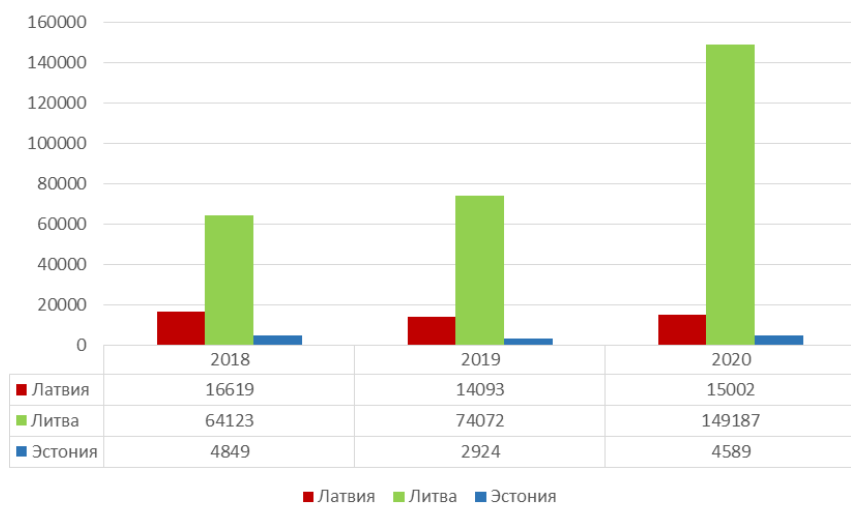

Рис. 1. Общая стоимость экспортированных товаров в страны Балтии в 2018—2020 годах, тыс. дол.

Источник: составлено на основе данных о внешней торговле Калининградской области, 2021, Калининградская областная таможня, URL: <https://koblt.customs.gov.ru/folder/146787> (дата обращения: 18.01.2021).

В 2018—2020 годах Калининградская область экспортировала в Литву 33 % от общего объема вывезенных из региона лесоматериалов из товарной позиции, в которую входит распиленная или расщепленная древесина. За указанный период

на Литву приходится 22 % экспорта электрических машин, оборудования и мультимедийной аппаратуры; 15 % — доля Литвы в объеме экспорта нефти и нефтепродуктов, 15 % — черных металлов, 13 % — злаковых. Отметим, что в массиве таможенных данных экспорта товаров регионом по основным странам-партнерам не представлены стоимостные данные о торговле янтарем, который однако также пользуется спросом в странах Балтии. Латвия за указанный период приняла из Калининградской области древесины и изделий из нее 11 % от всего экспорта региона по данной товарной позиции. На Латвию пришлось 3 % от общего объема нефтепродуктов, а злаковых, черных металлов, механического оборудования — лишь по 1 %. В структуре калининградского экспорта у Эстонии — по 2 % в товарной группе нефтепродуктов и лесоматериалов, 1 % в группе электрических машин и оборудования, плавучих конструкций.

Исходя из сложившихся в последние годы стоимостных объемов товарооборота, можно заключить, что страны Балтии не относятся к главным партнерам Калининградской области в рамках международной торговли. При этом если показатели товарооборота с Латвией и Эстонией варьируются в традиционных пределах, то в случае Литвы наблюдается тенденция увеличения импорта из региона. Однако в торговых отношениях области и стран Балтии можно выделить ряд профилирующих товаров. Основными статьями экспорта являются злаки, нефтепродукты, черные металлы, лесоматериалы, электрическое и механическое оборудование. ПерIODически страны заинтересованы в закупке плавучих конструкций. Сложившаяся номенклатура товаров способна повлиять на имидж региона.

Таким образом, позиционирование Калининградской области в странах Балтии как участника торговых отношений может быть реализовано с учетом товаров, которые пользуются устойчивым спросом в Латвии, Литве и Эстонии. Территориальная близость российского эксклава дает возможность обеспечивать их оперативный экспорт. Перспективным при этом представляется официальное содействие наращиванию объемов торговли и долгосрочным соглашениям между субъектами внешнеторговой деятельности.

Результаты и выводы

Определив перспективные направления позиционирования, уместно выделить слабые стороны и риски посредством несложного SWOT-анализ (табл. 7).

Формирование стратегии позиционирования Калининградской области не обойдется без классических этапов по уточнению цели создания территориального бренда, его основной идеи, определению целевых аудиторий, визуализации, выбору маркетинговых инструментов, ресурсов поддержки, утверждению программы продвижения и т. д. Однако на первом, аналитическом, этапе в контексте анализа географических условий, исторического наследия, условий экономического и политического развития необходимо выявить отличительные черты и ключевые факторы привлекательности территории, а также углубить знания о ее складывающемся имидже. В первую очередь здесь особо востребован анализ медиаобразов региона как внутри страны, так и за рубежом. Кроме того, в отдельном изучении нуждаются архетипические образы и символы.

По итогам исследования проблем восприятия Калининградской области в странах Балтии, определения направлений ее позиционирования, сильных и слабых сторон можно заключить, что общий вектор продвижения региона способен формировать и закрепить представления о нем в контексте общей включенности в международную транспортно-логистическую систему, стимулирования инвестиций, развития торговли и туризма, потенциала создания значимых инновационных кластеров.

Таблица 7

**SWOT-анализ направлений международного позиционирования
Калининградской области**

Сильные стороны	Слабые стороны
Близость к европейским центрам развития Трансграничное сотрудничество Янтарь как бренд-товар Наличие крупнейших частных компаний Индустриальные парки, ОЭЗ и САР Возведение морского терминала Историко-культурное наследие Спортивная инфраструктура Профилирующие товары	Ограниченность финансовых ресурсов Политизированность внешних взаимодействий Административные барьеры Импортозависимая ориентация экономики Отсутствие конкурентоспособных торговых предложений Небольшой внутренний рынок Неудовлетворительное состояние исторических памятников
Возможности	Угрозы
Площадка взаимодействия и мероприятий Доступный въезд Включение в транспортные коридоры и Балтийский логистический узел Развитие туризма и туристической инфраструктуры Научно-образовательный кластер Культурный кластер	Геополитические противоречия Сворачивание программ сотрудничества Лучшие экономические и инвестиционные условия в соседних странах Конкуренция за туристов в Балтийском регионе

Уязвимые позиции в первую очередь демонстрируют геополитические противоречия и их влияние на международные взаимодействия. Эти проблемы могут быть устранены за счет усиления деловых связей и поддержки взаимовыгодных трансграничных проектов в различных сферах. При этом важным остается то, что региональные акторы проявляют интерес к партнерству в сферах культуры и туризма, здравоохранения, экологической безопасности приграничных территорий.

Публикация осуществлена при финансовой поддержке РФФИ по гранту 19-411-390003 «Международное позиционирование Калининградской области в продвижении политических и экономических интересов России в Балтийском регионе».

Список литературы

1. Замятин, Д. Н. 2018, Постгород: пространство и онтологические модели воображения, *Полис. Политические исследования*, № 3, с. 147—165.
2. Voloshenko, K. Y., Gumenyuk, I. S., Arne Roos, N. G. 2020, Transit in regional economic development: The case of the Kaliningrad exclave, *European Spatial Research and Policy*, vol. 27, № 1, p. 263—280. doi: <https://doi.org/10.18778/1231-1952.27.1.12>.
3. Логунцова, И. В. 2011, Имидж российских территорий как объект управления, *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*, № 1, с. 29—38.
4. Тарасов, И. Н. 2020, Эксклавно́сть как вызов и ресурс международного позиционирования Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, № 2, с. 77—85.
5. Щекотуров, А. В., Винокуров, В. В. 2020, Форпост или регион международного сотрудничества: как менялись образы Калининградской области в российских СМИ в 2014—2018 гг., *Медиаскоп*, № 3.

6. Момот, К., Сивицки, Р. 2012, Образ Калининградской области в польской прессе, *Слово.ру: балтийский акцент*, т. 3, №4, с. 43—51.
7. Важенина, И. С. 2011, О сущности бренда территории, *Экономика региона*, №3 (27), с. 18—23.
8. Kumar, N., Panda, R. K. 2019, Place branding and place marketing: a contemporary analysis of the literature and usage of terminology, *Int Rev Public Nonprofit Mark*, №16, p. 255—292.
9. Берендеев, М. В. 2020, Развитие перспективных исследовательских траекторий в области PR-коммуникаций в трансграничных и приграничных регионах России (калининградский трек), *Российская школа связей с общественностью*, №17, с. 134—147.
10. Anholt, S. 2009, *Places: Identity, Image and Reputation*.
11. Govers, R., Go, F.M. 2009, *Place Branding: Global, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced*, Hampshire: Palgrave Macmillan; Basingstoke.
12. Ashworth, G., Kavaratzis, M. (eds.) 2010, *Towards Effective Place Brand Management*, Cheltenham, Edward Elgar Publishing.
13. Moilanen, T., Rainisto, S.K. 2009, *How to brand nations, cities, and destinations: a planning book for place branding*, Basingstoke, Palgrave Macmillan.
14. Wheeler, A. 2009, *Designing Brand Identity: An Essential Guide for the Whole Branding Team*, N Y, Wiley.
15. Baker, B. 2007, *Destination Branding for Small Cities*, L., Creative Leap Books.
16. Dinnie, K. 2011, *City Branding: Theory and Cases*, N Y, Palgrave Macmillan.
17. Федоров, Г. М. 2019, Калининградская область: периферийный эксклав или приморский коридор развития? В: Федоров, Г. М., Жиндарев, Л. А., Дружинин, А. Г., Пальмовский, Т. (ред.) *Проблемы регионального развития в начале XXI века*, Калининград, с. 5—16.
18. Гончарова, Ю. В. 2019, О тенденциях развития приграничного сотрудничества в Калининградской области, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*, №2, с. 23—34.
19. Шильберг, З. 2009, Приграничное сотрудничество Калининградской области РФ с Литвой и Польшей: препятствия и возможности, *Балтийский регион*, №2, с. 129—135. doi: 10.5922/2074-9848-2009-2-13.
20. Куровска-Пыш, И. 2021, Реализация программы Интеррег в Калининградской области и соседних странах: краткий обзор, *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки*, №2, с. 48—61.
21. Корнилова, К. С. 2019, Геобрендинг в контексте проблем медиатизации как средство развития территорий и привлечения туристов, *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, т. 19, №4, с. 469—474.
22. Цветкова, О. В. 2017, Территории приграничного сотрудничества: Состояние и перспективы развития Калининградской области, *Политическая наука*, №5, с. 278—289.
23. Гуменюк, И. С. 2020, Транзитный потенциал Калининградской области и транспортная связность региона. В: Тарасов, И. Н. (ред.) *Калининградская область в новых координатах балтийской геополитики*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, с. 148—169.
24. Жданов, В. П., Плюхин, М. Ю. 2017, Дополнительные транзакционные издержки экономики и населения Калининградской области России, *Экономическая политика*, т. 12, №2, с. 180—207.
25. Zotova, M. V., Sebentsov, A. B., Golovina, E. D. 2015, Transcarpathian oblast and Kalinin-grad oblast: Contrasts and cooperation in the east borderlands of the European Union, *Reg. Res. Russ*, №5, p. 212—222. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970515030119>.

Об авторах

Илья Николаевич Тарасов, доктор политических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ITarasov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7698-709X>

Евгений Евгеньевич Уразбаев, кандидат политических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: yrazbaev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5817-1329>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

INTERNATIONAL POSITIONING OF THE REGION: THE IMAGE OF THE KALININGRAD REGION IN THE MEDIA SPACE OF THE BALTIC STATES

I. N. Tarasov

E. E. Urazbaev

Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 24.09.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-3

© Tarasov, I. N., Urazbaev, E. E., 2022

The issue of international positioning is crucial to all exclaves, and the Kaliningrad region surrounded by the Baltic region countries is no exception. This contribution aims to describe a general strategic path for positioning the Russian territory in question. To produce recommendations on a positioning concept, it looks at the ties between the Kaliningrad region and the neighbouring Baltic States and how the former is perceived by the latter. Publication monitoring and media content analysis were carried out to explore the image created in the Latvian, Lithuanian and Estonian media in recent years. Avenues for positioning are proposed in line with the principles of place branding, and the interests common to the region and the Baltic States are considered through the lens of international cooperation projects. The emphasis is on the prospects for trade relations development. The main advantages of the region are identified, and the risks to be reckoned with when forming a positioning concept are determined. The findings suggest that strategic positioning is feasible in the case of the Kaliningrad region; its focal points may be investment, logistics, tourism and infrastructure. The authors also stress the possibility for developing international cooperation platforms and indicate regional problems of international concern.

Keywords:

image, positioning, strategy, cooperation, trade, Kaliningrad region, Baltic States

To cite this article: Tarasov, I. N., Urazbaev, E. E., 2022, International positioning of the region: the image of the Kaliningrad region in the media space of the Baltic states, Balt. Reg., Vol. 14, no 1, p. 38—52.
doi: 10.5922/2078-8555-2022-2-3.

References

1. Zamyatin, D. N. 2018, Post-city: space and ontological models of imagination, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political Studies], № 3, p. 147—165 (in Russ.).
2. Voloshenko, K. Y., Gumenyuk, I. S., Arne Roos, N. G. 2020, Transit in regional economic development: The case of the Kaliningrad exclave, *European Spatial Research and Policy*, vol. 27, № 1, p. 263—280. doi: <https://doi.org/10.18778/1231-1952.27.1.12>.
3. Loguntsova, I. V. 2011, The Image of Russian Territories as an Object of Management, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i ob-shchestvo)* [Bulletin of Moscow University. Episode 21: Governance (state and society)], № 1, p. 29—38 (in Russ.).
4. Tarasov, I. N. 2020, Exclavity as a challenge and resource for the international positioning of the Kaliningrad region, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences], № 2, p. 77—85 (in Russ.).
5. Shchekoturov, A. V., Vinokurov, V. V. 2020, Outpost or region of international cooperation: how did the images of the Kaliningrad region change in the Russian media in 2014—2018, *Mediaskop*, № 3.
6. Momot, K., Siwicki, R. 2012, The Image of Kaliningrad Region in Polish Printed Media, *Slovo.ru: Baltic Accent*, vol. 3, № 4, p. 43—51.
7. Vazhenina, I. S. 2011, About the essence of the territory brand, *Economy of Region*, № 3 (27), p. 18—23.
8. Kumar, N., Panda, R. K. 2019, Place branding and place marketing: a contemporary analysis of the literature and usage of terminology, *Int Rev Public Nonprofit Mark*, № 16, p. 255—292.
9. Berendeev, M. V. 2020, Development of promising research trajectories in the field of PR communications in cross-border and border regions of Russia (Kaliningrad track), *Rossiiskaya shkola svyazi s obshchestvennost'yu* [Russian School of Public Relations], № 17, p. 134—147.
10. Anholt, S. 2009, *Places: Identity, Image and Reputation*.
11. Govers, R., Go, F. M. 2009, *Place Branding: Global, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced*, Hampshire: Palgrave Macmillan; Basingstoke.
12. Ashworth, G., Kavaratzis, M. (eds.) 2010, *Towards Effective Place Brand Management*, Cheltenham, Edward Elgar Publishing.
13. Moilanen, T., Rainisto, S. K. 2009, *How to brand nations, cities, and destinations: a planning book for place branding*, Basingstoke, Palgrave Macmillan.
14. Wheeler, A. 2009, *Designing Brand Identity: An Essential Guide for the Whole Branding Team*, NY, Wiley.
15. Baker, B. 2007, *Destination Branding for Small Cities*, L., Creative Leap Books.
16. Dinnie, K. 2011, *City Branding: Theory and Cases*, NY, Palgrave Macmillan.
17. Fedorov, G. M. 2019, Kaliningrad region: peripheral exclave or seaside development corridor? In: Fedorov, G. M., Zhindarev, L. A., Druzhinin, A. G., Pal'movskii, T. (red.) *Problemy regional'nogo razvitiya v nachale KhKhI veka* [Problems of regional development at the beginning of the 21st century], Kaliningrad, p. 5—16 (in Russ.).
18. Goncharova, Yu. V. 2019, On the development trends of cross-border cooperation in the Kaliningrad region, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i meditsinskie nauki* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Natural and medical sciences], № 2, p. 23—34 (in Russ.).
19. Schielberg, S. 2009, Cross-Border Cooperation between Kaliningrad Region, Lithuania and Poland: Obstacles and Possibilities, *Balt. Reg.*, № 2, p. 111—116. doi: [10.5922/2079-8555-2009-2-13](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2009-2-13).
20. Kurovska-Pysh, I. 2021, Implementation of the Interreg program in the Kaliningrad region and neighboring countries: a brief overview, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i meditsinskie nauki* [Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Natural and medical sciences], № 2, p. 48—61 (in Russ.).
21. Kornilova, K. S. 2019, Geo-branding in the context of mediatization problems as a means of developing territories and attracting tourists, *Izvestiya of Saratov University. New Series: Philology. Journalism*, vol. 19, № 4, p. 469—474 (in Russ.).

22. Tsvetkova, O. V. 2017, Territories of cross-border cooperation: State and development prospects of the Kaliningrad region, *Politicheskaya nauka* [Political science], № 5, p. 278—289 (in Russ.).

23. Gumenyuk, I. S. 2020, Transit potential of the Kaliningrad region and transport connectivity of the region. In: Tarasov, I. N. (ed.), *Kaliningradskaya oblast' v novykh koordinatakh baltiiskoi geopolitiki* [Kaliningrad region in the new coordinates of the Baltic geopolitics], Kaliningrad, IK-BFU. I. Kant, p. 148—169 (in Russ.).

24. Zhdanov, V. P., Plyukhin, M. Yu. 2017, Additional transaction costs for the economy and population of the Kaliningrad region of Russia, *Ekonomicheskaya Politika*, vol. 12, № 2, p. 180—207 (in Russ.).

25. Zotova, M. V., Sebentsov, A. B., Golovina, E. D. 2015, Transcarpathian oblast and Kaliningrad oblast: Contrasts and cooperation in the east borderlands of the European Union, *Reg. Res. Russ.*, № 5, p. 212—222. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970515030119>.

The authors

Prof. Ilya N. Tarasov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ITarasov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7698-709X>

Dr Evgeny E. Urazbaev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: yrazbaev@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5817-1329>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

РАЗВИТИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОКРУГОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

О. О. Смирнов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
119333, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

Поступила в редакцию 18.05.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-4
© Смирнов О. О., 2022

Посредством анализа экономических и пространственных показателей предлагается представить типологию уровня экономического развития муниципальных округов Санкт-Петербурга. Важно понять, какие из территорий приносили больший вклад в развитие города, а какие, наоборот, тянули городское развитие вниз. Поиск таких округов открывает путь к нормализации развития Санкт-Петербурга. С одной стороны, необходимо проанализировать основные экономические показатели каждого из муниципальных округов, с другой — оценить такие пространственные показатели, как доступность, активность и транзит улиц. В работе утверждается, что между экономикой и пространством существует прямая связь, и причины экономического роста муниципальных округов кроются именно в этой взаимосвязи. Экономический анализ округов осуществляется посредством ранжирования десяти показателей, полученных из баз данных муниципальной статистики, геоинформационных и специализированных сервисов. Пространственный анализ является результатом апробации методики Space Syntax. Итог исследования представляет собой положения о пространственном развитии города, улучшении методологии схожих исследований, а также включает рекомендации управленческому звену города. Полученные данные могут быть полезны в процессах стратегического городского планирования, экономической и градостроительной деятельности Санкт-Петербурга.

Ключевые слова:

экономическое развитие, пространственный анализ, Санкт-Петербург, муниципальный округ, Space Syntax

Введение

Сегодня экономика и пространство неразрывно связаны в городских исследованиях — от того, насколько высока степень освоения пространства, зависит величина экономического продукта. Так происходит и с городским пространством — люди тяготеют к городам с уникальными урбанистическими решениями, то есть успех города сегодня измеряется «качеством пространства». Чем оно выше, тем лучше удовлетворяются потребности человека — удобнее жилье, доступнее транспорт, богаче места притяжения. Это напрямую влияет на производительность труда, поэ-

Для цитирования: Смирнов О. О. Развитие муниципальных округов Санкт-Петербурга за последнее десятилетие: экономический и пространственный анализ // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 53—68.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-4.

тому можно утверждать, что пространство формирует городскую экономику.

Особое качество пространства сегодня наблюдается в городах-миллионерах, то есть на территориях с высоким экономическим и ресурсным потенциалом — все последнее десятилетие вклад этих городов в ВВП России составлял 30—32 % [1]. В таких городах спрос на пространственные изменения подкрепляется финансовыми возможностями эти изменения реализовывать — отсюда большое количество реализуемых проектов и повышенный к ним интерес, особое внимание в городских исследованиях последних лет.

Важное место в силу административных привилегий в этой теме занимают Москва и Санкт-Петербург. И если развитию Москвы во многом способствует ее столичный статус, то Санкт-Петербург развивается по схожим с другими городами-миллионерами правилам. Последнее десятилетие Санкт-Петербург активно следовал логике развития мировых городов, являясь местом концентрации населения [2]. По данным за 2016 год [3], среди российских регионов он занимал 1-е место по количеству предприятий на 100 тыс. жителей, 2-е место по обороту на душу населения и 3-е место по числу занятых в малом бизнесе. В условиях нестабильности десятилетия экономика города показывала высокую степень устойчивости [4].

Большая часть исследований пространственного развития Санкт-Петербурга появляется в силу его социального-экономических успехов. Основу современного изучения этой темы формирует несколько блоков работ.

Первый блок связан с изучением Санкт-Петербургской агломерации, взаимоотношений города и области. Сегодня в пространственной структуре агломерации выделяют три группы «позвоночных центров»: ядро, зону роста населения, коммутирующие источники и получатели — а также «магистральные центры» [5]. Утверждается, что влияние агломерации простирается далеко за административные границы города, захватывая большую часть Ленинградской области [6]. Такая связь приводит к необходимости общего взаимодействия субъектов при реализации пространственных проектов [7]. В качестве ключевой предпосылки развития диалога города и области указывается единая экономическая система [8]. Отмечается, что город нуждается в расширении сфер влияния, а область — в инвестициях [9]. В остальном для Санкт-Петербургской агломерации характерна моноцентричность городской структуры [10]. Сегодня здесь существуют как транспортные проблемы, препятствующие передвижениям [11], так и жилищные, связанные со структурой и размещением жилья [12]. В этот блок исследований также включены работы, посвященные преимущественно имперскому периоду развития города [13; 14].

Второй блок представляет собой уникальный феномен изучения послесоветских социально-пространственных преобразований Санкт-Петербурга. Указывается, что город прошел семь ключевых этапов развития за прошедший период трансформации [15]. В работе [16] при интерпретации основных тенденций трансформации Санкт-Петербурга особое внимание уделяется сохранившимся постсоветским чертам. Также проводится расчет показателей благополучия в районах для выявления пространственных закономерностей постсоветской дифференциации [17]. Отмечается, что трансформация города еще продолжается и отдельно дифференциация наблюдается в различных посттрансформационных городских зонах [18]. Это особенно просматривается на отдельных феноменах, например в розничной торговле, когда советские районы все еще насыщаются новыми функциями [19].

Третий блок — изучение проблем развития муниципальных округов, районов и субрегионов города. Так, коллектив исследователей разделил Санкт-Петербург на субрегионы, подробно рассмотрев каждый на предмет существующих пространственных проблем [20]. Схожим образом действовали в работе [21], где городское развитие изучали через анализ муниципальных округов, показав существующую

дифференциацию муниципальных образований по уровню благосостояния. В других случаях комплексного анализа муниципальных округов и районов не проводилось — иные статьи носят точечный характер, как, например, [22], где определены перспективы развития первичных пространственных зон Петродворцового района, или [23], где осуществлялся ретроспективный анализ социально-экономического развития Колпинского района.

Предпосылками данной статьи выступают следующие положения: во-первых, лишь отдельные работы пытаются комплексно проанализировать экономическую ситуацию в муниципальных округах города; во-вторых, тема пространственного развития муниципальных округов глобально не затрагивается научным сообществом — существуют лишь точечные исследования, которые призваны оценить пространственные показатели на отдельных территориях города. Данная работа призвана исправить это положение. Исследование покажет уровень экономического развития каждой административной единицы города, а также затронет тему того, как пространство могло повлиять на это развитие.

Важно не только показать, какие из 111 округов вносят большой вклад в развитие Санкт-Петербурга, но и выявить причины этого развития. В рамках гипотезы утверждается, что структура пространства прямо влияет на экономический рост — муниципальные округа развиваются преимущественно по причине их высокой транспортной связности, доступности на интеграции в город. Исследователи уже пробовали объяснить связь городской экономики и пространства — в работе [24] проверяли возможное влияние транспортной доступности на экономическое развитие, в исследовании [25] обнаружили зависимость между полицентричной структурой и уровнем экономического развития, между пространственными коэффициентами и ВВП [26]. Результаты дальнейшего исследования помогут предложить рекомендации по будущему развитию Санкт-Петербурга.

Материалы и методы

Аналитическая база исследования состоит из двух частей. Первая часть формируется по открытым данным за период с 2014 по 2019 год для десяти экономических переменных. Представлено обоснование этих переменных (табл. 1) — оно строится вокруг того, насколько показатели отражают аспекты экономического развития отдельно взятого муниципального образования.

Таблица 1

Показатели экономического развития муниципального образования

Показатель	Обоснование
Численность населения	Призваны учесть демографический потенциал территории, в частности количество проживающих и степень ее населенности. Источник: данные Росстата
Плотность населения	
Размер заработной платы	Представляют собой открытые данные экономической муниципальной статистики, позволяют сравнить уровень жизни людей, бюджетные ресурсы, объемы хозяйственной деятельности организаций. Источники: данные Росстата, отчетов и докладов глав администраций. Пересчитываются на душу населения для сопоставления
Собственные доходы бюджета	
Расходы бюджета	
Объем торгового оборота	
Объем инвестиций	
Прибыль предприятий	
Цена за м ² недвижимости	
Количество точек интереса	Измеряют спрос на территорию. Источник цен на недвижимость: данные ЦИАН. Точки интереса отражают социально-экономические объекты — всего 8867. Источник: данные OSM

Во второй части используются переменные, позволяющие проверить утверждение, согласно которому пространственные показатели влияют на экономическое развитие. Оценить пространственные показатели предполагается с помощью Space Syntax. Этот метод зародился на примере исследования лондонского района [27] и, пройдя долгий путь критики [28—30], стал универсальным инструментом городских исследователей. Посредством геоинформационной системы QGIS предлагается посчитать несколько Space Syntax-метрик — Integration, Choice и Accessibility. Их описание представлено отдельно (табл. 2).

Таблица 2

Пространственные показатели экономического развития Space Syntax

Показатель	Описание	Обоснование
Integration	Отражает количество оптимальных маршрутов между улицами — где находятся самые активные и наиболее удобные улицы для посещения	Выбраны как универсальные в Space Syntax — отражают экономическое движение ресурсов и населения
Choice	Показывает интенсивность транзитного движения — где располагаются наиболее «сквозные» территории города	
Accessibility	Представляет доступность — точки интереса, расположенные в 30-минутной шаговой доступности наиболее удобным для пешеходов образом	

Методологическая база исследования строится вокруг преобразования экономических переменных в три общих показателя: общий итог, общее изменение, общая стабильность. Общий итог (GT) — это среднее арифметическое проранжированных величин переменных отдельного наблюдения:

$$GT = \frac{1}{n} \sum_i^n R V V_i,$$

где $R V V_i$ — проранжированная величина переменной отдельного наблюдения. Ее расчет осуществляется по формуле

$$R V V = \frac{V V_i - 0}{V V_{\max} - 0},$$

где $V V_i$ — средняя величина переменной отдельного наблюдения, которая берется за все календарные годы.

Общее изменение (GC) — среднее арифметическое проранжированной динамики всех переменных отдельного наблюдения:

$$GC = \frac{1}{n} \sum_i^n R D V_i,$$

где $R D V_i$ — проранжированная динамика переменной отдельного наблюдения. Ее расчет осуществляется по формуле

$$R D V = \frac{D V_i - 0}{D V_{\max} - 0},$$

где $D V_i$ — динамика переменной отдельного наблюдения, расчет который производится по формуле

$$D V = \frac{1}{n} \sum_i^n \left(\frac{x_t - x_{t-1}}{|x_{t-1}|} \right)_i,$$

где x_t — значение отдельной переменной в текущем календарном году; — значение отдельной переменной в базисном (предыдущем) календарном году.

Общая стабильность (GS) — средняя арифметическая проранжированных разностей величин нестабильного и стабильного периодов переменных отдельного наблюдения:

$$GS = \frac{1}{n} \sum_i^n RSV_i,$$

где RSV_i — проранжированная разность величин нестабильного и стабильного периодов переменной отдельного наблюдения, рассчитываемая по формуле

$$RSV = \frac{SV_i - 0}{SV_{\max} - 0},$$

где SV_i — разность величин переменной отдельного наблюдения. Берется как разность средних нестабильного (2014—2016) и стабильного (2017—2018) периодов.

Для определения уровня экономического развития округа каждому общему значению присваивается уровень от 1 до 3 баллов: для GT — развитый, средний, отсталый; для GC — активный, умеренный, инактивный; для GS — устойчивый, сдержанный, нестабильный. В сумме округ при минимальном исходе может получить 3 балла, при максимальном — 9. Затем каждому округу аналогичным образом присваиваются значения для районов, к которым они относятся. Районы получают значения от 1 до 3 баллов в соответствии с тремя общими показателями. В результате конечный балл округа находится в диапазоне от 6 до 18. Последующее разделение происходит по пяти индикаторам уровня развития: продвинутый (оценка = 18—16), высокий (= 15—13), средний (= 12—10), приемлемый (= 9—7), слабый (= 6).

Результаты

Драйверами развития города стали округа Адмиралтейского (5) и Петроградского районов (4) — это продвинутые (= 18—16) территории центра. Помимо них в эту группу также вошли несколько округов Курортного (2), Василеостровского (1) и Колпинского (1) районов — всего 13 округов (11,7 %) отошли к продвинутой группе. В свою очередь, группа округов с низким уровнем развитости (= 6) немногочисленна — ее составляет удаленный Кронштадтский район с центром в Кронштадте, доступ к которому осуществляется по городской дамбе — всего 1 муниципальный округ (0,9 %).

Остальные группы рассредоточились практически равномерно по оставшимся городским районам. Так, округа приемлемого (= 9—7) уровня находятся в Калининском (5), Красногвардейском (4), Кировском (2), Красносельском (2), Московском (2), Невском (2), Петродворцовом (2), Приморском (2) и Фрунзенском (2) районах — всего 23 (20,7 %). Муниципальные округа среднего уровня развития (= 12—10) также приписаны к различным районам — Приморский (6), Красносельский (5), Кировский (4), Невский (4), Фрунзенский (3), Выборгский (2), Калининский (2), Курортный (2), Московский (2), Центральный (1), Колпинский (1), Красногвардейский (1), Петродворцовый (1), Пушкинский (1). Всего к группе муниципальных округов среднего уровня относятся 35 (31,5 %). Оставшаяся группа округов высокого (= 15—13) уровня сосредоточена в Курортном (7), Выборгском

(6), Центральном (5), Василеостровском (4), Колпинском (4), Пушкинском (4), Невском (3), Петроградском (2), Адмиралтейском (1), Кировском (1), Московском (1), Фрунзенском (1) районах — всего 39 (35,1 %) муниципальных округов.

В данной выборке 21,6 % округов наименее экономически развиты среди остальных — это округа Юнтолово, Коломяги, Гагаринское, Пулковский меридиан, Финляндский, Северный, Пискаревка, Прометей, округ № 21, Автово, Красненькая речка, Полюстрово, Большая Охта, Пороховые, Ржевка, Урицк, Горелово, Невская застава, Рыбацкое, Петергоф, Стрельна, Купчино, округ № 75, Кронштадт. В разрезе районов около 22 % таких округов находятся в Невском, 25 % — в Приморском, 28,5 % — в Красносельском, 28,5 % — в Кировском, 33 % — в Фрунзенском, 40 % — в Московском, 66 % — в Петродворцовом, 71,4 % — в Калининском, 80 % — в Красногвардейском, 100 % — в Кронштадтском районах.

Если наложить экономические показатели на карту, то обнаружится несколько закономерностей (рис. 1). В первую очередь визуально открывается перспектива выделения плотно расположенных и наиболее экономически развитых муниципальных округов — ареалов. Нахождение в таком ареале усиливает эффект пространственной связки, позволяя муниципальным округам эффективнее использовать ресурсы и инфраструктуру друг друга.

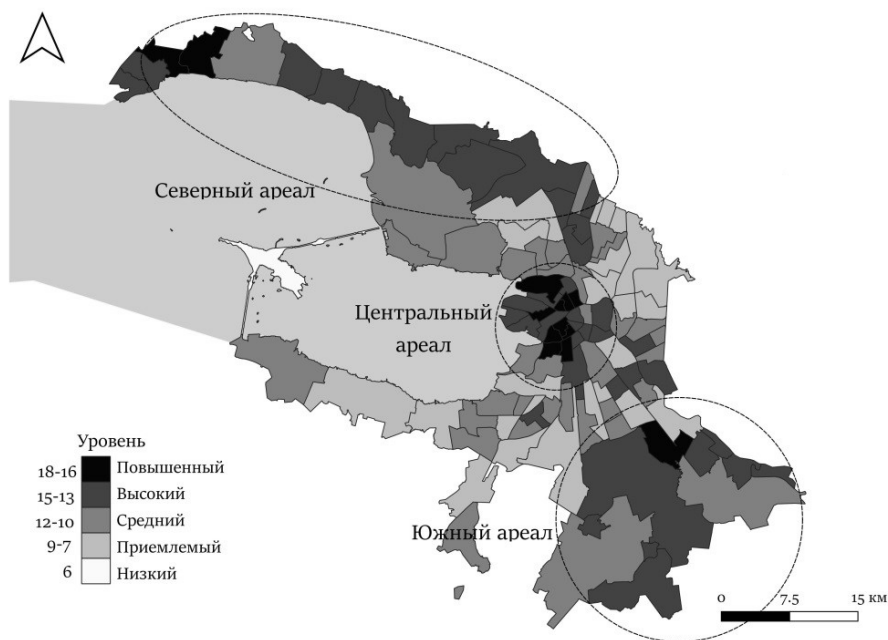

Рис. 1. Классификация муниципальных округов Санкт-Петербурга по уровню экономического развития

В рамках Санкт-Петербурга таких ареалов можно выделить три. Первый ареал — центральный — сегодня привлекает наибольшее количество людей, функций и взаимодействий на квадратный метр. Для второго ареала — северного — характерно наличие высокоразвитых удаленных от города муниципальных округов-поселков. Причина высокого уровня экономического развития кроется в расположении на берегу Балтийского моря и общем позиционировании данной местности как

городского курорта. Отсюда высокая стоимость земли и наименьшее количество жителей по муниципальным округам. Третий ареал — южный — находится на стадии активного развития. Сегодня можно констатировать высокий потенциал этого ареала — низкая стоимость недвижимости может обеспечить ускоренный рост его муниципальных округов.

Активность улиц в каждом ареале также отличается (рис. 2). Обращает на себя внимание плотность дорог юга центрального ареала — потребителю для удовлетворения своих потребностей будет удобнее передвигаться по нему, чем по другим ареалам. В северном ареале уличная активность — одна из минимальных в городе, что представляется оправданным с учетом наличия одной единственной трассы, проходящей через все муниципальные округа. Промежуточное положение занимает южный ареал, для которого характерна скорее малая степень уличной активности. Транспортная структура здесь также формируется вокруг единой трассы и расходится к муниципальным округам, однако уличная сеть микрорайонов вносит относительное разнообразие. В целом можно констатировать «периферийный рост» — ситуацию, когда бывшие территории, считавшиеся ранее отсталыми окраинами, сегодня приняли полупериферийную функцию и создали эффективный транспортный каркас.

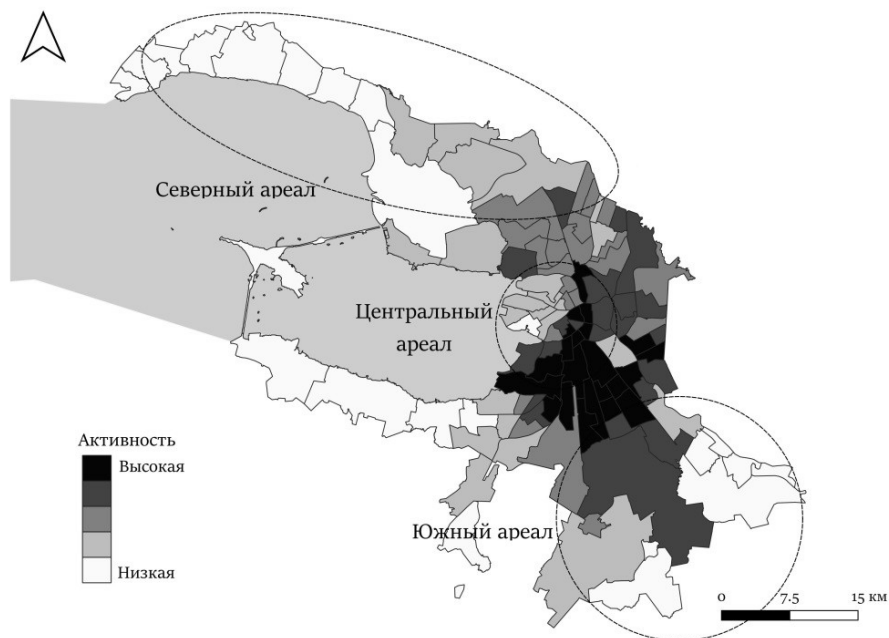

Рис. 2. Значение показателя Integration (активность улиц) улично-дорожной сети Санкт-Петербурга по муниципальным округам

Как формируется функционал территорий города, можно проследить по уровню транзитной активности (рис. 3). Так, в северном ареале единственная трасса обеспечивает функцию доставки людей. Разумеется, никакой уличной активности такой дорогой предусмотрено быть не может. В центральном ареале существуют места притяжения ключевых дорог и улиц города — тут их потоки пересекаются, что позволяет устроить инфраструктуру таким образом, чтобы перетянуть большое

количество людей из других округов. Транзит здесь отсутствует. В южном ареале высокий транзит главных улиц не позволяет реализовать вероятный потенциал в силу отсутствия дополнительных связей между этими улицами. Так, если в центре отсутствие транзита улиц подхватывается плотностью связей и закономерной высокой уличной активностью территории, то на юге средний по уровню транзит не увязывается с плотностью — сегодня это длинные трассы, вдоль которых не существует городской среды, то есть в экономический оборот эти территории не входят.

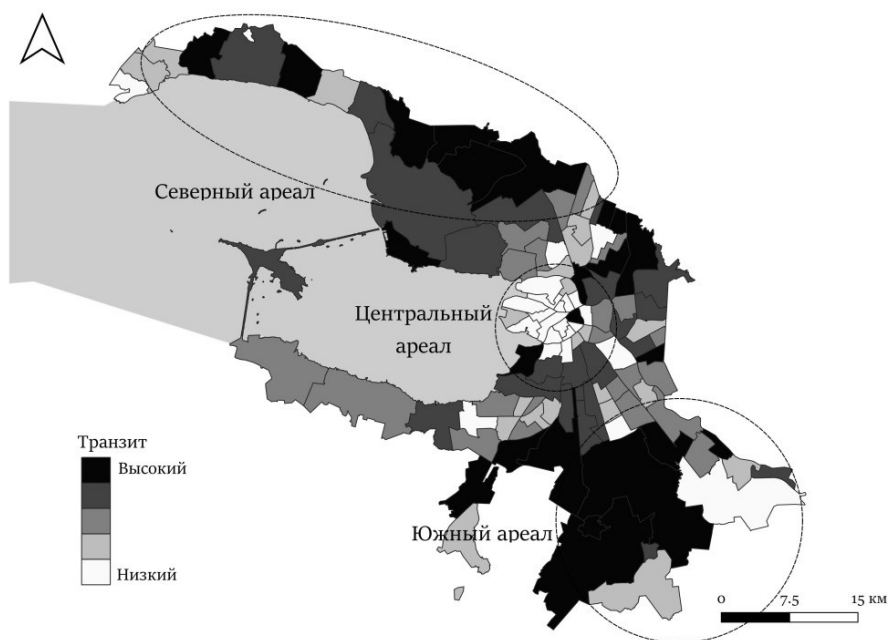

Рис. 3. Значение показателя Choice (транзит улиц) улично-дорожной сети Санкт-Петербурга по муниципальным округам

Закономерен также результат, связанный с доступностью точек интереса (рис. 4). Если для северного и южного ареала в силу их слаборазвитой сетки улиц и высокого транзита характерно отсутствие большого количества точек интереса и доступа к ним, то центральный ареал выступает в качестве наиболее доступной территории для посещения и поддержания активностей. В то же время не следует забывать о населении рассматриваемых ареалов. К северному ареалу все сказанное ранее относится в полной мере — отсутствие людей не предполагает развитой сетки улиц. У южного ареала ситуация обратная — здесь проживает больше людей, чем в центральном ареале, однако развитость дорожной сети минимальна и в некотором случае даже сравнима с северным ареалом. С другой стороны, инфраструктура просто не поспевает за увеличением численности населения, что и обуславливает такие результаты. По крайней мере сейчас существует возможность обнаружить ядра доступности в пределах южного ареала, чего нельзя сказать о северном. От последующих действий зависит то, в каком качестве получится развить будущий центр на юге города, получится ли создать там новые точки активностей и улучшить их транспортное сообщение.

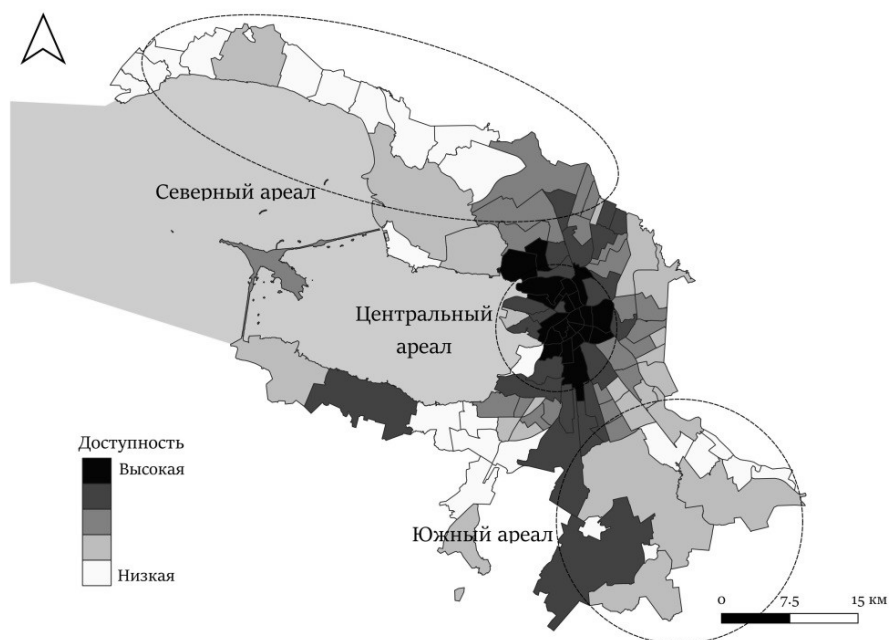

Рис. 4. Шаговая доступность объектов в пределах 30 мин (Accessibility) улично-дорожной сети Санкт-Петербурга по муниципальным округам

Обсуждение

Экономическое развитие Санкт-Петербурга за последнее десятилетие подчинялось развитию его административных единиц. Округов, которые вносили наибольший вклад в развитие города, всего 13 из 111. При этом 76,9 % (или 10 из 13) данных территорий — это муниципальные округа центра города — Адмиралтейского и Петроградского районов. Следовательно, моноцентричный характер городского развития, то есть экономика города, напрямую зависит от активности в центре. С одной стороны, это позволяет унифицировать экономические процессы, увеличить агломерационный эффект от каждого округа, с другой — территория данных округов сильно ограничена по сравнению с периферией, то есть экономическая эффективность имеет предел.

В свою очередь, слабых округов в городе практически нет. Исключение составляет Кронштадтский район с единственным округом в его составе. В то же время других округов, которые сегодня условно тянут экономическое развитие города вниз, гораздо больше — это 23 приемлемых по уровню развития округа, то есть около 12 (52,2 %) периферийных (находящихся непосредственно у края административных границ города) и 11 (47,8 %) полупериферийных округов (между периферийными округами и центром). Иными словами, 100 % округов, вносящих отрицательные значения экономического развития, находится на периферии и полупериферии. Как и было ожидаемо, наиболее экономически эффективными оказались центральные муниципальные округа Санкт-Петербурга, в то время как периферия и полупериферия занимают последние строчки по уровню экономического развития — они вносили наименьший вклад в экономику города.

В итоге при планировании будущего развития города возникает процесс децентрализации экономических ресурсов на городскую периферию или полупериферию. С учетом ежегодного роста населения напор на центр также увеличивается и, вероятно, в ближайшее время достигнет предельного значения. Закономерное решение — полицентричное развитие, то есть рассредоточение экономических ресурсов из центра к полупериферии как месту наибольшего количества жителей, и снижение нагрузки на центральные округа города.

Разумеется, функциональные роли разных районов в жизнедеятельности города заметно отличаются — сопоставлять «спальные» районы, административные кварталы и районы размещения предприятий не совсем корректно, поэтому полученные результаты не следует считать универсальной типологией районов Санкт-Петербурга, и это стоит учитывать при принятии стратегических планировочных решений по развитию города.

Что касается пространственного анализа, то здесь ситуация не столь однозначна. Во-первых, визуально прослеживается деление Санкт-Петербурга на три отдельных пространственных блока, в рамках исследования названных северным, центральным и южным ареалами. Северный ареал — место сосредоточения муниципальных округов с высоким экономическим развитием, основа экономики которых — предоставление гостевых услуг и отдых жителей. Центральный ареал — основа экономического каркаса, место концентрации товаров и услуг. Южный ареал — новый, активно развивающийся участок города. Все три ареала сегодня — это экономически оторванные друг от друга территории, что связано с определенной дисфункцией Западного скоростного диаметра и Кольцевой автомобильной дороги, которые не предполагают множество съездов в большую часть слабо развитых округов. Объединение ареалов дополнительными транспортными связями, модернизация и уплотнение уличной сетки, вероятно, позволило бы достичь полупериферийным округам больших темпов роста и увеличило бы количество округов в ареалах.

Во-вторых, полученные результаты не являются однозначными, и этому есть объяснение — следует учитывать взаимосвязь между исследованными переменными (табл. 3). В первую очередь расстояние до центра (LC) имеет значимость лишь при определении наиболее активных улиц (INT) и доступности округа (ACC). Чем меньше расстояние от округа до центра, тем больше доступность и активность. На экономические показатели это не влияет. Сопоставление общего уровня (GL) и общего итога (GT) округов значимых результатов не показало — существует лишь небольшая взаимосвязь с общим изменением (GC) и общей стабильностью (GS). В свою очередь, все они также не связываются с пространственными показателями.

Таблица 3

Корреляции пространственных и экономических показателей

Показатель	LC	GL	GT	GC	GS	POI	INT	CHO	ACC	POP
LC	1,00	—	—	—	—	—	—	—	—	—
GL	0,04	1,00	—	—	—	—	—	—	—	—
GT	0,30	0,09	1,00	—	—	—	—	—	—	—
GC	0,02	0,46	0,00	1,00	—	—	—	—	—	—
GS	0,04	0,47	0,00	0,87	1,00	—	—	—	—	—
POI	0,40	0,03	0,23	0,04	0,09	1,00	—	—	—	—
INT	0,75	0,06	0,06	0,03	0,06	0,28	1,00	—	—	—
CHO	0,12	0,05	0,05	0,00	0,00	0,13	0,00	1,00	—	—
ACC	0,69	0,01	0,35	0,01	0,03	0,85	0,40	0,20	1,00	—
POP	0,11	0,19	0,00	0,18	0,18	0,52	0,37	0,10	0,41	1,00

Существует прямая зависимость между количеством точек интереса (POI), доступностью территории (ACC) и количеством ее населения (POP). В то же время доступность территории, вероятно, также прямо связана с количеством населения — чем она больше, тем больше людей проживает на этой территории. Следует отметить, что показатели экономического развития никаким образом не взаимосвязаны с пространственными показателями — транзитом, активностью улиц, доступностью. Иными словами, тезис о том, что экономическое развитие территорий определяют в первую очередь их интеграция, транзит и доступность, оказывается неверным в рамках исследования экономики и пространства Санкт-Петербурга.

Опровергается и тезис о том, что наиболее активные и доступные для жителей территории муниципальных округов являются одновременно наиболее экономически развитыми. Напротив, значительная часть полупериферии обладает большей уличной активностью, чем центр. Вероятно, с полупериферией связан потенциал будущего развития города, и ее территории требуют комплексного подхода.

Выводы

Результатом проведенного исследования стали следующие эмпирические данные по округам: во-первых, 21,6 % округов города следует считать слабо экономически развитыми — преимущественно это периферийные и полупериферийные территории, и именно они тянут городское развитие вниз; во-вторых, наиболее развитыми следует считать 11,7 % округов — 76,9 % из них находятся в центральных районах города. Если дополнительно к ним прибавить развитые округа высокого уровня (35,1 %), то получится, что около половины (46,8 %) округов города следует считать экономически развитыми территориями; в-третьих, существует несколько пространственных связей — северный, центральный и южный ареалы, которые, однако, экономически оторваны друг от друга.

Также удалось выявить характерные черты пространственного развития города последнее десятилетие: во-первых, моноцентричность — развитие города напрямую зависит от экономической активности в центральных округах; во-вторых, централизация ресурсов — экономическая активность спадает от центра к периферии и полупериферии города, что также подтверждает тезис о моноцентричности; в-третьих, прерывистость пространства — экономические ареалы города отделены друг от друга полупериферийными округами, что не позволяет качественно сработать агломерационному эффекту; в-четвертых, периферийный рост — территории, считавшиеся десятилетия назад отсталыми окраинами, сегодня выполняют полупериферийную функцию и позволят уйти от прерывистости пространства в будущем; в-пятых, активная полупериферия — наиболее высокая уличная активность отмечается на полупериферии, которая напрямую граничит с центром, и сегодня экономическая активность Санкт-Петербурга явно движется из центральных округов к южным, назревает децентрализация.

Апробация методики Space Syntax позволила выявить взаимосвязи показателей. Во-первых, отсутствуют связи между выбранными экономическими и пространственными показателями — транзит, активность и доступность не способствуют экономическому развитию территории и наоборот. Во-вторых, отдельные результаты показывают, что количество людей и точек интереса на экономические показатели также не влияет. Существует лишь незначительная связь с уровнем экономического развития и количеством населения. В-третьих, взаимоотношения между частью пространственных показателей прямые. Так, чем меньше расстояние от территории до центра, тем выше ее активность и доступность, чем больше

точек притяжения, тем выше доступность и количество населения. Доступность с небольшой вероятностью взаимосвязана с количеством населения — чем она больше, тем больше людей проживает на территории.

Основная рекомендация — обеспечить экономическую связность центрального ареала с северным и южным посредством децентрализации функций в городском центре, поиска общих сторон округов, а также объединения экономик. Ареалы слабо интегрированы в городскую систему, поскольку существует прослойка в виде слабой полупериферии. Сегодня уже проводятся мероприятия по ее развитию, и в этом вопросе особое внимание следует обратить на образование ядер в городе — будущих центров активностей. Наилучшие экономические показатели характерны для южного ареала города, где, однако, еще не создано полноценной городской инфраструктуры. В этом смысле, учитывая выявленный потенциал данной территории, кажется целесообразным продолжить развитие ее инфраструктуры. Периферия становится наиболее географически выгодным местом для проживания жителей, тогда как ареалы — местами производственных, торговых, офисных и культурных функций. Важно также развивать и эту конфигурацию.

При этом проблему связности ареалов понимают и власти города — идея поляризованного развития изложена в стратегических документах. Например, в Стратегии пространственного развития Санкт-Петербурга, принятой до 2030 года, формируются территориальные-экономические зоны (ТЭЗ). Важным аспектом реализации идеи ТЭЗ является ее связь с Генеральным планом, Правилами землепользования и застройки, Региональными нормативами градостроительного проектирования, в которых, однако, не акцентирована важность той или иной зоны для города. В то же время представленные результаты работы демонстрируют, что в пространственном развитии города необходим акцент в развитии в первую очередь на трех ареалах, которые в документах соответствуют Курортной, Центральной и Южной ТЭЗ.

Результаты исследования ставят вопрос, на который необходимо ответить при дальнейшем изучении проблемы. Так, имеет место несоответствие выбранных экономических показателей пространственным особенностям территории, хотя в упомянутых в статье исследованиях взаимосвязь отмечалась прямая. Помимо отбора показателей полученные результаты требуют их обобщения и ранжирования — нет сомнений, что при сравнении переменных, которые составляют общие экономические показатели, получится обнаружить связи. В рамках данной работы имелась необходимость именно обобщения, что одновременно могло стать и ее главным недостатком. Кроме того, выявленные внутригородские различия не следует абсолютизировать — предложенная типология округов не является универсальной.

Список литературы

1. Kosareva, N., Polidi, T. 2017, Assessment of Gross Urban Product in Russian Cities and Its Contribution to Russian GDP in 2000—2015, *Russian Journal of Economics*, vol. 3, № 3, p. 263—279. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.09.003>.
2. Кузнецова, О.В. 2018, Концентрация экономической активности в Москве и Санкт-Петербурге: масштабы, факторы, последствия для городов, *Проблемы развития территории*, № 5 (97), с. 26—40. doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.2>.
3. Lachininskii, S. S. 2018, Some Aspects of the Economic Security of St. Petersburg and the Leningrad Region in the Context of Geo-Economic Uncertainty, *Balt. Reg.*, vol. 10, № 3, p. 136—149.
4. Николаев, М. А., Махотаева, М. Ю. 2018, Устойчивость экономики регионов в условиях кризиса. В: *Многофакторные вызовы и риски в условиях реализации стратегии научно-технологического и экономического развития макрорегиона «Северо-Запад»*, Санкт-Петербург, 23—24 октября 2018 года, с. 198—204.

5. Lachininskii, S. S., Sorokin, I. S. 2021, Spatial Structure and Development of Settlements in the Saint Petersburg Agglomeration, *Balt. Reg.*, vol. 13, № 1, p. 48—69. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-1-3>.
6. Резников, И. Л. 2017, Выявление границ Санкт-Петербургской городской агломерации, *Вестник СПбГУ. Науки о Земле*, т. 62, № 1, с. 89—103. doi: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.106>.
7. Limonov, L. E. 2013, St. Petersburg Metropolitan Region: Problems of Planning Coordination and Spatial Development, *53rd Congress of the European Regional Science Association: "Regional Integration: Europe, the Mediterranean and the World Economy"*, 27—31 August 2013, Palermo, Italy, European Regional Science Association (ERSA), Louvain-la-Neuve.
8. Лимонов, Л. Э., Батчаев, А. Р. 2013, Санкт-Петербург и Ленинградская область: связи, проблемы, координация развития агломерации, *Пространственная экономика*, № 1, с. 123—135.
9. Овсипян, М. В. 2018, Проблемы развития Санкт-Петербургской агломерации, *Проблемы развития территории*, № 4 (96), с. 72—86. doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.4.96.5>.
10. Tokunova, G. 2017, Transport Infrastructure as a Factor of Spatial Development of Agglomerations (Case Study of Saint Petersburg Agglomeration), *Transportation Research Procedia*, vol. 20, p. 649—652.
11. Tokunova, G., Rajczyk, M. 2020, Smart Technologies in Development of Urban Agglomerations (case study of St. Petersburg transport infrastructure), *Transportation Research Procedia*, № 50, p. 681—688.
12. Garmanov, V., Bogdanov, V., Badenkov, V., Zaikin, V. 2018, Spatial Aspects of Urban Planning: A Case Study for Saint-Petersburg Agglomeration, *MATEC Web of Conferences*, № 170, art. 02014. doi: <https://doi.org/10.1051/mateconf/201817002014>.
13. Sementsov, S., Akulova, N. 2019, Foundation and Development of the Regular Saint Petersburg Agglomeration in the 1703 to 1910s, *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, № 324, p. 425—433.
14. Sementsov, S., Zavarikhin, S., Kurbatov, Y., Pukharensko, Y. 2020, Features of the Formation of the St. Petersburg Agglomeration by the Beginning of the XX Century, *E3S Web of Conferences*, № 164, art. 05009. doi: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016405009>.
15. Batchaev, A. R., Zhikharevich, B. S. 2014, Saint-Petersburg in the Post-Soviet Time: Economic Strategies and Development, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, № 4(34), p. 68—83.
16. Anokhin, A. A., Lachininskii, S. S., Zhitin, D. V., Shendrik, A. V., Mezhevich, N. M., Krasnov, A. I. 2017, Post-Soviet Urban Environment: the Experience of St. Petersburg, *Regional Research of Russia*, vol. 7, № 3, p. 249—258.
17. Zhitin, D. V., Krisjane, Z., Sechi, G., Berzins, M. 2020, Socio-spatial differentiation in transition: a preliminary comparative analysis of post-soviet Saint Petersburg and Riga, *Balt. Reg.*, vol. 12, № 1, p. 85—114. doi: <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2020-1-6>.
18. Axenov, K., Petri, O. V. 2014, Socio-spatial differentiation and public accessibility of urban spaces in the post-transformational city: case study Saint-Petersburg, *Europa Regional*, vol. 19, № (3—4), p. 48—63.
19. Axenov, K., Krupickaite, D., Morachevskaya, K., Zinoviyev, A. 2018, Retail sprawl in post-Soviet urban residential communities: Case studies of Saint-Petersburg and Vilnius, *Moravian Geographical Reports*, № 26 (3), p. 210—219.
20. Kryukova, O. V., Martynov, V. L., Sazonova, I. Ye., Polyakova, S. D. 2016, Main Spatial Problems of St. Petersburg, *European Journal of Geography*, vol. 7, № 2, p. 85—95.
21. Zhitin, D. V., Lachininskii, S. S., Mikhaylova, A. A., Shendrik, A. V. 2020, Urban Transformation of a Post-Soviet Coastal City: The Case of Saint Petersburg, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 13, № 1, p. 145—158. doi: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-77>.
22. Martynov, V. L., Sazonova, I. E. 2019, Spatial Development of the Petrodvortsovy District of St. Petersburg: Primary Trends and Problems, *Baltic Region — The Region of Cooperation*, p. 251—258.
23. Айдарова, Ю. В. 2018, Социально-экономическое развитие Колпинского района Санкт-Петербурга: современное состояние и перспективы развития, *Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета*, № 53, с. 252—258. doi: <https://doi.org/10.24411/2078-1318-2018-14252>.

24. Rokickia, B., Stepniak, M. 2018, Major Transport Infrastructure Investment and Regional Economic Development — An Accessibility-Based Approach, *Journal of Transport Geography*, № 72, p. 36—49.

25. Zhang, J., He, X., Yuan, X.-D. 2018, Research on the relationship between Urban economic development level and urban spatial structure — A case study of two Chinese cities, *PLoS ONE*, vol. 15, № 7, art. e0235858. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0235858>.

26. Yong, L., Xiaolan, C., Dayong, L. 2020, How Does Urban Spatial Structure Affect Economic Growth? Evidence from Landsat Data in China, *Journal of Economic Issues*, vol. 54, № 3, p. 798—812. doi: <https://doi.org/10.1080/00213624.2020.1787062>.

27. Hillier, B., Hanson, J. 1984, *The Social Logic of Space*, Cambridge, Cambridge University Press, 281 p.

28. Steadman, P. 2004, Developments in Space Syntax, *Environment and Planning B: Planning and Design*, vol. 31, № 4, p. 483—486.

29. Ratti, C. 2005, Suggestions for Developments in Space Syntax, *Proceedings of the 5th space syntax symposium*, p. 13—17.

30. Hillier, B., Yang, T., Turner, A. 2012, Normalising Least Angle Choice in Depthmap and How It Opens Up New Perspectives on the Global and Local Analysis of City Space, *Journal of Space syntax*, vol. 3, № 2, p. 155—193.

Об авторе

Олег Олегович Смирнов, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: olegsmirnov54@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2684-2217>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

DEVELOPMENT OF MUNICIPAL DISTRICTS IN SAINT PETERSBURG OVER THE LAST DECADE: AN ECONOMIC AND SPATIAL ANALYSIS

O. O. Smirnov

HSE University
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

Received 18.05.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-4
© Smirnov, O. O. 2022

The article analyses economic and spatial indicators to produce a typology of the economic development levels of St Petersburg municipal districts. To normalise the city's development, it is vital to understand which territories have contributed more to the process and which have inhibited it. It is also essential to analyse the principal economic indicators of each municipal district and assess transport accessibility, street activity and transit. The study demonstrates the connection between the economy and space, which gives the answer to the question about the causes of economic growth. An economic analysis of the districts is carried out by ranking

To cite this article: Smirnov, O. O. 2022, Development of municipal districts in Saint Petersburg over the last decade: an economic and spatial analysis, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 1, p. 53—68. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-4.

ten leading indicators obtained from the municipal databases and geoinformation services, whilst a spatial analysis is performed based on testing the Space Syntax methodology. The study made it possible to describe the city's spatial development, improve the methodology and provide recommendations for municipal administrators. The findings will enhance strategic urban planning in St Petersburg.

Keywords:

economic development, spatial analysis, St. Petersburg, municipal district, Space Syntax

References

1. Kosareva, N., Polidi, T. 2017, Assessment of Gross Urban Product in Russian Cities and Its Contribution to Russian GDP in 2000–2015, *Russian Journal of Economics*, vol. 3, №3, p. 263–279. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.09.003>.
2. Kuznetsova, O. V. 2018, The concentration of economic activity in Moscow and St. Petersburg: scale, factors, consequences for cities, *PROBLEMS OF TERRITORY'S DEVELOPMENT*, №5 (97), c. 26–40. doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.2> (in Russ.).
3. Lachininskii, S. S. 2018, Some Aspects of the Economic Security of St. Petersburg and the Leningrad Region in the Context of Geo-Economic Uncertainty, *Balt.Reg.*, vol. 10, №3, p. 136–149.
4. Nikolaev, M. A., Makhotaeva, M. Yu. 2018, Resilience of the regional economy in a crisis. In: *Mnogofaktornye vyzovy i riski v usloviyakh realizatsii strategii nauchno-tehnologicheskogo i ekonomicheskogo razvitiya makroregiona «Severo-Zapad»* [Multifactorial challenges and risks in the context of the implementation of the strategy of scientific, technological and economic development of the macro-region “North-West”], St. Petersburg, October 23–24, 2018, p. 198–204 (in Russ.).
5. Lachininskii, S. S., Sorokin, I. S. 2021, Spatial Structure and Development of Settlements in the Saint Petersburg Agglomeration, *Balt. Reg.*, vol. 13, №1, p. 48–69. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-1-3>.
6. Reznikov, I. L. 2017, Identification of the boundaries of the St. Petersburg urban agglomeration, *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 62, №1, p. 89–103. doi: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.106>.
7. Limonov, L. E. 2013, St. Petersburg Metropolitan Region: Problems of Planning Coordination and Spatial Development, *53rd Congress of the European Regional Science Association: “Regional Integration: Europe, the Mediterranean and the World Economy”*, 27–31 August 2013, Palermo, Italy, European Regional Science Association (ERSA), Louvain-la-Neuve.
8. Limonov, L. E., Batchaev, A. R. 2013, St. Petersburg and the Leningrad region: connections, problems, coordination of agglomeration development, *Spatial Economics*, №1, p. 123–135.
9. Ovsipyan, M. V. 2018, Problems of development of the St. Petersburg agglomeration, *Problemy razvitiya territorii* [Territory development problems], №4 (96), p. 72–86. doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.4.96.5>.
10. Tokunova, G. 2017, Transport Infrastructure as a Factor of Spatial Development of Agglomerations (Case Study of Saint Petersburg Agglomeration), *Transportation Research Procedia*, vol. 20, p. 649–652.
11. Tokunova, G., Rajczyk, M. 2020, Smart Technologies in Development of Urban Agglomerations (case study of St. Petersburg transport infrastructure), *Transportation Research Procedia*, №50, p. 681–688.
12. Garmanov, V., Bogdanov, V., Badenko, V., Zaikin, V. 2018, Spatial Aspects of Urban Planning: A Case Study for Saint-Petersburg Agglomeration, *MATEC Web of Conferences*, №170, art. 02014. doi: <https://doi.org/10.1051/mateconf/201817002014>.
13. Sementsov, S., Akulova, N. 2019, Foundation and Development of the Regular Saint Petersburg Agglomeration in the 1703 to 1910s, *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, №324, p. 425–433.
14. Sementsov, S., Zavarikhin, S., Kurbatov, Y., Pukharensko, Y. 2020, Features of the Formation of the St. Petersburg Agglomeration by the Beginning of the XX Century, *E3S Web of Conferences*, №164, art. 05009. doi: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202016405009>.

15. Batchaev, A. R., Zhikharevich, B. S. 2014, Saint-Petersburg in the Post-Soviet Time: Economic Strategies and Development, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, №4 (34), p. 68—85.
16. Anokhin, A. A., Lachininskii, S. S., Zhitin, D. V., Shendrik, A. V., Mezhevich, N. M., Krasnov, A. I. 2017, Post-Soviet Urban Environment: the Experience of St. Petersburg, *Regional Research of Russia*, vol. 7, № 3, p. 249—258.
17. Zhitin, D. V., Krisjane, Z., Sechi, G., Berzins, M. 2020, Socio-spatial differentiation in transition: a preliminary comparative analysis of post-soviet Saint Petersburg and Riga, *Balt. Reg.*, vol. 12, № 1, p. 85—114. doi: <https://doi.org/10.5922/2078-8555-2020-1-6>.
18. Axenov, K., Petri, O. V. 2014, Socio-spatial differentiation and public accessibility of urban spaces in the post-transformational city: case study Saint-Petersburg, *Europa Regional*, vol. 19, №(3—4), p. 48—63.
19. Axenov, K., Krupickaite, D., Morachevskaya, K., Zinovyev, A. 2018, Retail sprawl in post-Soviet urban residential communities: Case studies of Saint-Petersburg and Vilnius, *Moravian Geographical Reports*, №26 (3), p. 210—219.
20. Kryukova, O. V., Martynov, V. L., Sazonova, I. Ye., Polyakova, S. D. 2016, Main Spatial Problems of St. Petersburg, *European Journal of Geography*, vol. 7, №2, p. 85—95.
21. Zhitin, D. V., Lachininskii, S. S., Mikhaylova, A. A., Shendrik, A. V. 2020, Urban Transformation of a Post-Soviet Coastal City: The Case of Saint Petersburg, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 13, №1, p. 145—158. doi: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-77>.
22. Martynov, V. L., Sazonova, I. E. 2019, Spatial Development of the Petrodvortsovy District of St. Petersburg: Primary Trends and Problems, *Baltic Region — The Region of Cooperation*, p. 251—258.
23. Aidarova, Yu. V. 2018, Socio-economic development of the Kolpinsky district of St. Petersburg: current state and development prospects, *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Proceedings of the St. Petersburg State Agrarian University], №53, p. 252—258. doi: <https://doi.org/10.24411/2078-1318-2018-14252> (in Russ.).
24. Rokickia, B., Stepniak, M. 2018, Major Transport Infrastructure Investment and Regional Economic Development — An Accessibility-Based Approach, *Journal of Transport Geography*, №72, p. 36—49.
25. Zhang, J., He, X., Yuan, X.-D. 2018, Research on the relationship between Urban economic development level and urban spatial structure—A case study of two Chinese cities, *PLoS ONE*, vol. 15, №7, art. e0235858. doi: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0235858>.
1. 26. Yong, L., Xiaolan, C., Dayong, L. 2020, How Does Urban Spatial Structure Affect Economic Growth? Evidence from Landsat Data in China, *Journal of Economic Issues*, vol. 54, №3, p. 798—812. doi: <https://doi.org/10.1080/00213624.2020.1787062>.
27. Hillier, B., Hanson, J. 1984, *The Social Logic of Space*, Cambridge, Cambridge University Press, 281 p.
28. Steadman, P. 2004, Developments in Space Syntax, *Environment and Planning B: Planning and Design*, vol. 31, №4, p. 483—486.
29. Ratti, C. 2005, Suggestions for Developments in Space Syntax, *Proceedings of the 5th space syntax symposium*, p. 13—17.
30. Hillier, B., Yang, T., Turner, A. 2012, Normalising Least Angle Choice in Depthmap and How It Opens Up New Perspectives on the Global and Local Analysis of City Space, *Journal of Space syntax*, vol. 3, №2, p. 155—193.

The author

Oleg O. Smirnov, PhD student, HSE University, Russia.

E-mail: olegsmirnov54@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2684-2217>

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СТРАН ЕС

НЕЭКСПАНСИОНИСТСКИЕ ТИПЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЛЬШИ: ИДЕЙНАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

И. Д. Лошкарёв
Д. А. Пареньков

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию: 03.12.2021 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-5

© Лошкарёв И. Д., Пареньков Д. А., 2022

Рассматривается проблема появления и постепенного развития неэкспансионистских типов стратегической культуры в Польше. Цель исследования — выявить особенности неэкспансионистских типов стратегической культуры в Польше для более объективного анализа современной внешней политики и политики безопасности этого государства. На первом этапе работы авторы раскрывают особенности появления и использования концепта «стратегическая культура», предлагают собственный вариант типологии стратегических культур, основанный на работе «культурного реалиста» А. Джонсона. Затем авторы используют качественный метод отслеживания (трассировки) процесса для того, чтобы выявить контуры последовательности событий и идейных конструктов, которые обусловили появление или деградацию соответствующих типов стратегической культуры. Показано, как на основе стратегической культуры нейтралитета под влиянием внешнего воздействия и переосмысления идей республиканизма в Польше сформировалась стратегическая культура политической фортификации (форпоста). Данные типы стратегической культуры берут истоки в идее этического превосходства польского государства, хотя детализация этого превосходства применительно к конкретным ситуациям может заметно различаться. В то же время в современных польских реалиях пока не возникло ни одного типа стратегической культуры аккомодации, что может стать одним из направлений дальнейшего развития стратегической культуры Польши.

Ключевые слова:

стратегическая культура, Польша, культура нейтралитета, культура политической фортификации

Введение

Понятие стратегической культуры вошло в научный оборот в 70-е годы XX столетия. В условиях Холодной войны оказалось, что приписывание оппонентам и партнерам рациональных моделей поведения ведет к неточностям в анализе меж-

---

Для цитирования: Лошкарёв И. Д., Пареньков Д. А. Неэкспансионистские типы стратегической культуры Польши: идейная ретроспектива и современные последствия // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 69–82. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-5.

дународных взаимодействий. Как отмечал автор термина «стратегическая культура» Дж. Снайдер, рационалистические трактовки поведения государств ведут к двум научным проблемам — проблеме обоснованности утверждений (англ. *validity problem*) и проблеме многозначности данных (англ. *ambiguity problem*). Первая проблема касалась соотношения рационалистических моделей и недоступности большого объема данных: поскольку военная сфера была и традиционно остается закрытой для большинства исследователей и обывателей, любые модели приходилось выстраивать на ограниченном или даже недостаточном массиве информации. Но даже когда удавалось получить или экстраполировать достаточное количество данных, необходимо было выстроить какую-то иерархию значимости фактов, которая бы увязывала разноуровневые и разновременные причинно-следственные связи, что и вело к появлению второй проблемы. Поэтому возникла необходимость поместить факты и принимаемые акторами решения в политический, исторический и организационный контексты, чтобы они как-то упорядочили имеющиеся трактовки и данные. Соответственно, стратегическая культура выступала такой промежуточной переменной, которая помогала объяснять реакцию стран на те или иные действия своих визави. Эта переменная включала в себя индикаторы, выделение тех или иных характеристик реальности в качестве проблемных, используемые концепты и понятия для описания происходящего и прошлого, а также основные узлы дискуссии по вопросам национальной безопасности [1, p. 7—9].

Об убеждениях, представлениях и языке описания собственных действий и действий других государств узнают из разных источников и опираются на опыт различных исторических периодов — что делает описание самой стратегической культуры крайне субъективным занятием. Как отмечал К. Грей, не стоит забывать, что в стратегической культуре — «больше стратегии, чем культуры», хотя конкретное соотношение установить сложно [2, p. 130].

Источниками для коллективных представлений о прошлом и настоящем оказываются опыт участия в вооруженных конфликтах, фундаментальные политико-философские работы по вопросам войны и мира, а также преобладающие мистические и религиозно-этические установки в обществе [3]. Очевидная невозможность представить узкую позитивистскую или неопозитивистскую трактовку стратегической культуры обусловила новый поворот в исследованиях [4].

Возникла расширенная трактовка стратегической культуры, в рамках которой делается упор на подвижность и процессуальность социальных феноменов. У этого есть свои издержки, поскольку саму стратегическую культуру приходится признать независимой переменной (а не конкретные события и тенденции, которые подталкивают акторов к реагированию) [5]. Главное последствие такого изменения состоит в признании, что в стратегической культуре могут быть разные комплексы или наборы представлений о доступных и предпочтительных вариантах поведения и реагирования [6].

С методологической точки зрения расширенная трактовка стратегической культуры делает ее контекстом внешнеполитической и военно-политической деятельности, а не элементом (уровнем) контекста. Это однозначно отсекает возможность полностью разрешить проблему обоснованности утверждений, ради которой, отчасти, понятие и было введено. Несмотря на потенциальную угрозу введения термина ради термина, такая ситуация дает исследователям выход на более сложные и нюансированные модели, описывающие соотношение материальных и идейных факторов [7]. Главное в этих моделях — не забывать о подвижности, многосоставности и взаимообусловленности стратегических культур и их элементов [8; 9].

Длительное время изучение стратегических культур и составляющих их «идеальных типов» концентрировалось на крупных государствах, где сравнительно просто можно проследить опыт конфликтов прошлого, дебаты между политиками,

мыслителями, военными стратегами и дипломатами по поводу возможных и допустимых способов решения накопившихся внешнеполитических проблем. Лишь в последние десятилетия акцент постепенно смещается на государства среднего размера, в том числе на региональных лидеров и государства с высокой степенью функциональной специализации в современных международных отношениях [10; 11]. В таких условиях обращение к стратегической культуре Польши кажется логичным и имеет большую исследовательскую значимость, поскольку эта страна не только выступает сегодня одним из лидеров в Восточной Европе, но и имеет большой исторический опыт вооруженных конфликтов и смены парадигм политического развития [12; 13]. Хотя Польша в настоящее время входит в ЕС и НАТО, современная дискуссия внутри страны относительно актуальных глобальных и региональных вызовов существенно отличается от дискуссии внутри других евроатлантических государств, как и предлагаемые Варшавой способы преодоления трудностей. Даже предварительное и первичное выявление основных типов стратегической культуры позволит более полно представить историко-культурный и идейный контексты польской внешней политики, в том числе ее наиболее вероятные траектории и повороты в будущем.

Необходимо сделать еще одно уточнение. Немногочисленные работы по внешней политике Польши и ее международной идентичности исходят из того, что этой стране присуща напористость и даже в какой-то степени экспансионистские намерения, основанные на историческом имперском опыте [15—17]. Отрицать подобные выводы сложно, однако прошлое этой страны включало в себя династические унии с другими государствами и проекты широких международных коалиций (например, против Османской империи), а также своеобразную рецепцию политической философии эпохи Античности и Возрождения. Поэтому в настоящей статье предлагается посмотреть на те пласты или измерения польской стратегической культуры, которые связаны не с экспансией и лидерскими амбициями Польши, а с попытками защитить и укрепить уже имеющееся и достигнутое.

Работы А. Джонсона — представителя «третьего поколения» исследований стратегической культуры — позволяют сформулировать для этой цели подробную классификацию идеальных типов страткультур. Если рассматривать только неэкспансионистские типы стратегических культур, то возможные магистральные предпочтения будут сводиться к стремлению интенсивно сотрудничать (аккомодация) или хотя бы в той или иной форме замкнуться. При этом внешние ограничения и способность их преодолеть (в особенности силовыми методами) также будут играть значительную роль. Именно эти две группы факторов позволяют выделить следующие типы неэкспансионистских стратегических культур (табл. 1):

— культура неограниченной интернационализации, предполагающая позитивное видение актором внешней среды (или ее существенной части), стремление сдерживать негативные процессы и явления коллективными усилиями и нацеленность на максимально конструктивные отношения с остальными акторами с помощью детализированных соглашений и договоров;

— культура ограниченной интернационализации, подразумевающая позитивное видение актором внешней среды (или ее существенной части), стремление сдерживать негативные процессы и явления с помощью неформальных и личных договоренностей и нацеленность на сбалансированные (отчасти равноудаленные) отношения с остальными акторами;

— культура нормативной унификации, включающая позитивное видение актором внешней среды (или ее существенной части), осознание собственного потенциала для активного преобразования внешней среды и формирования своего глобального или регионального политического проекта;

— культура нейтралитета, означающая негативное видение актором внешней среды (или ее существенной части), стремление сдерживать негативные процессы и явления с помощью внутренних ресурсов и нацеленность на перевод отношений с другими акторами в невоенную сферу — в том числе через соответствующую правовую или политико-правовую фиксацию;

— культура изоляционизма, заключающаяся в негативном видении актором внешней среды (или ее существенной части), стремлении сдерживать негативные процессы и явления с помощью внутренних ресурсов и нацеленности на сокращение отношений с внешним миром и равноудаленные отношения с остальными акторами;

— культура политической фортификации (в зависимости от размера стран может быть в виде фортификационного гигантизма¹ или форпоста), знаменующая собой негативное видение актором внешней среды (или ее существенной части), стремление сдерживать негативные процессы и явления с помощью максимального повышения издержек любого оппонента при нападении и осознание собственной самодостаточности в международных отношениях.

Таблица 1

Неэкспансионистские типы стратегических культур (адаптация работ А. Джонсона)

Тип	Значимость внешних ограничений (неспособность уничтожить противника)		
	Высокая (формализация всех действий)	Средняя (переход к менее формальным взаимодействиям)	Низкая (переход к односторонним и демонстрационным действиям)
Сохранение статус-кво (аккомодация)	Неограниченная интернационали- зация (idealpolitik)	Ограниченная интер- национализация	Нормативная унификация («меж- дународное общество»)
Изменение статус-кво (оборона)	Нейтралитет	Изоляционизм	Политическая фортификация — «фортификационный гигантизм» / форпост

Выделенные идеальные типы стратегической культуры не обязательно должны присутствовать в любом из государств и в любой момент времени. Формирование каждого из типов — процесс длительный и исторически обусловленный. В частности, если исторический опыт страны включал большое число вооруженных конфликтов с неудачным исходом или с тяжелыми внутривнутриполитическими последствиями, то менее вероятно формирование и, тем более, доминирование типов стратегических культур, связанных с экспансией и демонстрационными действиями (карательные походы, санкции, наложение контрибуций). В большей степени речь будет идти о стратегиях выжидания и подготовки к нападению, а также о комплексе идей и представлений, связанных с такими стратегиями [18, p. 147 — 152].

Важная оговорка заключается в том, что «третье» поколение исследований стратегической культуры рассматривает анализируемое явление в отрыве от текущих событий, от процессов конституирования и оспаривания коллективной идентичности. Это означает, например, непризнание тезисов других поколений исследователей, которые, в частности, более последовательно увязывали стратегическую

¹ В цитируемой монографии А. Джонсона подробно разбирается комплекс идей и убеждений, приведших к строительству масштабных фортификационных сооружений — в том числе Великой китайской стены. Однако для малых и средних государств более характерно восприятие всей своей территории как пространства обороны — отсюда использование понятия «форпост».

культуру с военно-политическими переменными — уровнем технологического развития, военным планированием, перекосами в сторону отдельных родов и видов войск [2].

Какие из этих типов стратегической культуры могли быть востребованы в Польше? Как отмечал Р. Фрост, большое значение для Речи Посполитой² имела постоянная угроза с юга (со стороны Османской империи и Крымского ханства), которая вынудила в начале XVI столетия создать постоянные вооруженные подразделения (пол. *obrona potoczna*). Кроме того, особенности географического распределения населения обусловили тот факт, что государства в Восточной Европе не могли содержать большие контингенты войск длительное время: некрупные рассредоточенные поселения не способны были прокормить многотысячные пешие и конные отряды в период военных кампаний [19, р. 48—62]. Эти факторы имели большое значение для формирования международной идентичности Польши. Примерно за период 960—1795 годов Польша была вовлечена в 247 вооруженных конфликтов, что дает усредненное значение — 1 раз в 3 года. Во времена II Речи Посполитой эта закономерность сохранилась (7 конфликтов в 1918—1939 годах). Это означает, что помимо постоянных угроз (на юге, затем, видимо, на востоке и западе) были краткосрочные угрозы, связанные с территориальными, династическими, религиозными и торговыми противоречиями. Такое положение дел, скорее всего, делало невозможным формирование полноценных стратегических культур аккомодации — нацеленности на создание длительных коалиций с приспособлением к интересам партнеров и некоторым уровнем межгосударственного альтруизма.

Таким образом, данная статья посвящена неэкспансионистским типам стратегической культуры Польши — главным образом культуры оборонительной. Однако наш анализ также связан и с оценкой перспектив формирования культуры аккомодации, поскольку после 1945 года Польша не принимала непосредственного участия в конфликтах, что в какой-то мере корректирует долгосрочные траектории развития представлений страны о своем месте в мире и о внешней среде взаимодействий.

Контурсы эволюции неэкспансионистских представлений в Польше

Одна из ключевых особенностей польской общественной и международно-политической мысли в XVI—XVIII веках заключалась в поиске способов того, как можно остановить сокращение территории и влияния Речи Посполитой. Поскольку одновременно широкую популярность имели идеи выборности правителей и восстановления справедливости даже крайними средствами, вполне логичным было обращение к «Хронике и происхождению королей и правителей Польских» епископа Винцентия Кадлубека (начало XIII века). В этом произведении, пожалуй, впервые была четко сформулирована идея Польши как этического (не этнического и религиозного) сообщества. Кадлубек достаточно буквально перенес идеи Цицерона о добродетелях граждан и их самоорганизации на польские реалии своего времени, но это привело его к некритическому заимствованию идей о нравственных действиях как об актах самосохранения, а также к призывам к некоторым видам самоограничения. В результате получалось, что Польше необходимо было ограничиться территориально, чтобы не размывать свою идентичность, и сдерживать внешние угрозы через совершенствование своего внутреннего устройства, то есть отношений между «гражданами» Речи Посполитой [20, с. 311—313]. В этом смыс-

² Здесь и далее «Речь Посполитая» и «Польша» употребляются как синонимы, хотя первая Речь Посполитая была ассиметричным содружеством нескольких политий, включая, например, вассальные герцогства Пруссии (до 1657 года) и Курляндии (до 1795 года).

ле весьма показателен фрагмент этой «Хроники» — вроде бы хвалебный отзыв о короле Болеславе Храбром, где описывается причина возмущения низших слоев населения: «Пока король долгое время пребывал то у русских, то чуть ли не в заповолецких краях, рабы склонили жен и дочерей своих хозяев к [удовлетворению] своих желаний» [21, с. 100].

В условиях средневековой и раннемодеpной Польши участниками этического республиканского сообщества, безусловно, считались не все жители страны, а лишь шляхта. Однако приближенный к королевскому двору священник Станислав Заборовский в начале XVI столетия четко поставил вопрос о том, что институты представительства интересов всех слоев населения должны в какой-то мере существовать. Правда, для Заборовского это было нужно не по соображениям социального равенства, а для бесперебойного финансирования войск и защиты границ [22].

Международная ситуация в тот период характеризовалась усилением Габсбургов и их стремлением получить и закрепить за собой королевские титулы Чехии и Венгрии. Одновременно с этим возрастала угроза со стороны Османской империи, постепенно продвигавшейся к территориям за Дунаем. Несмотря на то что династия Ягеллонов также имела основания претендовать на титулы в Чехии и Польше, король Сигизмунд I, пожалуй, впервые в польской истории воздержался от прямого участия в конфликте за власть в этих странах. И если в Чехии Габсбургам удалось получить желаемое (1527), то население Венгрии выдвинуло альтернативного кандидата в короли, который получил поддержку Турции. Сигизмунд I и в этой ситуации оставался на позициях нейтралитета, предложив услуги посредничества конфликтующим сторонам. В дальнейшем нейтралитет Польши по венгерскому вопросу позволил почти 100 лет избегать прямого конфликта с Османской империей и замедлить экспансию Габсбургов в Центральной и Восточной Европе. В польской историографии такая непривычная линия внешнеполитического поведения обычно приписывается советникам Сигизмунда I — прежде всего примасу Яну Ласкому и краковскому епископу Петру Томицкому, которые были хорошо знакомы с античными римскими работами и их позднесредневековыми трактовками [23, с. 204—206].

Впоследствии наследие Кадлубека и идеи республиканизма в той или иной мере активно использовались для обоснования шляхетских вольностей и ограничения власти короля. Однако внутри этого мощного течения мысли периодически происходило возвращение к античным первоисточникам, в том числе к раннеримским ценностям сдержанности и самоограничения. Вполне естественно, что мысли о совершенствовании государственного строя и этика идеалов прошлого трансформировались в Польше, так же как и в Риме, в доктрину этического активизма: морально-политическое превосходство представлялось уже не столько статусом, сколько чем-то, что необходимо постоянно подтверждать и доказывать на деле [24; 25]. Чаще всего такой этический активизм был связан с защитой республиканского устройства и «старых вольностей» [26].

Уже в XVIII столетии в работах бывшего коронного канцлера Яна Станислава Яблоновского и талантливого священника-педагога и публициста Станислава Конарского возникают аргументы о самодостаточности, повседневной состоятельности и, в конечном счете, независимости государства как конечных целях внутренней и внешней политики. В частности, Конарский в «Конфиденциальных письмах эпохи бескорольев» (1733) писал, что превосходство внутреннего устройства страны должно быть столь велико, чтобы иностранцы восторгались им больше, нежели местные жители. Именно позитивное отношение соседних государств и их населения могло быть основой независимости и самостоятельности — но только для тех государств, которые создают условия для этого изнутри. В работах Конарского, пожалуй, впервые в польской мысли просматривается идея баланса при при-

нятии внешнеполитических решений: можно не только трансформировать силой или с помощью дипломатии негативные характеристики во внешней среде, но и отказаться от их изменения, если существуют более важные внутренние задачи [20, s. 346—349]. Упрощенно, сторонники республиканизма вроде Яблоновского и Конарского призывали к этически обусловленному стратегическому терпению и умению расставлять долгосрочные приоритеты.

Важный поворот республиканской мысли в период заката Речи Посполитой был осуществлен в работах публициста и просветителя Станислава Сташица. Не вдаваясь в детали, отмечу лишь, что Сташиц изменил основное уравнение польской политической философии. До этого мыслителя республиканское устройство и его сохранение считались наивысшим приоритетом — ради этого можно было пожертвовать интересами Речи Посполитой как государства и интересами отдельных индивидов. Напротив, С. Сташиц, несколько предваряя распространение националистических идеологий в Европе, рассуждал иначе: если не будет самого польского государства, то даже самое лучшее политическое устройство станет достоянием прошлого. Более того, Сташиц полагал, что именно сообщество граждан республики может и должно ограничивать свои потребности и права во имя коллективной необходимости («истинное благо каждого ничем не отличается от всего общества»). Хотя эти рассуждения остановились в одном шаге от тезиса в потребности «сильной руки», речь ни в коем случае не шла об отказе от идеи этического республиканского сообщества: республика просто стала восприниматься не как устройство, а как интерес ее граждан [27, с. 39—46; 28, s. 239—243; 29]. Интересно, что этот тезис опирался не только на философское наследие Античности, но и на внутренние расклады в Речи Посполитой: сходные (хотя и менее четко сформулированные) мысли высказывал в своих памфлетах один из лидеров профранцузской партии и король-изгнанник Станислав Лещинский [30, с. 164—169].

Описание Польши как этического сообщества, которое не успело завершить свою миссию, стало преобладающим для польского романтизма. Один из лидеров Ноябрьского восстания (1830) И. Лелевель и вслед за ним поэт А. Мицкевич сравнивали свою страну с муравейником: «Все работали лишь с виду беспорядочно, а на самом деле с одной целью: вместе отстраивали свое разрушенное жилище, вместе бросались на врага» [31, с. 409]. Поскольку внутренних сил для восстановления Польши после трех ее разделов было недостаточно — в деятельности повстанческих организаций начались дискуссии о необходимости «сильной руки» (диктатуры хотя бы в начальный период борьбы за суверенность) и безальтернативности внешней помощи (прежде всего от Франции и Великобритании — хотя список варьировался). Поздний польский романтизм добавил к этому представление о том, что в Восточной Европе много угнетенных народов, которым польские политические организации должны оказать поддержку и, по возможности, сформировать на этой основе общее движение против политики государств, участвовавших в разделах [32, с. 353—361].

Именно в таком виде наследие Винцентия Кадлубека принял Юзеф Пилсудский — руководитель возрожденной II Речи Посполитой. Пилсудскому импонировало многое — надэтнический характер государства, представления о необходимости поддержки других народов, находящихся в сложном положении, революционно-романтический ореол идеи «сильной руки». Как отмечает А. Новак, концепция этического активизма и телеология длительного пути к совершенному устройству оказались удобными политическими конструктами для различных эпох — в том числе через столетия после Кадлубека [20, s. 311—314]. В версии Пилсудского эти идеи вылились в идею стратегического буфера между Россией / РСФСР / СССР и Польшей. Этот буфер должен был включать как присоединенные Варшавой терри-

тории с непольским населением, так и провозглашенные государства «неисторических» (в терминологии Пилсудского) народов (литовцев, латышей и т. д.). Однако события менялись достаточно стремительно, и эти идеи нередко оставались убеждениями польского руководства, а не практическими шагами. Сам Ю. Пилсудский в письме И. Падеревскому в мае 1919 года утверждал, что старался уклоняться от конкретных ответов на вопросы о будущем устройстве страны, поскольку это вело к «препираательским делам» [33, с. 23—24, 39—40, 52—54, 63; 34, с. 68—73]. Так или иначе, С. Сташиц и представители польского романтизма заложили интеллектуальную основу для перехода от культуры нейтралитета, несколько перегруженной этикой, к культуре политической фортификации (форпоста). Но лишь Ю. Пилсудскому посчастливилось этот переход реализовать на практике — пусть с колебаниями и просчетами.

Сжатое рассмотрение долгой трансформации античных работ и наследия Винcentия Кадлубека в первой и второй Речи Посполитой позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, стратегическая культура нейтралитета польской истории преимущественно разделялась представителями интеллектуального класса, хотя и оказалась в какой-то мере востребованной при поздних Ягеллонах. Во-вторых, постепенное рассуждения об оптимальном устройстве государства привели сторонников этого типа стратегической культуры к мыслям о необходимости ускоренного развития — как политического, так и экономического (С. Конарский). В-третьих, особенности формирования внешней среды способствовали постепенному отказу интеллектуальных последователей Винcentия Кадлубека от некоторых его основополагающих идей. Это было обусловлено сначала постепенной, а потом полной утратой государственности (суверенитета) Польши. Например, Кадлубек делал акцент на внутреннем самосовершенствовании — но в XIX столетии это было практически неосуществимо. Из этого логически вытекали новые идеи, вплетающиеся в общее полотно представлений о Польше как об этической общности. Наконец, в-четвертых, этих изменений накопилось так много, что постепенно сформировался новый тип стратегической культуры — культура политической фортификации (форпоста). Этот тип во многом представляет собой разрыв с польской республиканской традицией, поскольку подразумевает благожелательное отношение к авторитарному правлению («сильной руке»), опоре на внешнюю помощь и поиску потенциальных союзников на любом уровне — в том числе среди негосударственных акторов. Наконец, в-пятых, представленные типы неэкспансионистской стратегической культуры, как и экспансионистской, в Польше не достигали серьезного уровня детализации, часто наблюдался разрыв между этическим идеалом и политической практикой.

Выводы для современной Польши (III Речи Посполитой)

Современная польская внешняя политика и политика безопасности по крайней мере отчасти руководствуется императивами исторического опыта — например общепринятыми способами концептуализации и реагирования на угрозы и риски. Традиционно этот исторический опыт пытаются втиснуть в «ягеллонскую» и «пястовскую» традиции, однако наш неполный анализ дает как минимум два отличных типа ценки и конструирования международного «Я» и внешней среды для Польши.

Вне всякого сомнения, выявленные неэкспансионистские разновидности (субкультуры) стратегической культуры представляют собой «идеальные типы». Политическая реальность скорее частично совпадала с полным набором параметров таких субкультур и представляла собой их взаимопересечение и переплетение. К заседаниям сеймов (особенно элекционных) Речи Посполитой едва ли не каждый образованный шляхтич считал своим долгом изложить те или иные соображения

по поводу общественного устройства, воспроизводя или модернизируя уже существовавшие наработки. Соответственно, представления, лежавшие в основе тех или иных типов стратегических культур, постоянно сталкивались с противоположными точками зрения. Сегодня социальная коммуникация стала еще более интенсивной, что только повышает конкуренцию и переплетение различных взглядов на природу внешней среды, ключевые риски и угрозы для польского общества.

Представленные типы (субкультуры) стратегической культуры Польши остаются важными для современных реалий в силу двух обстоятельств. Во-первых, в социалистической ПНР долгое время не допускались публикации с анализом государственных интересов и стратегий, поскольку это могло вывести на критику тесных отношений с СССР. Лишь после 1981 года правящей партией были предприняты попытки подстегнуть дискуссию в этом направлении, но в нужном для партии ключе [35, s. 261—266]. Во-вторых, после 1990 года исторический опыт социалистического периода в польской научной и политической мысли массово отвергается. Социалистическая Польша традиционно называется «никакой Республикой» — между Второй и Третьей Республиками, а потому в поисках вдохновения польская стратегическая мысль «перепрыгивает» через социалистический период к более отдаленным по времени периодам.

В целом вопреки распространенному мнению об экспансионизме Польши выявленные неэкспансионистские типы стратегических культур также широко представлены в опыте участия страны в вооруженных конфликтах и в фундаментальных политико-философских работах по вопросам войны и мира (табл. 2). Более того, культура политической фортификации (форпоста) оказалась очень востребованной — благодаря авторитету Ю. Пилсудского и более современному видению ситуации в мире. Напротив, делавшие акцент на этических нормах культуры «осажденной крепости» и нейтралитета в конечном счете остались на вторых ролях и оказали, по всей видимости, несколько меньшее влияние на внешнеполитическое поведение Польши.

Таблица 2

**Основные неэкспансионистские типы (субкультуры)
стратегической культуры Польши**

Основные параметры	Культура нейтралитета	Культура форпоста
Условный(е) основоположник(и)	Винцентий Кадлубек	Станислав Сташиц, Юзеф Пилсудский
Степень распространенности	Средняя, но ближе к слабой	Сильная
Какие риски и угрозы видит перед собой государство	Внутренняя слабость как основа неудач вовне	Утрата независимости / суверенности
Какие существуют убеждения и дискуссии по разным аспектам безопасности	Политика vs экономика	Суверенность vs внутреннее устройство
Как оценивается внешняя среда	Зависит от случая к случаю	Очень опасная
Кем Польша выступает по отношению к остальным странам	Польша как этический образец	Польша как форпост (нередко католицизма)
Что Польша должна внушать соседям	Восхищение ее республиканским строем	Обоснованные опасения
Основа поведения Польши по отношению к остальным странам	Посредничество, выстраивание мостов между конфликтующими сторонами	Активная разведка, игра на опережение
Отношение к военным и политическим союзам	Нейтральное	Положительное — если речь идет об отстаивании «высших» ценностей

В зависимости от времени формирования различные типы польской стратегической культуры по-разному отражали видение основных рисков и угроз для государства, иногда смешивая внешнюю и внутреннюю политику, абстрактные этические идеалы и суровую политическую практику. При этом в ранней рецепции идей Винцентия Кадлубека внешняя среда не виделась как опасная и нуждающаяся в постоянном мониторинге и корректировке. Это важно, поскольку для польской общественной и исторической мысли характерно восприятие Польши как жертвы внешних сил и преувеличенные оценки внешних рисков и угроз [16; 36].

Важный вывод заключается в том, что постепенное изменение внешних условий привело к формированию в Польше стратегической культуры (субкультуры) политической фортификации (форпоста). Однако снижение внешних ограничений произошло не за счет усиления Речи Посполитой, а за счет полного демонтажа ее государственности и отложенного перезапуска политических институтов. Иными словами, у нескольких поколений польской интеллектуальной элиты были в буквальном смысле лабораторные условия, когда можно было проанализировать весь спектр возможностей для отсутствующего государства. Крайне примечательно, что в ходе реинтерпретации наработок стратегической культуры нейтралитета польская политическая мысль фактически проигнорировала идеи изоляционизма — в особенности возможные варианты равноудаленности в отношениях с соседями. Вероятно, именно этот фактор сыграл не последнюю роль в дискуссии о расширении НАТО в Польше в первой половине 1990-х годов.

Кроме того, в проанализированных типах стратегических культур можно найти не только свидетельства высокой самооценки Польши / Речи Посполитой, но и признание возможности и необходимости тесных отношений с другими государствами. Стратегическая культура (субкультура) нейтралитета в Польше продолжает быть востребованной для внутренней легитимации посреднических услуг Варшавы. Отсюда многочисленные инициативы переговорных площадок с соседними и крупными государствами («Восточное партнерство», «женевский» формат переговоров по ситуации на Украине, «Веймарский треугольник»). В свою очередь, культура (субкультура) форпоста, по всей видимости, дает логические и историко-культурные основания для активизации сотрудничества в рамках НАТО и стран Вишеградской группы. Этот момент важен, поскольку при длительном использовании этих идейных конструктов негативная оценка внешней среды в Польше может сгладиться и положить начало формированию стратегических культур аккомодации — прежде всего культуры ограниченной интернационализации.

В целом богатая интеллектуальная история Польши оставляет место как для других трактовок и классификаций стратегической культуры этого государства, так и для появления каких-либо новых «гибридных» феноменов. Но совершенно точно в стратегической культуре III Речи Посполитой существует пласт идей, не подразумевающих военную и политическую экспансию, а также восстановление имперского прошлого.

Список литературы

1. Snyder, J. L. 1977, *The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations*, Washington, RAND Corporation.
2. Gray, C. S. 1999, *Modern Strategy*. Oxford: Oxford University Press, 426 p.
3. Legro, J. W. 1996, Culture and preferences in the international cooperation two-step, *American Political Science Review*, vol. 90, № 1, p. 118—137.
4. Sondhaus, L. 2006, *Strategic culture and ways of war*, London, Routledge.
5. Glenn, J. 2009, Realism versus strategic culture: Competition and collaboration? *International Studies Review*, vol. 11, № 3, p. 523—551.

6. Lantis, J. S. 2002, Strategic culture and national security policy, *International Studies Review*, vol. 4, №3, p. 87—113.
7. Алексеева, Т. А. 2012, Стратегическая культура: эволюция концепции, *Политические исследования*, №5, p. 130—147.
8. Bloomfield, A. 2012, Time to move on: Reconceptualizing the strategic culture debate, *Contemporary Security Policy*, vol. 33, №3, p. 437—461.
9. Wilson, R. W. 2000, The Many Voices of Political Culture: Assessing Different Approaches, *World Politics*, vol. 52, №2, p. 246—273.
10. Lantis, J. S., Charlton, A. A. 2011, Continuity or change? The strategic culture of Australia, *Comparative Strategy*, vol. 30, №4, p. 291—315.
11. Rasmussen, M. V. 2005, 'What's the use of it?': Danish strategic culture and the utility of armed force, *Cooperation and Conflict*, vol. 40, №1, p. 67—89.
12. Doerer, F. 2018, Historical experiences, strategic culture, and strategic behavior: Poland in the anti-ISIS coalition, *Defence Studies*, vol. 18, №4, p. 454—473.
13. Doerer, F., Eidenfalk, J. 2019, Using strategic culture to understand participation in expeditionary operations: Australia, Poland, and the coalition against the Islamic State, *Contemporary Security Policy*, vol. 40, №1, p. 4—29.
14. Висленко, А. Л. 2014, Национальная идея: обоснование будущего или оправдание настоящего, *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, №3 (15), с. 5—13.
15. Шимов, Я. В. 2019, Междуморье: пространство судьбы, *Историческая экспертиза*, №3 (20), с. 79—97.
16. Piekarski, M. 2019, Polska kultura strategiczna a wizerunek żołnierza polskiego w kulturze współczesnej, *Bezpieczeństwo. Obronność. Socjologia*, №11/12, s. 7—29.
17. Zarobny, S. 2020, Changes in Polish Strategic Culture in the Context of Challenges and Threats of the 21st Century, *Security Dimensions. International and National Studies*, №34, p. 122—144.
18. Johnston, A. I. 1998, *Cultural realism: Strategic culture and grand strategy in Chinese history*, Princeton University Press.
19. Frost, R. I. 2014, *The northern wars: war, state and society in northeastern Europe, 1558—1721*, London-New York, Routledge.
20. Nowak, A. 2020, *Między nietadem a niewolą. Krótka historia myśli politycznej*, Kraków, Biały Kruk.
21. Щавелева, Н. И. 1990, *Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий*. М., Наука.
22. Rzczycki, M. 2019, Własność i władza. Ujęcie własności ziemi w myśli Stanisława Zabrowskiego, *Dialogi Polityczne*, №26, s. 27—37.
23. Topolski, J. 2015, *Rzeczpospolita Obojga Narodów, 1501—1795*, Wydawnictwo Poznań, Poznańskie.
24. Gierszewski, M. 2020, O rektorze w cyerońskiej koncepcji Rzeczypospolitej oraz recepcji jego filozofii politycznej w Rzeczypospolitej Polskiej XVI wieku, *Dialogi Polityczne*, №28, s. 111—139.
25. Pietrzyk-Reeves, D. 2010, O pojęciu "Rzeczpospolita" (res publica) w polskiej myśli politycznej XVI wieku, *Czasopismo Prawno-Historyczne*, vol. 62, №1, s. 37—63.
26. Демяновский, Н. А. 2015, Политическое устройство Речи Посполитой глазами публицистов конца XVIII века, *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*, №4, с. 116—125.
27. Осипова, Е. В. 1961, *Философия польского Просвещения*, М., Издательство АН СССР.
28. Nosow, B. W. 2000, Stanisław Staszic — statnia przestroga dla Polski, *Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i użytkowej*, №6, s. 239—243.
29. Rolnik, D. 2021, Idea państwa wolnego, suwerennego i niepodległego — fenomen przemian czasów Sejmu Czteroletniego? *Roczniki Humanistyczne*, vol. 69, №2, s. 29—48.
30. Ивонина, Л. И. 2020, *Яркий закат Речи Посполитой: Ян Собесский, Август Сильный, Станислав Лещинский*, М.; СПб., Нестор-История.

31. Денисов, Ю. Н. 2019, *Россия и Польша: история взаимоотношений в XVII—XX вв.* М., Флинта.
32. Смирнов, А. Ф. 1962, *Революционные связи народов России и Польши. 30—60 годы XIX века*, М., Издательство социально-экономической литературы.
33. Гамулка, К. 2008, *Паміж Польшчай і Расіяй: Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў (1918—1922)*, Пераклад з польскай мовы, Вільня, ЕГУ.
34. Kornat, M. 2017, Realizm polityczny i imponderabilia. Józef Piłsudski i jego pojmowanie polskiej racji stanu na arenie międzynarodowej, *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Politologica*, vol. 17, № 214, s. 61—79.
35. Rzegocki, A. 2008, *Racja stanu a polska tradycja myślenia o polityce*, Kraków, Ośrodek Myśli Politycznej.
36. Лыкошина, Л. С. 2015, «Историческая политика» современной Польши в контексте российско-польских отношений, *Славянский альманах*, № 1—2, с. 170—179.

Об авторах

Иван Дмитриевич Лошкарёв, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7507-1669>

Даниил Алексеевич Пареньков, старший преподаватель кафедры политической теории, научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: d.parenkov@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8486-330X>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

NON-EXPANSIONIST VARIANTS OF POLAND'S STRATEGIC CULTURE: A RETROSPECTIVE OF IDEAS AND CURRENT IMPLICATIONS

I. D. Loshkariov

D. A. Parenkov

MGIMO-University
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia

Received 03.12.2021
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-5
© Loshkariov, I. D., Parenkov, D. A. 2022

This article examines how non-expansionist types of strategic culture emerged and gradually developed in Poland. The study aims to identify the features of non-expansionist types of Polish strategic culture for a more objective analysis of the country's modern foreign and security policy. The article begins by describing the emergence and use of the concept of strategic culture, offering a typology of strategic cultures based on the work of the 'cultural

To cite this article: Loshkariov, I. D., Parenkov, D. A. 2022, Non-expansionist variants of Poland's strategic culture: a retrospective of ideas and current implications, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 2, p. 69—82.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-5.

realist' Alastair Johnston. Then it employs a qualitative method of process tracing to outline the sequence of events and the ideological constructs that led to the emergence or degradation of the corresponding types of strategic culture. The strategic culture of neutrality, exposed to external influences and revised republicanism ideas, is shown to have laid the foundation for a strategic culture of political fortification (or an outpost) in Poland. This strategic culture has its origins in the idea of the ethical superiority of the Polish state, although the details of this superiority may differ dramatically in specific situations. At the same time, none of the types of the accommodation culture has yet emerged in Poland, albeit accommodation seems to be a promising lead for the further development of the country's strategic culture.

Keywords:

strategic culture, Poland, culture of neutrality, political fortification culture

References

1. Snyder, J. L. 1977, *The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations*, Washington, RAND Corporation.
2. Gray, C. S. 1999, *Modern Strategy*. Oxford: Oxford University Press, 426 p.
3. Legro, J. W. 1996, Culture and preferences in the international cooperation two-step, *American Political Science Review*, vol. 90, № 1, p. 118—137.
4. Sondhaus, L. 2006, *Strategic culture and ways of war*, London, Routledge.
5. Glenn, J. 2009, Realism versus strategic culture: Competition and collaboration? *International Studies Review*, vol. 11, № 3, p. 523—551.
6. Lantis, J.S. 2002, Strategic culture and national security policy, *International Studies Review*, vol. 4, № 3, p. 87—113.
7. Alekseeva, T. A. 2012, Strategic Culture: Concept Evolution, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political Studies], № 5, p. 130—147 (in Russ.).
8. Bloomfield, A. 2012, Time to move on: Reconceptualizing the strategic culture debate, *Contemporary Security Policy*, vol. 33, № 3, p. 437—461.
9. Wilson, R. W. 2000, The Many Voices of Political Culture: Assessing Different Approaches, *World Politics*, vol. 52, № 2, p. 246—273.
10. Lantis, J. S., Charlton, A. A. 2011, Continuity or change? The strategic culture of Australia, *Comparative Strategy*, vol. 30, № 4, p. 291—315.
11. Rasmussen, M. V. 2005, 'What's the use of it?': Danish strategic culture and the utility of armed force, *Cooperation and Conflict*, vol. 40, № 1, p. 67—89.
12. Doeser, F. 2018, Historical experiences, strategic culture, and strategic behavior: Poland in the anti-ISIS coalition, *Defence Studies*, vol. 18, № 4, p. 454—473.
13. Doeser, F., Eidenfalk, J. 2019, Using strategic culture to understand participation in expeditionary operations: Australia, Poland, and the coalition against the Islamic State, *Contemporary Security Policy*, vol. 40, № 1, p. 4—29.
14. Vislenko, A. L. 2014, National idea: justifying the future or justifying the present, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art history], № 3 (15), p. 5—13 (in Russ.).
15. Shimov, Ya. V. 2019, Intermarium: the space of fate, *Историческая экспертиза* [historical expertise], № 3 (20), p. 79—97 (in Russ.).
16. Piekarski, M. 2019, Polska kultura strategiczna a wizerunek żołnierza polskiego w kulturze współczesnej, *Bezpieczeństwo. Obronność. Socjologia*, № 11/12, s. 7—29.
17. Zarobny, S. 2020, Changes in Polish Strategic Culture in the Context of Challenges and Threats of the 21st Century, *Security Dimensions. International and National Studies*, № 34, p. 122—144.
18. Johnston, A. I. 1998, *Cultural realism: Strategic culture and grand strategy in Chinese history*, Princeton Princeton University Press.
19. Frost, R. I. 2014, *The northern wars: war, state and society in northeastern Europe, 1558—1721*, London-New York, Routledge.
20. Nowak, A. 2020, *Między nieładem a niewolą. Krótka historia myśli politycznej*, Kraków, Biały Kruk.

21. Shchaveleva, N. I. 1990, Polish Latin-language medieval sources. Texts, translation, commentary. M., Nauka (in Russ.).
22. Rzczycki, M. 2019, Własność i władza. Ujęcie własności ziemi w myśli Stanisława Zabrowskiego, *Dialogi Polityczne*, № 26, s. 27–37.
23. Topolski, J. 2015, *Rzeczpospolita Obojga Narodów, 1501–1795*, Wydawnictwo Poznań, Poznańskie.
24. Gierszewski, M. 2020, O rektorze w cyverońskiej koncepcji rzeczypołpolitej oraz recepji jego filozofii politycznej w Rzeczypołpolitej Polskiej XVI wieku, *Dialogi Polityczne*, № 28, s. 111–139.
25. Pietrzyk-Reeves, D. 2010, O pojęciu "Rzeczypołpolita" (res publica) w polskiej myśli politycznej XVI wieku, *Czasopismo Prawno-Historyczne*, vol. 62, № 1, s. 37–63.
26. Demyanovsky, N. A. 2015, The political structure of the Commonwealth through the eyes of publicists at the end of the 18th century, *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija* [Bulletin of the Tver State University. Series: History], № 4, p. 116–125 (in Russ.).
27. Osipova, E. V. 1961, *Filosophiya pol'skogo Prosveshcheniya* [Philosophy of the Polish Enlightenment], M., Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR (in Russ.).
28. Nosow, B. W. 2000, Stanisław Staszic — ostatnia przestroga dla Polski, *Napis. Pismo poświęcone literaturze okolicznościowej i użytkowej*, № 6, s. 239–243.
29. Rolnik, D. 2021, Idea państwa wolnego, suwerennego i niepodległego — fenomen przemian czasów Sejmu Czteroletniego? *Roczniki Humanistyczne*, vol. 69, № 2, s. 29–48.
30. Ivonina, L. I. 2020, *Yarkii zakat Rechi Pospolitoi: Yan Sobesskii, Avgust Sil'nyi, Stanislav Leshchinskii* [Bright sunset of the Commonwealth: Jan Sobieski, August Strong, Stanislav Leshchinsky], M. — SPb., Nestor-History.
31. Denisov, Yu. N. 2019, *Rossiya i Pol'sha: istoriya vzaimootnoshenii v XVII–XX vv.* [Russia and Poland: the history of relations in the XVII–XX centuries], M., FLINT.
32. Smirnov, A. F. 1962, *Revoljucyjnye svyazi narodov Rossii i Pol'shi. 30–60 gody XIX veka* [Revolutionary ties between the peoples of Russia and Poland. 30–60 years of the XIX century], M., Publishing house of socio-economic literature (in Russ.).
33. Gamulka, K. 2008, *Pamizh Pol'shchai i Rasiyai: Belarus' u kantseptsyyakh pol'skikh pali-tychnykh farmiravannyaŭ (1918–1922)* [Former Poland and Russia: Belarus at the Chancesption of Polish Pharmaceutical Pharmaceuticals (1918–1922)], Translation from Polish language, Vilnia, YSU (in Ukr.).
34. Kornat, M. 2017, Realizm polityczny i imponderabilia. Józef Piłsudski i jego pojmowanie polskiej racji stanu na arenie międzynarodowej, *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Politologica*, vol. 17, № 214, s. 61–79.
35. Rzegocki, A. 2008, *Racja stanu a polska tradycja myślenia o polityce*, Kraków, Ośrodek Myśli Politycznej.
36. Lykoshina, L. S. 2015, "Historical politics" of modern Poland in the context of Russian-Polish relations, *Slavyanskii al'manakh* [Slavic almanac], № 1–2, p. 170–179 (in Russ.).

The authors

Dr Ivan D. Loshkariov, Associate Professor, Department of Political Theory, Research Fellow, Institute of International Studies, MGIMO-University, Russia

E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7507-1669>

Daniil A. Parenkov, Senior Lecturer, Department of Political Theory, Research Fellow, Institute of International Studies, MGIMO-University, Russia

E-mail: d.parenkov@inno.mgimo.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8486-330X>

УЧАСТИЕ ГЕРМАНИИ В «ИНИЦИАТИВЕ ТРЕХ МОРЕЙ»: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ

М. В. Хорольская

ИМЭМО РАН,
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Поступила в редакцию 12.01.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-6
© Хорольская М. В., 2022

В 2016 году по инициативе лидеров Польши и Хорватии была запущена «Инициатива трех морей», призванная сократить отставание стран Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы от Западной. Цель данного исследования — выявить, как менялась немецкая политика в отношении «Инициативы трех морей» (ИТМ), а также какие риски или возможности это представляет для России. Для достижения поставленной цели в статье был рассмотрен ряд вопросов. На основании официальных данных об «Инициативе трех морей» были сделаны выводы о специфике данной концепции и влиянии наиболее перспективных проектов на рынок стран Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европы. На базе анализа материалов немецких аналитических центров и Министерства иностранных дел ФРГ было показано, как менялось отношение Германии к «Инициативе». В заключение были сделаны выводы, что для реализации всех амбициозных целей ИТМ у стран-участниц нет достаточного финансирования, однако даже часть наиболее перспективных проектов может снизить роль России на энергетическом рынке ЕС. С 2018 года ФРГ начинает расширять свое участие в «Инициативе». В данном случае усиление интереса Берлина к концепции не должно восприниматься критически — немецкое участие может смягчить антироссийскую направленность ИТМ, более того, особого внимания заслуживают идеи представителей Свободной демократической партии Германии рассмотреть возможность совместно с Россией проекта по производству водорода в рамках «Инициативы трех морей».

Ключевые слова:

«Инициатива трех морей», Центральная и Восточная Европа, Польша, Германия, Россия, природный газ, водород

В ФРГ 26 сентября 2021 года прошли выборы в Бундестаг, на которых неожиданно высокий результат показала Социал-демократическая партия Германии (СДПГ). Россия, как и ранее СССР, связывала определенные надежды с данной силой, ссылаясь на так называемую восточную политику Вилли Брандта. Однако несмотря на то, что социал-демократы обращаются к наследию знаменитого канцлера, говорить о возвращении к прошлому не приходится. Изменились исторические условия. Если ранее восточная политика, в том числе двусторонние встречи политиков ФРГ и СССР, была направлена на сближение со всеми странами Варшавского договора, то сейчас, напротив, взаимодействие Берлина с Москвой вызывает опасения государств Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) [1, с. 74]. В позиционном документе, посвященном политике на российском направлении, «Dialog — Vertrauen — Sicherheit» социал-демократы отмечали, что отношения с Москвой должны быть

Для цитирования: Хорольская М. В. Участие Германии в «Инициативе трех морей»: перспективы для России // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 83–97. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-6.

встроены в европейские рамки и немецкая политика будет поддерживать интересы своих восточных соседей в ЕС и НАТО¹. Представляется, что подобная позиция характерна и для других этаблированных партий ФРГ.

Внимание Германии к позиции стран ЦВЕ, зачастую критически относящихся к Москве, традиционно вызывает беспокойство России, однако это является долгосрочной особенностью внешней политики Берлина, которую нельзя игнорировать. В связи с этим представляется важным рассмотреть политику ФРГ в отношении «Инициативы трех морей» (ИТМ) или «Балто-Адриато-Черноморскую инициативу» (БАЧИ), которую ряд аналитиков считает польским антироссийским проектом, и выявить, как роль Германии может повлиять на данную «Инициативу», а главное, что это может означать для нашего государства.

«Инициатива трех морей» привлекала внимание отечественных исследователей, при этом особый интерес вызвала позиция неформального лидера данной концепции — Польши. В монографии сотрудников Уральского федерального университета «Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века» анализируется польский научный и политический дискурс о возможных интеграционных проектах в ЦВЕ [2]. В статье Е. М. Скворцовой утверждается, что ИТМ для Варшавы в большей мере геостратегический, нежели экономический проект, а также убедительно доказывается важность для Польши привлечения США к «Инициативе» [3]. Работы, опубликованные в ФРГ, анализировали ИТМ как евроскептический замысел², однако в 2021 году вышла статья сотрудника ведущего немецкого аналитического центра *Stiftung Wissenschaft und Politik* К.-О. Ланга, в которой он доказывал выгоду для Берлина от присоединения к данному начинанию [4].

Большее внимание исследователей привлекали вопросы российско-германских отношений. В статьях Ф. А. Басова, А. В. Белинского, В. И. Васильева, И. Ф. Максимищева, А. П. Соколова, Н. В. Павлова, Ф. О. Трунова доказывается значимость сотрудничества России и ФРГ как для Берлина, так и для Москвы, но одновременно подчеркиваются серьезные проблемы и отсутствие концептуальной стратегии развития двусторонних отношений [5—15]. В работе Е. П. Тимошенко и монографиях Отдела европейских политических исследований ИМЭМО РАН «Германия в евроинтеграционных и трансатлантических процессах» и «Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией» анализируется европейское измерение внешней политики ФРГ, отмечается, что Берлин стремится вписывать свое двустороннее взаимодействие в европейские рамки [16—18]. П. П. Тимофеев и М. В. Хорольская исследуют подходы франко-германского тандема к отношениям с Россией и делают выводы, что в политических аспектах позиции Берлина и Парижа совпадают, но в экономических вопросах, затрагивающих интересы одной из стран, могут расходиться [19]. В статье А. Н. Саликова, И. Н. Тарасова и Е. Е. Уразбаева рассматривается балтийский вектор внешней политики ФРГ, который также оказывает влияние на отношения с Москвой [20].

В работах В. Б. Белова подчеркивается, что, несмотря на политическое похолодание, экономическое взаимодействие между нашей страной и Германией сохраняется и развивается [21—23]. Необходимо особо отметить статью «Новые водородные стратегии ФРГ и ЕС: перспективы кооперации с Россией», в которой автор делает вывод, с одной стороны, о «хороших шансах для масштабного российско-германского сотрудничества в сфере производства, транспортировки водорода,

¹ Dialog — Vertrauen — Sicherheit. Voraussetzungen und Impulse für eine zeitgemäße sozialdemokratische Entspannungspolitik. Beschluss der SPD-Bundestagsfraktion vom 09.10.2018, 2018, URL: <https://www.spdfraktion.de/system/files/documents/positionspapier-spdfraktion-dialog-vertrauen-sicherheit-20181009.pdf> (дата обращения: 30.11.2021).

² Riedel, R. 2020, Analyse: Das «Intermarium» und die «Drei-Meere-Initiative» als Elemente des euroskeptischen Diskurses in Polen. URL: <https://www.bpb.de/internationales/europa/polen/analysen/303999/analyse-das-intermarium-und-die-drei-meere-initiative-als-elemente-des-euroskeptischen-diskurses-in-polen> (дата обращения: 30.11.2021).

а также проведения совместных НИОКР», а с другой — отмечает, что этому может препятствовать политика Брюсселя [24, с. 74]. Ряд аспектов экономического сотрудничества нашел отражение в исследовании А. К. Ивановой и в сборнике статей «Пределы лидерства Германии в Европе» [25; 26].

В ФРГ глубокие экспертные заключения о состоянии и перспективах развития российско-германских отношений представлены в работах сотрудников влиятельных аналитических центров — Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik и Stiftung Wissenschaft und Politik. С. Фишер и Ш. Майстер анализируют противоречия между Берлином и Москвой и выступают с критикой российской внешнеполитической линии [27—29]. К. Вестфаль, Я. Забанова, М. Шагина показывают перспективные направления возможного энергетического сотрудничества стран, в том числе в производстве водорода [30; 31].

Отдельно стоит упомянуть исследование Польского экономического института «Building closer Connections. The Three Seas region as an economic area», посвященное экономическим перспективам ИТМ. Несмотря на то что работа носит несколько некритичный характер, в ней представлены важные для лучшего понимания вопроса данные [32].

Однако представляется, что специфика «Инициативы» на современном этапе и ее возможное воздействие на РФ, содержание активных проектов, участие Германии в БАЧИ в настоящий момент еще недостаточно представлены в историографии.

В данной статье поставлена цель проанализировать немецкую политику в отношении ИТМ и выявить, какие риски или возможности это представляет для России.

История создания и концепция «Инициативы трех морей»

«Инициатива трех морей» была запущена в 2016 году по предложению президента Польши А. Дуды и президента Хорватии К. Грабар-Китарович на саммите в Дубровнике (Хорватия). В этот проект входят 12 стран-участниц, 11 из которых (за исключением Австрии) являются бывшими социалистическими странами, а сейчас членами НАТО³.

«Инициатива» выступает одновременно экономическим и политическим проектом. Его экономической целью является снижение отставания стран Центральной и Юго-Восточной Европы от Западной Европы с помощью развития региональной взаимозависимости в области энергетики, транспортной инфраструктуры, цифровых коммуникаций и различных секторов экономики⁴.

В данном случае участники стремятся преодолеть две проблемы. Первая связана с тем, что, как отмечают сами члены «Инициативы», на 12 стран приходится 29 % территории ЕС и 25 % населения, однако их суммарный ВВП составляет только 19 % от европейского [32, р. 4]. Вторая проблема — исторически обусловленное развитие инфраструктурных, транспортных и энергетических коммуникаций по линии Восток — Запад, в то время как направление Север — Юг является недопредставленным.

При этом если экономические цели ИТМ у всех участников близки, то в политических наблюдаются разночтения. Для Варшавы данный проект имеет геостратегический характер. Исторически идея Триморья связывается с приписываемой князю А. Чарторыйскому концепцией Междуморья, Конфедерации стран, находящихся между Балтийским, Черным и Адриатическими морями. Хотя некоторые исследователи находят истоки замысла в «золотом веке» Польши и Речи Посполитой в правление ягеллонской династии в XV и XVI веках. Особую популярность данная

³ Члены ИТМ: Австрия, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония.

⁴ The joint Statement on the Three Seas Initiative (the Dubrovnik Statement), 2016, *Media sets in Voog*, URL: https://media.voog.com/0000/0046/4166/files/DUBROVNIK_deklaratsioon_2016.pdf (дата обращения: 08.12.2021).

идея получила в начале XX века при Ю. Пилсудском, который видел в союзе или даже в федерации народов ЦВЕ противовес России и Германии [2, с. 162—163]⁵.

Нынешний проект, конечно, кардинально отличается от своих исторических предшественников, однако, реализуя ИТМ, Польша стремится усилить свое экономическое (став крупным распределителем энергоресурсов) и политическое влияние в регионе. Варшава также отмечает, что цель проекта — противодействие влиянию Москвы и обретение энергетической независимости от России. Отчасти открытая антироссийская риторика, звучащая на встречах стран — участниц ИТМ, направлена на то, чтобы привлечь в «Инициативу» американские инвестиции и политическую поддержку США. Вашингтон интересен не только как экономический партнер, но и с польской точки зрения является единственным надежным гарантом безопасности в условиях ухудшения отношений с РФ. Польские источники подчеркивают, что ИТМ была совместной идеей, высказанной аналитическими центрами Польши (Центрально-Европейские энергетические партнеры) и США (Атлантический совет)⁶. Другой политической целью Варшавы (официально не транслируемой) является ослабление влияния Германии в ЦВЕ и, возможно, создание альтернативного полюса влияния в ЕС.

При этом страны Балтии и Румыния поддерживают политику, направленную на снижение российского влияния в регионе, но не стремятся видеть Польшу в качестве лидера Восточной Европы и отвергают антинемецкую или антиевропейскую направленность проекта.

Для ряда стран неприемлема и антироссийская направленность «Инициативы». Так, например, Венгрия, Австрия и Хорватия не хотят ухудшения отношений с Москвой. Они в гораздо меньшей степени, чем страны Балтии и Польша, склонны поддерживать атлантистскую риторику о «российской угрозе» в военной и невоенной сферах [4].

Всего в рамках концепции было проведено шесть саммитов глав стран-участниц. По итогам первого (в 2016 году в Дубровнике) была подписана декларация о создании ИТМ. Обращает внимание, что на саммит были приглашены представители Китая и США. Для последних проект представляет политическую и экономическую выгоду. С начала 2000-х годов странам Новой Европы, приверженным традиционному атлантизму, уделяется особое внимание в стратегии Вашингтона (после Брежневской страны ЦВЕ становятся его главной опорой в ЕС), одновременно инфраструктурные проекты «Инициативы» могут поспособствовать увеличению закупок американского сжиженного природного газа (СПГ). Пекин рассматривает транспортную инфраструктуру ИТМ как составляющую мегапроекта «Один пояс — один путь», тем более что эти страны уже вписаны в китайскую инициативу 2012 года «16 + 1». В ней кроме Китая участвуют 12 стран ИТМ, которые являются членами Европейского союза, а также 4 балканские страны — кандидаты на членство.

На втором саммите в Варшаве (2017) присутствовал американский президент Д. Трамп, что с энтузиазмом было встречено польской стороной. На встрече был утвержден первый список проектов, а также принято решение об учреждении Форума «Инициативы трех морей»⁷.

Третий саммит в Бухаресте был направлен на то, чтобы получить поддержку ИТМ со стороны ЕС. На встрече присутствовали председатель Европейской комис-

⁵ Riedel, R. 2020, Analyse: Das «Intermarium» und die «Drei-Meere-Initiative» als Elemente des euroskeptischen Diskurses in Polen, *Bundeszentrale für politische Bildung*, URL: <https://www.bpb.de/internationales/europa/polen/analysen/303999/analyse-das-intermarium-und-die-drei-meere-initiative-als-elemente-des-euroskeptischen-diskurses-in-polen> (дата обращения: 08.12.2021).

⁶ *Completing Europe: From the North-South Corridor to Energy, Transportation, and Telecommunications Union*, 2014, Washington, 83 p.

⁷ The joint Statement on the Three Seas Initiative (the Dubrovnik Statement), 2016, *Media sets in Voog*, URL: https://media.voog.com/0000/0046/4166/files/DUBROVNIK_deklaratsioon_2016.pdf (дата обращения: 08.12.2021).

сии Ж.-К. Юнкер, министр иностранных дел ФРГ Х. Маас и министр энергетики США Р. Перри. Саммит действительно помог снять с «Инициативы» обвинения в евроскептицизме и попытках расколоть Евросоюз. Благодаря европейской финансовой помощи в ИТМ возросло число крупных программ. Именно с 2018 года Германия стала одной из стран-партнеров, принимающих участие в проектах.

С 2019 года у «Инициативы» появилось свое финансовое учреждение. Во время четвертого саммита в Любляне национальные банки Польши и Румынии заявили о создании Инвестиционного фонда ИТМ с первичным размером 500 млн евро. На пятом саммите к нему присоединилась Эстония⁸, а в 2021 году Болгария как страна, принимающая шестой саммит, объявила, что уже девять стран обязались внести средства в фонд ИТМ⁹.

Проекты «Инициативы трех морей»

В настоящий момент ИТМ насчитывает 90 проектов, из них 49 % связаны с развитием транспортной инфраструктуры, 37 % принадлежат энергетической сфере и 14 % призваны развивать диджитализацию. Лидерами по числу возглавляемых проектов являются Венгрия и Хорватия (по 17), за ними следуют Польша, Литва, Латвия (12, 11 и 10 проектов соответственно)¹⁰.

Несмотря на такие амбициозные планы, маловероятно, что все эти проекты будут реализованы. Важнейшая проблема — недостаток денежных средств. На настоящий момент стоимость всех проектов «Инициативы» составляет 180,9 млрд евро, из которых только 53 % обеспечены финансированием¹¹. Всего же, по некоторым расчетам МВФ, для успешного развития регион нуждается в инвестициях в размере 570 млрд евро¹². При этом упоминавшийся выше Инвестиционный фонд ИТМ к концу 2020 года довел свой бюджет только почти до 1 млрд евро, а в перспективе стремится увеличить до 3—5 млрд. Вклад третьих стран пока тоже не велик. В 2020 году госсекретарь США М. Помпео обещал вложить в программу 1 млрд дол., также Международная финансовая корпорация развития США одобрила инвестиции в размере 300 млн дол.¹³ Китай, несмотря на демонстрацию умеренного интереса, пока не стремится вкладывать деньги в «Инициативу». Соответственно, основным источником финансирования ИТМ являются фонды ЕС¹⁴.

За пять лет существования «Инициативы» только два проекта были полностью завершены. Причем строительство как компрессорной станции, так и глубоководного контейнерного терминала Риека — Загреб представляют собой исключительно национальные хорватские программы. В стадии «существенного прогресса» находятся 15 проектов, в случае 15 «сообщается о деятельности», 58 же остаются в статусе «зарегистрирован».

В связи с неопределенным статусом большей части проектов обратимся к тем из них, в реализации которых отмечен прогресс (табл. 1).

⁸ Past Summits, 2020, *Three Seas Initiative (3SI)*, URL: <https://3seas.eu/about/past-summits> (дата обращения: 08.12.2021).

⁹ Bulgaria's Vision 2020, *Three Seas Initiative (3SI)*, URL: <https://3seas.eu/about/bulgaria-s-vision> (дата обращения: 08.12.2021).

¹⁰ Status Report of 2021, 2021, *Three Seas Initiative (3SI)*, URL: <https://projects.3seas.eu/report> (дата обращения: 08.12.2021).

¹¹ Status Report of 2021, 2021, *Three Seas Initiative (3SI)*, URL: <https://projects.3seas.eu/report> (дата обращения: 09.12.2021).

¹² The Three Seas Initiative Investment Fund officially established, 2019, *Biuro prasowe BGK*, URL: <https://media.bgk.pl/61041-the-three-seas-initiative-investment-fund-officially-established> (дата обращения: 09.12.2021).

¹³ The Three Seas Initiative, 2021, *FAS Project on Government Secrecy (1991—2021)*, URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/IF11547.pdf> (дата обращения: 09.12.2021).

¹⁴ В целом в 2014—2020 годах из фондов ЕС в регион ИТМ поступило почти 80 млрд евро.

Таблица 1

Проекты ИТМ со статусом «значительный прогресс»

Проект	Сфера	Год регистрации	Страны-участницы	Стоимость, евро / обеспеченность финансированием, %
BRUA. Развитие на территории Румынии национальной газотранспортной системы по коридору Болгария — Румыния — Венгрия — Австрия (BRUA). Расширение двунаправленного газотранспортного коридора (BRUA). Развитие на территории Румынии Южного газотранспортного коридора для передачи газа с побережья Черного моря (BlackSea-Rodisior).	Энергетика	2018	Румыния, Австрия, Болгария, Венгрия	1,455 млрд ¹⁵ / 43
Ввод в эксплуатацию регионального терминала СПГ в Палдиски, Эстония	Энергетика	2018	Эстония, Латвия. Партнер: Финляндия	400 млн / 0
Строительство 2-го железнодорожного пути между Копером и Дивачей	Транспорт	2018	Словения, Австрия, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия. Партнеры: Белоруссия, Германия, Россия, Украина	1,2 млрд / 0
Цифровая платформа по мониторингу гидрографических баз в регионе ИТМ	Цифровизация	2018	Румыния, Австрия, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония. Партнеры: Албания, Молдавия, Сербия, Турция, Украина	2,5 млн / 0

¹⁵ Представляется, что на сайте дана ошибочная информация о 14,55 млрд евро.

Диверсификация источников поставок газа и интеграция газовой инфраструктуры в регионе трех морей. The Baltic Pipe — газопровод между Польшей и Данией. Строительство газовых интерконнекторов между Польшей и Словакией, Польшей и Украиной. Расширение терминала СПГ в Свиноуйсьце. Создание плавучего хранилища СПГ у г. Гданьска	Энергетика	2018	Польша, Словакия. Партнеры: Дания, Словакия, Украина	1,563 млрд / 100
FAIRWAY. Подготовка плана по восстановлению и содержанию фарватера на Дунае	Транспорт	2018	Румыния, Австрия, Болгария, Венгрия, Словакия, Хорватия	21,72 млн / 100
SHIP. Газовый интерконнектор Польша — Литва (представлен Польшей)	Энергетика	2018	Польша, Латвия, Литва, Эстония	330,1 млн / 100
SHIP. Газовый интерконнектор Польша — Литва (представлен Литвой)	Энергетика	2018	Партнер: Финляндия	136 млн / 100
Интеграция и синхронизация электроэнергетической системы стран Балтии с европейскими сетями	Энергетика	2018	Литва, Польша, Латвия, Эстония	1,625 млрд / 64
Приобретение плавучего хранилища СПГ у г. Клайпеды	Энергетика	2018	Литва	16 млн / 0
RailBaltica. Модернизация ж/д сети стран Балтики	Транспорт	2018	Литва, Латвия, Польша, Эстония	2,5 млрд / 16
Rail-2-Sea. Железная дорога между Гданьском и Констанцей	Транспорт	2018	Румыния, Венгрия, Польша, Словакия	13,85 млрд / 42,46
SINCRO.GRID. «Умная сеть» для лучшей интеграции электросетей	Энергетика	2018	Хорватия, Словения	88,6 млн / 51
Создание интеллектуальной цифровой платформы для заключения сделок в сфере транспортных и логистических услуг	Транспорт	2018	Румыния, Австрия, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия, Эстония.	4,5 млн / 0
Via Sarpata. Представленный Румынией проект транспортного коридора из северной части Европы на юг	Транспорт	2020	Партнеры: Албания, Молдавия, Сербия, Турция, Украина Румыния, Болгария, Венгрия, Литва, Польша, Словакия. Партнеры: Греция, Украина	11,51 млрд / 85

Источник: составлено автором по данным Projects, 2021, *Three Seas Initiative*, URL: <https://projects.3seas.eu> (дата обращения: 08.12.2021).

Наиболее дорогостоящими являются два инициированных Румынией транспортных проекта — модернизация и развитие железной дороги Rail-2-Sea, соединяющей порты Гданьска и Констанцы, а также строительство Via Carpatia, идущей с севера на юг транспортного коридора. При этом только Via Carpatia обеспечена достаточным финансированием (85 %). Финансовые гарантии железной дороги между Гданьском и Констанцей составляют чуть более 40 %.

Другие крупные транспортные проекты — модернизация железнодорожной сети между странами Балтии и Польшей, а также строительство второго железнодорожного пути между портовым городом Копером и Дивачей, где располагается важный словенский железнодорожный узел. Как видно, указанные проекты должны увеличить грузопоток по направлению Север — Юг, а также повысить значение портовых городов Словении и Польши.

Важнейшие энергетические проекты призваны повысить диверсификацию поставок газа. Окончание их строительства приведет к ряду последствий. Во-первых, укрепится роль Польши как распределителя газа в Центральной и Восточной Европе (The Baltic Pipe, строительство газовых интерконнекторов между Польшей и Словакией, Польшей и Украиной. Расширение терминала СПГ в Свиноуйсьце. Создание плавучего хранилища СПГ у г. Гданьска). Во-вторых, углубится интеграция стран Балтики и Финляндии в европейский энергетический рынок (GIPL, интеграция и синхронизация электроэнергетической системы стран Балтии с европейскими сетями). В-третьих, появится возможность для увеличения поставок трубопроводного газа из Норвегии (The Baltic Pipe), Азербайджана и Румынии (BRUA), а также СПГ из США, Катара и Норвегии (СПГ-терминал в Свиноуйсьце, СПГ-терминал в Палдиски). Все это может привести к снижению роли России как поставщика энергоресурсов на европейский рынок.

Участие Германии в «Инициативе трех морей»

После запуска инициативы в Германии долгое время преобладали критические оценки проекта. Берлин беспокоила позиция Польши, которая изначально не скрывала, что для нее ИТМ является во многом евроскептическим проектом¹⁶. Кроме того, в ФРГ понимали, что помимо официально декларируемой Варшавой цели — противодействие российскому влиянию — концепция направлена и на снижение веса Германии в регионе.

Однако данные стремления Польши не нашли поддержки у других участников инициативы, поэтому по настоянию Чехии и стран Балтии ФРГ стала принимать участие в саммитах ИТМ. Однако принятие Германии в проект Триморья по-прежнему очень маловероятно из-за сопротивления Варшавы.

Постепенно изменилась и риторика Берлина. ФРГ все чаще стала говорить об ИТМ как о концепции, направленной на укрепление евроинтеграции (расширение инфраструктуры, совместные энергетические проекты), а также подчеркивать свою заинтересованность. В частности, в близком Ведомстве федерального канцлера аналитическом центре Stiftung Wissenschaft und Politik было высказано мнение, что страна должна участвовать в проектах в области энергетики и диджитализации, а государственный банк Kreditanstalt für Wiederaufbau может войти в Инвестиционный фонд ИТМ [4].

¹⁶ Riedel, R. 2020, Analyse: Das «Intermarium» und die «Drei-Meere-Initiative» als Elemente des euroskeptischen Diskurses in Polen, *Bundeszentrale für politische Bildung*, URL: <https://www.bpb.de/internationales/europa/polen/analysen/303999/analyse-das-intermarium-und-die-drei-meere-initiative-als-elemente-des-euroskeptischen-diskurses-in-polen> (дата обращения: 08.12.2021).

Как видно из таблицы 2, в настоящий момент Германия недостаточно вовлечена в ИТМ. ФРГ в качестве страны-партнера участвует только в четырех проектах. При этом лишь один из них (железная дорога между Копером и Дивачей) уже обеспечен финансированием и находится в стадии «существенного прогресса».

Таблица 2

Проекты, в которых Германия участвует в качестве страны-партнера

Проект	Сфера	Цель	Год регистрации	Страны-участницы	Стоимость, евро обеспеченность финансированием, %
Строительство 2-го железнодорожного пути между Копером и Дивачей	Транспорт	Увеличить провоз грузов из портового города Копер	2018	Словения, Австрия, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия. Партнеры: Белоруссия, Германия, Россия, Украина	1,2 млрд / 87 %
Развитие инфраструктуры высокопроизводительных вычислений (НРС), создание и функционирование экосистемы НРС в регионе ЦВЕ	Цифровизация	Развитие инфраструктуры НРС в Венгрии и в регионе	2020	Венгрия, Австрия, Польша, Словакия, Словения, Чехия. Партнеры: Германия, Италия	Ориентировочно 50 млн / 0
Развитие железнодорожного сообщения между важнейшими городами Польши и соседних стран	Транспорт	Увеличение объема пассажирских и грузовых перевозок в Польше и странах ЦВЕ по транспортным коридорам. Проект также может способствовать повышению военной мобильности	2020	Польша, Австрия, Венгрия, Литва, Словакия, Чехия. Партнеры: Белоруссия, Германия, Украина	22 млрд / 0
Решения по операционной совместимости в секторе цифровизированной и устойчивой энергетики в сфере накопления энергии	Энергетика, цифровизация	Создание дорожной карты по переходу к цифровизированной и устойчивой энергетике, разработка цифровой платформы в сфере накопления энергии; организация научных мероприятий	2018	Румыния, Австрия, Болгария, Венгрия, Польша, Словакия, Хорватия, Чехия. Партнеры: Германия, Молдавия, Швеция	10 млн / 0

Источник: составлено автором по данным Projects 2021, *Three Seas Initiative*, URL: <https://projects.3seas.eu> (дата обращения: 08.12.2021).

В 2020 году Германия стала участником еще одного серьезного замысла — развития железнодорожного сообщения в Польше. Проект стоимостью 22 млрд евро еще не обеспечен финансированием, но предполагается, что значительные средства на его осуществление будут выделены фондами ЕС. Основной целью данной инициативы является увеличение объема пассажирских и грузовых перевозок в Польше и странах ЦВЕ (Словакии, Чехии). Однако беспокойство России может вызвать тот факт, что транспортные коридоры (один из которых проходит до границы с Украиной) могут использоваться для военной мобильности.

Новый виток интереса Германии к ИТМ связан со спектром вопросов, касающихся «Северного потока-2». Для того чтобы снизить недовольства Киева и Вашингтона прокладкой газопровода по Балтийскому морю, что, по утверждению политиков этих стран, угрожает транзиту российского газа через украинскую территорию, на встрече А. Меркель и Дж. Байдена 21 июля 2021 года было подписано «Совместное заявление США и Германии в поддержку Украины, энергобезопасности Европы и совместных целей по защите климата». В этом документе немецкий лидер подтвердила свою поддержку Киева, гарантии сохранения транзита российского газа по газопроводу «Уренгой — Помары — Ужгород» и обязательство учредить для Украины «Зеленый фонд» и осуществлять управление этим фондом, средства из которого будут направляться на содействие переходу на возобновляемые источники энергии. Ранее на встрече с президентом В. Зеленским Меркель говорила о совместном развитии технологий производства водорода. Позднее меморандум о сотрудничестве в секторе водородной экономики был подписан НАК «Нафтогаз Украины» и немецкой энергетической компанией RWE (Rheinisch-Westfälisches Elektrizitätswerk)¹⁷.

Чтобы снизить критику Польши, ФРГ пообещала финансовую поддержку проектов ИТМ «в области региональной энергетической безопасности и возобновляемых источников энергии», а также содействие в предоставлении из бюджета ЕС в 2021 — 2027 годах средств в размере до 1,77 млрд дол. на проекты в области энергетики¹⁸19.

В продолжение этой линии Свободная демократическая партия (СвДП), в настоящий момент входящая в правящую коалицию, выступила с предложением работать над проектом, который может стать связующим звеном между Германией, странами ИТМ, программой развития зеленой энергетики Украины и Россией. В запросе Бундестагу в мае 2021 года партия отметила, что Украина и страны, объединенные в «Инициативу трех морей», обладают значительным потенциалом для производства зеленого и голубого водорода. Для производства голубого водорода предполагается использовать газ, поставляемый из России. Ранее немецкие эксперты писали о возможности сотрудничества по вопросам производства водорода и с нашей страной [30]. Более того, уже в апреле 2021 года представители Министерства экономики и энергетики ФРГ и Министерства энергетики РФ подписали совместную Декларацию о намерениях о сотрудничестве в сфере устойчивой энергетики, в которой среди прочего упоминался водород²⁰.

¹⁷ Украина и Германия подписали меморандум о сотрудничестве в направлении производства «зеленого» водорода. 2021, *Газета День*, URL: <https://day.kyiv.ua/ru/news/220821-ukraina-i-germaniya-podpisali-memorandum-o-sotrudnichestve-v-napravlenii-proizvodstva> (дата обращения: 09.12.2021).

¹⁸ Совместное заявление США и Германии в поддержку Украины, энергобезопасности Европы и совместных целей по защите климата, 2021, *Федеральное министерство иностранных дел Германии*, URL: <https://germania.diplo.de/ru-ru/aktuelles/-/2472194> (дата обращения: 09.12.2021).

¹⁹ Привязка поддержки ИТМ к данному заявлению призвана была снизить раздражение Польши, вызванное снятием американских санкций с компании-оператора «Nord Stream-2».

²⁰ Минэнерго России и Министерство экономики и энергетики ФРГ подписали совместную Декларацию о намерениях сотрудничества в сфере устойчивой энергетики, 2021, *Министерства энергетики Российской Федерации (Минэнерго России)*, URL: <https://minenergo.gov.ru/node/20562> (дата обращения: 09.12.2021).

Заключение

В настоящий момент «Инициатива трех морей» представляет собой хоть и амбициозную, но весьма неопределенную концепцию. В связи с недостатком финансирования маловероятно, что все заявленные проекты будут осуществлены. Однако даже проекты, находящиеся в стадии «значительного прогресса», могут снизить роль России как поставщика энергоресурсов (газ, электричество) на европейский рынок.

Внимание Германии к странам ЦВЕ традиционно воспринимается в нашей стране настороженно. Высказывается небезосновательная мысль, что Москве было бы проще взаимодействовать с Берлином на двусторонней основе, а также выдвигаются опасения, что ряд стран, входящих ранее в Восточный блок, распространяют антироссийскую повестку, усиливают антироссийские настроения в Германии и ЕС.

Однако, представляется, что, во-первых, внимание ФРГ к позициям своих восточных соседей является не временным трендом, а устойчивым фактором немецкой внешней политики. Соответственно, правильным будет не сокрушаться о переходе Германии к мультилатерализму, а адаптироваться к сложившейся реальности. Во-вторых, участие Германии в «Инициативе трех морей» может смягчить антироссийскую направленность данной инициативы. ФРГ хочет занять позицию некоего медиатора между Россией и Западом²¹ и, соответственно, не стремится обострять беспокойство нашей страны в связи с увеличением числа войск Североатлантического альянса вблизи российской границы. В-третьих, необходимо обращать внимание на немецкие инициативы в данной концепции. Идеи сотрудничества стран ИТМ, Украины и России в сфере водородной энергетики в настоящий момент звучат достаточно неопределенно. Неизвестны перспективы развития данного вида энергоресурса, еще более спорной с технологической точки зрения представляется возможность транспортировки водорода по трубам газопроводов. Однако России важно быть внимательной к подобным инициативам и быть готовой к новым проектам. Участие в производстве водорода в перспективе может сократить издержки от снижения роли нашей страны как поставщика энергоресурсов в страны ЦВЕ, а также уменьшить риски быть исключенными из энергетического перехода.

Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Список литературы

1. Хорольская, М. В. 2019, Новое во внешнеполитических ориентирах ведущих партий ФР, *Анализ и прогноз*, № 1, с. 70—85.
2. Михайленко, В. И. (ред.) 2018, *Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века*, Екатеринбург.
3. Скворцова, Е. М. 2021, Конгресс Американской Полонии и геополитические интересы Польши в США, *Россия и мир*. № 2 (28), с. 87—109.
4. Lang, K.-O. 2021, Die Drei-Meere-Initiative: wirtschaftliche Zusammenarbeit in geostrategischem Kontext, *SWP-Aktuell*, A 16.
5. Басов, Ф. А. 2019, Концептуальный вакуум: российское направление внешней политики четвертого кабинета А. Меркель, *Анализ и прогноз*, № 1, с. 59—69.

²¹ Выступление председателя правления Фонда им. Фридриха Эберта, 2021, *ИМЭМО РАН*, URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/vistuplenie-predsdatelya-pravleniya-fonda-im-fridriha-eberta> (дата обращения: 09.11.2021).

6. Басов, Ф. А. 2018, Отношения между регионами и городами России и Германии, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 6, с. 146—152.
7. Белинский, А. В. 2020, «Отравлены», но живы. Российско-германские отношения на распутье, *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*, № 59 (75), с. 7—11.
8. Васильев, В. И. 2021, Крутые повороты в российско-германских отношениях, *Обозреватель-Observer*, № 1 (372), с. 5—27.
9. Васильев, В. И. 2018, «Меркелизация» СДПГ: отход от «восточной политики» В. Брандта, *Международная жизнь*, № 9, с. 47—64.
10. Васильев, В. И. 2019, Российско-германские отношения: сдержанный оптимизм. В: Тимошенко, Е. В. (отв. ред.), *Экономика и политика Германии: через год после выборов*, М., с. 96—106.
11. Максимычев, И. Ф. 2015, Есть ли будущее у германо-российского сотрудничества? *Россия XXI*, № 6, с. 28—37.
12. Соколов, А. П. 2018, Хайко Маас и внешняя политика ФРГ на современном этапе, *Германия на перекрестках истории. Проблемы внутренней и внешней политики в контексте трансформаций международных отношений*, сборник статей, Воронеж, с. 182—195.
13. Павлов, Н. В. 2019, Германия — Россия — ЕС: треугольник сотрудничества или противоречий? *Мировая экономика и международные отношения*, т. 63, № 5, с. 67—75.
14. Павлов, Н. В. 2021, Россия и Германия: назад в будущее? *Мировая экономика и международные отношения*, т. 65, № 9, с. 69—78.
15. Трунов, Ф. О. 2021, Взаимодействие РФ и ФРГ по урегулированию вооруженных конфликтов: движение к новому уровню доверия, *Россия и современный мир*, № 1 (10), с. 47—68.
16. Тимошенко, Е. П. 2019, Германия в Европе: лидер поневоле? *Европа между трех океанов*: В: Громыко, Ал. А., Федоров, В. П. (общ. ред.), М., с. 108—115.
17. Арбатова, Н. К., Кокеев, А. М. (ред.) 2020, *Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией*, М.
18. Васильев, В. И., Кокеев, А. М. (ред.) 2021, *Германия в евроинтеграционных и трансатлантических процессах*, М.
19. Тимофеев, П. П., Хорольская, М. В. 2021, Сравнительный анализ подходов Германии и Франции к отношениям с Россией, *Общественные науки и современность*, № 5, с. 72—86.
20. Саликов, А. Н., Тарасов, И. Н., Уразбаев, Е. Е. 2016, Балтийский вектор внешней политики ФРГ на современном этапе развития международных отношений, *Балтийский регион*, т. 8, № 1, с. 86—96. doi: 10.5922/2074-9848-2016-1-5.
21. Белов, В. Б. 2020, Новые водородные стратегии ФРГ и ЕС: перспективы кооперации с Россией, *Современная Европа*, № 6, с. 65—76.
22. Белов, В. Б. 2020, Россия в германской внешней политике и экономике. В: Белов, В. Б. (отв. ред.), *Германия*. 2019, М., с. 117—129.
23. Белов, В. Б. 2019, Специальные инвестиционные контракты и российско-германское экономическое сотрудничество. Часть первая, *Современная Европа*, № 6, с. 105—116.
24. Белов, В. Б. 2020, Специальные инвестиционные контракты и российско-германское экономическое сотрудничество. Часть вторая, *Современная Европа*, № 1, с. 146—157.
25. Иванова, А. К. 2019, Российско-германское экономическое сотрудничество в свете декларации о намерениях «Партнерство для эффективности» 2019. В: Кондратьева, Н. Б., Никитин, А. К. *Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка: (К 110-летию со дня рождения А. А. Громыко)*, М.
26. Кузнецов, А. В. (отв. ред.) 2018, *Пределы лидерства Германии в Европе*, сборник статей, М.
27. Fisher, S. 2021, Schwieriges Verhältnis zu Moskau. Deutsche Russlandpolitik muss weiter justiert werden. In: Maihold, G., Mair, S., Müller, M., Vorrath, Ju., Wagner, Chr. (Hg.) *Deutsche Außenpolitik im Wandel. Beiträge zu Sammelstudien*, S. 15, S. 45—48.
28. Meister S. Das Ende der Ostpolitik // DGAP Policy. September 2020. Brief Nr. 19. Meister S. Pragmatische Russlandpolitik // DGAP Memo. September 2021. Nr. 4.
29. Meister, S. 2021, Pragmatische Russlandpolitik, *DGAP Memo*, September 2021, № 4.
30. Shagina, M., Westphal, K. 2021, Nord Stream 2 und das Energie-Sicherheitsdilemma. Chancen und Grenzen eines «Grand Bargain», *SWP-Aktuell*, A 52.

31. Westphal, K., Zabanova, Y. 2021, Russland im globalen Wasserstoff-Wettlauf. Überlegungen zur deutsch-russischen Wasserstoffkooperation, *SWP-Aktuell*, A 48.

32. Popławski, K., Jakóbowski, J. 2020, *Building closer Connections. The Three Seas region as an economic area*, Warszawa.

Об авторе

Мария Витальевна Хорольская, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела европейских политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Россия.

e-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1885-7729>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

GERMAN PARTICIPATION IN THE THREE SEAS INITIATIVE: OPPORTUNITIES FOR RUSSIA

M. V. Khorolskaya

Primakov National Research Institute of World Economy and
International Relations Russian Academy of Sciences
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia

Received 12.01.2022
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-6
© Khorolskaya, M. V. 2022

The Three Seas Initiative was launched in 2016 by the Polish and Croatian leaders to bridge the gap between Southeast, Central and Eastern Europe, on the one hand, and Western Europe, on the other. This article aims to show how German policy on the Three Seas Initiative has changed and what risks and opportunities it represents for Russia. The official data on the Three Seas Initiative was used to explore the specifics of the concept and the impact of its most promising projects on the Southeast, Central and Eastern European markets. The analysis of materials from German think tanks and the Ministry of Foreign Affairs was used to demonstrate the changes in Germany's attitude towards the Initiative. Although the participating countries have not received sufficient funding to fulfil all the ambitious goals of the Three Seas Initiative, some of its most promising projects could diminish Russia's role in the EU energy market. Since 2018, the Federal Republic of Germany has increased its participation in the Initiative, yet Berlin's growing focus on the concept should not be perceived critically since German participation could mitigate the anti-Russian sentiment underlying the Three Seas Initiative. Moreover, the ideas voiced by Germany's Free Democratic Party, namely those concerning a joint hydrogen project with Russia to be run as part of the Three Seas Initiative, deserve special attention.

Keywords:

Three Seas Initiative, Central and Eastern Europe, Poland, Germany, Russia, natural gas, hydrogen

To cite this article: Khorolskaya, M. V. 2022, German participation in the three seas initiative: opportunities for Russia, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 1, p. 83–97. doi: 10.5922/2078-8555-2022-2-6.

References

1. Khorol'skaya, M. V. 2019, New in Foreign Policy Orientation of the leading Parties in Germany, *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN* [Analysis and Forecasting. IMEMO Journal], № 1, p. 70—85 (in Russ.).
2. Mikhailenko, V. I. (eds.) 2018, *Asymmetries of regional integration projects of the 21st century*, Ekaterinburg, Ural University Press (in Russ.).
3. Skvortsova, E. M. 2021, The Polish American Congress and Poland's geopolitical interests in the USA, *Vestnik Diplomaticeskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world], № 2 (28), p. 87—109 (in Russ.).
4. Lang, K.-O. 2021, Die Drei-Meere-Initiative: wirtschaftliche Zusammenarbeit in geostrategischem Kontext, *SWP-Aktuell*, A 16 (in Russ.).
5. Basov, F. A. 2019, Conceptual Vacuum: Russian Direction in the Foreign Policy of the A. Merkel's Fourth Cabinet, *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN* [Analysis and Forecasting. IMEMO Journal], № 1, p. 59—69 (in Russ.).
6. Basov, F. A. 2018, Relations between regions and cities of Russia and Germany, *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN* [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS], № 6, p. 146—152 (in Russ.).
7. Belinskii, A. V. 2020, 'Poisoned', but alive. Russian-German relations at a crossroads, *Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy* [European Security: Events, Assessments, Forecasts], № 59 (75), p. 7—11 (in Russ.).
8. Vasil'ev, V. I. 2021, Sharp turns in Russian-German relations, *Obzrevatel'-Observer* [Observer], № 1 (372), p. 5—27 (in Russ.).
9. Vasil'ev, V. I. 2018, «Merkelisation» of the SPD: a departure from Brandt's «eastern policy», *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], № 9, p. 47—64 (in Russ.).
10. Vasil'ev, V. I. 2019, Russian-German relations: cautious optimism in Timoshenkova, E. V. (eds.), In: *Economics and politics of Germany: a year after the elections* [Ekonomika i politika Germanii: cherez god posle vyborov], M., p. 96—106 (in Russ.).
11. Maksimychev, I. F. 2015, Is there a future for German-Russian cooperation? *Rossiya XXI* [Russia XXI], № 6, p. 28—37 (in Russ.).
12. Sokolov, A. P. 2018, Heiko Maas and the Foreign Policy of the Federal Republic of Germany at the Present Stage. In: *Germaniya na perekrestkakh istorii. Problemy vnutrennei i vneshnei politiki v kontekste transformatsii mezhdunarodnykh otnoshenii. Sbornik statei* [Germany at the Crossroads of History. Problems of domestic and foreign policy in the context of international relations transformation. Collection of articles], Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, p. 182—195 (in Russ.).
13. Pavlov, N. V. 2019, Germany—Russia—EU: triangle of cooperation or contradictions? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], vol. 63, iss. 5, p. 67—75 (in Russ.).
14. Pavlov, N. V. 2021, Russia and Germany: Back to the Future?, *World Economy and International Relations*, vol. 65, iss. 9, p. 69—78 (in Russ.).
15. Trunov, F. O. 2021, The interaction between Russia and Germany in the sphere of armed conflicts resolution: moving to a new level of confidence? *Rossiya i sovremennyyi mir* [Russia and the modern World], № 1 (10), p. 47—68 (in Russ.).
16. Timoshenkova, E. P. 2019, Germany in Europe: the leader against one's will? In: Groznyko, A. A., Fedorov, V. P. (eds), *Evropa mezhdu trekh okeanov* [Europe between three oceans], M., Institute of Europe RAS: Nestor-History, p. 108—115 (in Russ.).
17. Arbatova, N. K., Kokeev, A. M. (eds) 2020, *Strategicheskaya avtonomiya ES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiei* [EU strategic autonomy and prospects for cooperation with Russia], M., Ves' mir (in Russ.).
18. Vasil'ev, V. I., Kokeev, A. M. 2021, *Germaniya v evrointegratsionnykh i transatlanticheskikh protsessakh* [Germany in the Integration and Transatlantic Processes], M., IMEMO (in Russ.).
19. Timofeev, P. P., Khorol'skaya, M. V. 2021, Comparative Analysis of the Germany and France Approaches to Relations with Russia, *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], № 5, p. 72—86 (in Russ.).

20. Salikov, A. N., Tarasov, I. N., Urazbaev, E. E. 2016, The Baltic policy of Germany and current international relations, *Balt. Reg.*, vol. 8, № 1, p. 60—66. doi: 10.5922/2079-8555-2016-1-5.
21. Belov, V. B. 2020, Rossiya v germanskoj vneshnei politike i ekonomike [Russia in German foreign policy and economy]. In: Belov, V. B. (eds.), *Germany. 2019*, M., Institute of Evropy RAS, p. 117—129 (in Russ.).
22. Belov, V. B. 2019, Special investment contracts and Russian-German economic cooperation. Part one, *Sovremennaya Evropa*, № 6, p. 105—116 (in Russ.).
23. Belov, V. B. 2020, Special investment contracts and Russian-German economic cooperation. Part one, *Sovremennaya Evropa*, № 1, p. 146—157 (in Russ.).
24. Belov, V. B. 2020, New hydrogen strategies of Germany and the EU: prospects for cooperation with Russia, *Sovremennaya Evropa*, № 6, p. 65—76 (in Russ.).
25. Ivanova, A. K. 2019, Russian-German economic cooperation in the light of the declaration of intent «Partnership for Efficiency» 2019. In: Kondrat'eva, N. B., Nikitin, A. K. (eds.), *Sotsial'no-politicheskie riski v usloviyakh formirovaniya novogo mirovogo poryadka: (K 110-letiyu so dnya rozhdeniya A. A. Gromyko)* [Social and political risks in the formation of a new world order: (To the 110th anniversary of the birth of A. A. Gromyko)], M., 2019 (in Russ.).
26. Kuznetsov, A. V. (eds) 2018, *Predely liderstva Germanii v Evrope* [The Limits of German Leadership in Europe], collection of articles, M., IMEMO (in Russ.).
27. Fisher, S. 2021, Schwieriges Verhältnis zu Moskau. Deutsche Russlandpolitik muss weiter justiert werden. In: Maihold, G., Mair, S., Müller, M., Vorrath, J., Wagner, Ch. (Hg.) *Deutsche Außenpolitik im Wandel. Beiträge zu Sammelstudien, 2021/S 15*, p. 45—48.
28. Meister, S. 2020, *Das Ende der Ostpolitik*, DGAP Policy, September 2020, Brief № 19.
29. Meister, S. *Pragmatische Russlandpolitik*, DGAP Memo, September 2021, № 4.
30. Shagina, M., Westphal, K. 2021, Nord Stream 2 und das Energie-Sicherheitsdilemma. Chancen und Grenzen eines «Grand Bargain», *SWP-Aktuell*, A 52.
31. Westphal, K., Zabanova, Y. Russland im globalen Wasserstoff-Wettlauf. Überlegungen zur deutsch-russischen Wasserstoffkooperation, *SWP-Aktuell*, A 48.
32. Popławski, K., Jakóbowski, J. 2020, *Building closer Connections. The Three Seas region as an economic area*, Warszawa.

The author

Dr Maria V. Khorolskaya, Research Fellow, Department of European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences, Russia

E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1885-7729>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

МИГРАЦИОННЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ В КОРОЛЕВСТВЕ ДАНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В. М. Капицын¹
А. К. Магомедов²
А. Е. Шапаров³

---

¹ Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., 27

² Российский государственный гуманитарный университет,
125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6.

³ Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова,
163002, Россия, Архангельск, ул. Наб. Северной Двины, 17

Поступила в редакцию 30.04.2021 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-7

© Капицын В. М., Магомедов А. К.,
Шапаров А. Е., 2022

Дания — страна, гарантирующая подданным высокие стандарты в области прав человека, но возводящая барьеры для части инокультурных мигрантов, способных создавать угрозу безопасности национального сообщества. Датские традиции либерализма, гуманизма и государства всеобщего благосостояния уживаются с проведением одной из самых рестриктивных политик в Европе относительно иммигрантов третьих стран. Цель статьи — исследование эволюции управленческих подходов к формированию иммиграционной политики и интеграции инокультурных мигрантов в Данию, а также ценностных детерминант этих изменений. Применение неинституциональной методологии позволило проанализировать эволюцию ценностных детерминантов формирования иммиграционной политики Дании, а также норм и практик в сфере интеграции инокультурных мигрантов. По нашему мнению, проведение ограничительной иммиграционной политики стало возможным благодаря консенсусу основных политических сил, прежде всего левой Социал-демократической партии и правой Либеральной партии Венстре, не желающих усиления электоральной поддержки праворадикальных партий (эффект «заражения справа», по М. Дюверже). Объектом датской рестриктивной политики интеграции выступают инокультурные мигранты, преимущественно из мусульманских стран. Правительство систематически принимает меры к ограничению их доступа на территорию страны. В сфере интеграции мигрантов вектор сместился на «жесткий» вариант усвоения гражданских демократических ценностей, трудоустройства как основания для получения пособий, на внедрение практик депортаций инокультурных мигрантов, совершивших преступления.

Ключевые слова:

иммиграционная политика, Дания, интеграция мигрантов, беженцы, политические партии, секьюритизация миграции, идентичность

Для цитирования: Капицын В. М., Магомедов А. К., Шапаров А. Е. Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Королевстве Дания в начале XXI века // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 1. С. 98—114. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-7.

Королевство Дания — высокоразвитая страна, входящая в топ-10 стран мира по многим авторитетным международным рейтингам, политическому и социально-экономическому развитию общества. Дания занимала 5-е место в 2020 году по уровню безопасности в Глобальном индексе миролюбия (Global Peace Index), включающем 23 качественных и количественных показателя, оценивающих отношения, институты и структуры, которые способствуют безопасности общества. Согласно Индексу гендерного неравенства (Gender Inequality Index) Дания занимает 2-е место (2019), по Рейтингу стран мира по состоянию политических и гражданских свобод Freedom House — 8-е место (2020) и Индексу человеческого развития (Human Development Index) — 10-е место (2020)¹.

Как и другие развитые страны Европы, Дания привлекательна для иммигрантов; среди них постоянно увеличивается доля беженцев. Процветающая страна с населением 5,8 млн чел. на протяжении почти 20 лет выделяется в ЕС своей ограничительной иммиграционной политикой в отношении инокультурных мигрантов. В отличие от Швеции и некоторых других стран Дания не выбирала мультикультурализм в качестве основы политики интеграции мигрантов. Курс на ужесточение политики в отношении инокультурных мигрантов с начала XXI века остается неизменным в политике как левоцентристских, так и правопоцентристских правительств. На 1 июля 2021 года в Дании насчитывалось 825,0 тыс. иммигрантов и их потомков (14,1 % общей численности населения), из которых 526,7 тыс. происходят из западных стран (9 %), среди них из мусульманских стран — 286,7 (4,9 %)². С 2020 года в статистике по иммиграции стали выделять мигрантов из стран MENAP (Middle East and North Africa (MENA), Пакистан и Турция), куда входят страны с преимущественно мусульманским населением: Сирия, Кувейт, Ливия, Саудовская Аравия, Ливан, Сомали, Ирак, Катар, Судан, Бахрейн, Джибути, Иордания, Алжир, Объединенные Арабские Эмираты, Тунис, Египет, Марокко, Иран, Йемен, Мавритания и Оман, Афганистан, Пакистан и Турция. При этом страны с преимущественно немусульманским населением (Израиль, Эфиопия, Эритрея) не включены в список MENAP.

Цель статьи — сравнение эволюции управленческих подходов к формированию иммиграционной политики и интеграции инокультурных мигрантов в Дании, а также политических детерминант изменений иммиграционного регулирования. Выбор Дании продиктован тем, что страна находится в авангарде общеевропейского тренда на ограничение миграции беженцев, успешно сочетает предоставление возможностей для интеграции с ужесточением иммиграционного контроля и требований к инокультурным мигрантам.

Обзор литературы

Иммиграционная политика Скандинавских стран привлекает внимание многих ученых, рассматривающих различные ее аспекты. Сходство климата, культуры, политики, рынка труда и систем социального обеспечения, тесные связи в историческом прошлом обусловили применение сравнительного подхода [1—3]. Швеция традиционно выступала как наиболее либеральная к мигрантам страна, допуска-

¹ Global Peace Index 2020, 2021, *StatisticsTimes*, URL: <http://statisticstimes.com/ranking/global-peace-index.php> (дата обращения: 11.11.2021); Gender Inequality Index, 2021, *Human Development Reports*, URL: <http://hdr.undp.org/en/2020-report/download> (дата обращения: 11.11.2021); *Human Development Reports*, 2021, URL: <http://www.hdr.undp.org/> (дата обращения: 11.11.2021).

² *Integrationsbarometeret*, 2021, URL: <https://integrationsbarometer.dk/tal-og-analyser/INTEGRATION-STATUS-OG-UDVIKLING> (дата обращения: 11.11.2021).

ющая культурное многообразие [4; 5]. Иммиграционная политика Дании с конца XX века становилась ограничительной, хотя ориентировалась на интеграцию [6]. Норвегия занимала промежуточное место среди этих стран относительно ограничений в иммиграционной политике [7]. По сравнению со степенью изучения Швеции российские ученые уделяли меньше внимания иммиграционной политике Дании, однако за прошедшие годы ситуация стала меняться [8—12].

В Скандинавских странах сильно различается общественный дискурс проблем иммиграции [7; 13]. Датские СМИ чаще используют фрейм угроз при освещении проблем миграции, в отличие от шведских СМИ, где обычно встречается фрейм жертв. По выводам Я. Мэдсена, позиция датских СМИ претерпела кардинальные изменения. Если в 1970-х годах мигранты рассматривались как необходимая рабочая сила для развивающейся датской промышленности, то с конца 1980-х медиа чаще связывают тему иммигрантов с преступностью, расизмом и социальными проблемами [14]. Миграционный кризис 2015 года обострил данный дискурс и стал предметом пристального научного изучения [15—18].

В основу методологии положен неоинституционализм, позволяющий изучать эволюцию иммиграционной политики как реакцию институтов на изменение ценностных оснований принятия политических решений, когда вызовы, формируемые инокультурной миграцией, обострили противоречия международных обязательств в области прав человека с интересами датской нации. Также для анализа дискурса миграции были применены конструктивистский, сравнительный, дискурсный и индексный подходы.

Генезис политико-управленческих подходов к регулированию миграции

Нехватка рабочей силы в Дании в 1960-х и 1970-х годах привела к буму трудовой иммиграции из Турции и Пакистана. Компактное размещение рабочих с семьями, а также беженцев из Чили и Юго-Восточной Азии, имевших значительную культурную дистанцию от датчан, запустило процессы геттоизации, формирования сегрегированных сообществ, что стало темой политических дебатов уже в 1980-х годы. На выборах 1987 года основные политические партии призывали остановить образование территориальных скоплений иммигрантов. В середине 1990-х годов последовала волна беженцев с территории бывшей Югославии. К этому времени ведущие политические силы и общество осознают необходимость помимо адаптации к рынку труда и знания языка добиваться культурной и социальной интеграции инокультурных мигрантов. Дания стала одной из первых стран ЕС, принявших закон об интеграции мигрантов.

По нашему мнению, главная характеристика датского иммиграционного законодательства — дифференцированный подход (преференции для мигрантов с близкой культурой + определенные барьеры для инокультурных мигрантов). В датской статистике иммигрантом значится тот, кто получил гражданство (за исключением тех, кто имеет хотя бы одного родителя — гражданина Дании, родившегося в Дании). Статистика оперирует понятиями «иммигрант», и «потомок иммигранта», и их классифицируют по двум категориям: мигранты из западных и незападных стран. В Законе об иностранцах³ указывается, что граждане Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции могут въезжать в Данию без разрешения на проживание и работу. Стандартные правила распространяются на граждан стран Евросоюза и Шенгенской зоны.

³ Udlændingeloven, nr. 1022 af 2. oktober 2019, 2019, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lt/a/2020/1513> (дата обращения: 11.11.2021).

В первой редакции 1983 года датский Закон об иностранцах в части правового положения просителей убежища характеризовался как один из самых либеральных законов об иностранцах в Европе: беженцы де-факто (не включенные в Женевскую конвенцию 1951 года) получили право на убежище (§ 7) и право на воссоединение семьи (§ 9). Это ожидаемо привело к увеличению притока гуманитарных мигрантов, и в 1990-е годы произошло ужесточение законодательства, были ограничены основания для воссоединения семей, сокращены количество и размер пособий.

Дебаты вокруг проблем интеграции мигрантов, приема беженцев и предоставления гражданства стали главными темами избирательных кампаний 1998, 2001 и 2005 годов. Вопросы адаптации и интеграции мигрантов теперь неотъемлемая часть национальной политической повестки. В таблице 1 приведены данные статистики по соискателям убежища и лицам, получившим статус беженца.

Таблица 1

**Количество соискателей убежища и лиц, получивших статус беженца в Дании,
2011 — 2020 годы, чел.**

Категория мигрантов	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Соискатели	3806	6184	7557	14792	21316	5717	3500	3559	2716	1015
Получившие статус беженца	2249	2583	3889	6104	10 849	7493	2750	1652	1783	601

Источник: International Migration Denmark: Report to OECD, The Ministry of Immigration and Integration Denmark 2017—2020 (<https://uim.dk/publikationer/international-migration-denmark-2020>).

Важными вехами институционализации иммиграционной политики Дании стали 1999 год (вступил в силу закон об интеграции инокультурных мигрантов) и 2001 год (создано Министерство по делам беженцев, иммигрантов и интеграции — Ministeriet for flygtninge, indvandrere og integration). До 2001 года политика в сфере иммиграции и интеграции находилась в ведении восьми министерств; каждое из них имело свою зону ответственности: Министерство внутренних дел (ответственное за интеграцию), Министерство юстиции (натурализация), Министерство образования (обучение датскому языку), Министерство финансов (привлечение работодателей к интеграции мигрантов), Министерство жилищного строительства и городов (сегрегация и расселение), Министерство социальных дел (социальная помощь иммигрантам и беженцам), Министерство труда (адаптация на рынке труда) и Министерство бизнеса (бизнес иммигрантов) [19, р. 2]. Таким образом, с 2001 года интеграция мигрантов стала самостоятельной областью иммиграционной политики со своим собственным законодательством, целями и объектами регулирования.

В принятом правительством социал-демократов Законе об интеграции⁴ говорилось, что он направлен на социальную адаптацию беженцев и мигрантов по воссоединению семей и не распространяется на мигрантов из стран Скандинавии и ЕС. Политика интеграции должна способствовать участию мигрантов в жизни общества наравне с гражданами, самообеспечению мигрантов, принятию культуры датского общества. Интеграция мигрантов предусматривает обучение языку, профессиональную подготовку к участию на рынке труда, выплату пособий мигрантам, не способным самостоятельно обеспечивать себя. Важная роль отведена муниципалитетам. После выдачи беженцу вида на жительство иммиграционная служба направляет его в один из муниципалитетов, в отличие от Швеции, где беженцу предоставлена свобода выбора [20, р. 2563]. С этого момента ответственность перешла

⁴ Lov om integration af udlændinge i Danmark (integrationslov), 1998, *Retsinformation*, URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/1ta/1998/474> (дата обращения: 11.11.2021).

дит к муниципалитетам, разрабатывающим и реализующим свои программы интеграции. На муниципальном уровне создавались Советы по интеграции, в которые вошли представители объединений мигрантов.

Ограничительные тенденции в законодательстве усилились с приходом в фолькетинг праворадикальной Датской народной партии (ДНП) в 1998 году, требовавшей ужесточить иммиграционную политику с явным антимусульманским уклоном. В 2001 году поправка в Закон об иностранцах отменила статус беженца де-факто и ввела статус защиты, что означало отказ в предоставлении убежища лицам, если не доказано, что на родине для них существует угроза жизни. С трех до семи лет увеличены сроки пребывания в стране иностранцам для получения бессрочного ВНЖ.

По мнению датского исследователя С. Лагаарда, начиная с 2001 года антимультимкультурализм де-факто становится господствующей идеологией в Дании [21, р. 172]. Это связано с дебатами вокруг «политики ценностей», инициированных премьер-министром правоцентристского правительства Андерсом Фог Расмуссеном, в центре внимания которых оказались иммиграция и мультикультурализм. Правительство выступало за принятие ограничительного («твердого и справедливого») иммиграционного законодательства и осуждение мультикультурализма. В центре политического дискурса оказались мусульмане как меньшинство, которое наиболее трудно интегрировать в датское общество. Мусульманские обычаи зачастую воспринимались как культурный барьер для успешной интеграции. Под влиянием ДНП правоцентристское правительство уделяло внимание вопросам национальной идентичности, включая знание мигрантами истории Дании. В 2006 году введено руководство по преподаванию истории для начальной школы, а на следующий год (2007) — тест на получение датского гражданства, основу которого составили знания датской истории. В 2009 году правительство дополнило тест на гражданство также знаниями о демократии.

В очередной раз иммиграционное законодательство ужесточилось в 2010 году, когда ДНП потребовала отмены предоставления негражданам, за исключением Скандинавских стран, избирательных прав. (С 1981 года Дания, одна из первых в Европе, предоставила иностранцам-резидентам право участия на муниципальных и региональных выборах.) В 2010 году также был увеличен с трех до четырех лет срок проживания в стране, необходимый иностранцам для участия в местных и региональных выборах (в выборах в фолькетинг участвуют только граждане Дании).

Очередной этап эволюции иммиграционной политики связан с приходом к власти левоцентристского правительства в 2011 году, которое провело децентрализацию интеграционной политики на национальном уровне. Министерство по делам беженцев, иммигрантов и интеграции упразднилось, а его функции были разделены между Министерством юстиции (контроль иммиграционной службы, предоставление убежища и натурализация), Министерством занятости (интеграция мигрантов и беженцев), Министерством по делам детей и образования (интеграция детей и молодежи) и Министерством социальных дел и интеграции (руководство общей политикой интеграции). Необходимость децентрализации объяснялась стремлением исключить из управленческой практики дихотомию в отношении к мигрантам по принципу «мы — они», сделав политику интеграции мигрантов частью общенациональной социальной политики. Критики реформы, напротив, видели недостатки в отсутствии органа, ответственного за конечный результат интеграции. Также было восстановлено прежнее требование о трехлетнем проживании иностранцев для участия в выборах.

Поправка (2013) в Закон об интеграции требовала, чтобы муниципалитеты предлагали всем вновь прибывшим беженцам подписывать обязательный договор интеграции и Декларацию об интеграции и активном гражданстве. Договор

интеграции предусматривал цели и этапы интеграции, инструменты и меры для достижения целей. Муниципалитеты обязаны следить, чтобы договор выполнялся, и налагать санкции в случае его нарушения (§ 19—20). Санкции, в частности, предусматривают ограничения к получению статуса постоянного резидента и доступа к гражданству. В Декларации об интеграции и активном гражданстве беженцы должны подтвердить свою готовность соблюдать датское законодательство, уважать демократические принципы, изучать датский язык, признавать гендерное равенство, уважать свободу совести и свободу слова, воздерживаться от терроризма. При этом договор об интеграции и Декларацию об интеграции и активном гражданстве заключают только беженцы и члены их семей, это требование не распространяется на трудовых мигрантов и иностранных студентов.

Таким образом, в Дании за 30 лет произошла эволюция политико-управленческих подходов в сфере иммиграционной политики, в результате чего объектом рестриктивного регулирования стали мигранты из незападных стран, а приоритеты сместились на ограничение их притока в страну и интеграцию уже прибывших. Мигрантов, ищущих убежища, современное датское законодательство рассматривает исключительно как временных. Процесс интеграции приобрел реципрокный характер, то есть предусматривает усилия как мигрантов, так и принимающего общества, самообеспечение мигрантов через рынок труда и усвоение ими гражданских ценностей через участие в делах местных сообществ на муниципальном уровне.

Реакция на миграционный кризис

Миграционный кризис 2015 года был обусловлен резким увеличением притока лиц, ищущих убежища. Среди Скандинавских стран наибольший приток мигрантов был зарегистрирован в Швеции (156 тыс. чел.). В Норвегии и Дании он был значительно ниже (30 тыс. и 21 тыс. соответственно). В пропорциональном отношении Дания также выглядит менее пострадавшей от наплыва просителей убежища: 43 % по сравнению с 2014 годом (3679 чел. на млн населения), Швеция — 108 % (16 016), Норвегия — 179 % (5898)⁵. Эксперты объясняют эти величины тем, что Дания еще до кризиса имела имидж страны с ограничительной иммиграционной политикой, что отпугивало потенциальных мигрантов. Тем не менее Дания в ходе кризиса еще более ужесточила меры в отношении просителей убежища. Вслед за ней Швеция и Норвегия в конце 2015 — начале 2016 года усилили контроль на границах и приняли законодательные ограничения, учитывая перегруженность национальных социальных служб.

В отличие от других стран Скандинавии Дании не пришлось кардинально менять иммиграционное законодательство. Но даже на этом фоне новые изменения в предоставлении убежища были жесткими. Это вызвало критику со стороны руководства ЕС, особенно относительно поправки к Закону об иностранцах (законопроект № 87⁶) в январе 2016 года, дающей полиции право конфисковать имущество лиц, ищущих убежища, для покрытия расходов на их пребывание в Дании. Согласно поправке лица, ищущие убежища, въезжающие в страну с активами на сумму более 10 000 крон (около 1450 дол. США), должны помочь в финансировании своего пребывания в центрах убежища, расходов на медицинское обслуживание. Увеличился срок доступа к воссоединению семей беженцев с 1 года до 3 лет, а для полу-

⁵ Eurostat, 2021, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/> (дата обращения: 11.11.2021).

⁶ L 87 Forslag til lov om ændring af udlændingeloven, 2015, *Forside / Folketinget*, URL: <https://www.ft.dk/samling/20151/lovforslag/L87/index.htm> (дата обращения: 11.11.2021).

чения бессрочного вида на жительство — до 6 лет (для всех иммигрантов). Причем ужесточающие поправки были приняты парламентом подавляющим большинством голосов (81/27), что свидетельствует о прочном консенсусе основных политических партий по целям и методам иммиграционной политики. Несмотря на критику со стороны УВКБ ООН и руководства ЕС, обвинения Дании в нарушении международно-правовых норм, либерализация в иммиграционном законодательстве не последовала. Дания не вошла в Общую европейскую систему убежища (CEAS), созданную ЕС в 1999 года для выработки общих стандартов и правил к приему просителей убежища.

Правительство Дании провело дальнейшие ограничения в доступе к социальным пособиям для вновь прибывших мигрантов. Изменение в сентябре 2015 года вводило новое пособие по интеграции (*integrationsydelse*), заменяющее социальную помощь для лиц, которые не были в стране минимум семь из последних восьми лет. Для других адресатов пособий были снижены выплаты, если общий размер пособий (социальная помощь плюс жилье и детские пособия) превышал определенную правительством сумму. Основное условие: такие мигранты — это беженцы или лица, прибывшие по линии воссоединения семей, — обязаны отработать не менее 225 ч в год (25 дней с воскресеньями — месяц), чтобы иметь право на интеграционное пособие или социальную помощь. Теперь семьи мигрантов и беженцев с детьми имели доход ниже 50 % от среднего национального дохода [22]. Было введено пособие по интеграционному образованию (*integrationuddannelsesydelser*, IGU). Это двухлетняя программа для вновь прибывших беженцев и лиц, воссоединившихся со своими семьями. Они распределяются по муниципалитетам, где их квалификация соответствует спросу на рынке труда и где они параллельно изучают датский язык. В 2020 году 37 % беженцев в возрасте 21—64 лет и членов их воссоединенных семей с 3-летним проживанием в Дании имели оплачиваемую работу⁷. Наиболее серьезная проблема в реализации трудового участия мигрантов — низкая востребованность их труда (на май 2020 года лишь 56 % мигрантов-мужчин и 49 % мигрантов-женщин незападного происхождения были трудоустроены⁸).

В 2018 году правоцентристское правительство запретило ношение паранджи. Закон обязывает мигрантов, проживающих в гетто, отправлять своих детей на обучение гражданским ценностям. С января 2019 года церемония натурализации должна сопровождаться для новых граждан, независимо от пола, рукопожатием. По мнению экспертов, нововведение направлено на консервативных мусульман.

В феврале 2019 года датский парламент принял законопроект (L 140⁹), смещающий акцент с интеграции на репатриацию, в том числе тех, кто не имеет постоянного статуса, и беженцев по квоте ООН. В 2019 году правительство Дании декларировало проект острова Линдхольм для размещения отклоненных просителей убежища, которые были осуждены за преступления и отбыли наказание, но не могут быть депортированы по разным причинам.

Международный индекс интеграции мигрантов (MIPEX)¹⁰ в 2020 году отнес Данию (48 баллов, 32-е место) к третьей группе стран (всего четыре), обеспечива-

⁷ Hvor mange er i arbejde? 2021, *Det nationale integrationsbarometer — Integrationsbarometer*, URL: <https://integrationsbarometer.dk/aktuelt/7> (дата обращения: 11.11.2021).

⁸ Beskæftigelse, 2021, *Det nationale integrationsbarometer — Integrationsbarometer*, URL: <https://integrationsbarometer.dk/tal-og-analyser/beskaeftigelse> (дата обращения: 11.11.2021).

⁹ L 140, 2021, *Forside / Folketinget*, URL: <https://www.ft.dk/samling/20181/lovforslag/1140/index.htm> (дата обращения: 11.11.2021).

¹⁰ MIPEX 2020, *Migrant Integration Policy Index*, URL: <https://www.mipex.eu/key-findings> (дата обращения: 12.11.2021).

ющих временную интеграцию¹¹. Иммигранты в этих странах пользуются основными правами и возможностями, но сталкиваются с препятствиями к долгосрочному пребыванию, поскольку не рассматриваются как потенциальные граждане. Для сравнения Швеция (86 баллов) входит в топ-5 стран, правительства которых воспринимают мигрантов как потенциальных граждан, Норвегия находится на 14-м месте (69 баллов).

Политический дискурс вокруг иммиграции

Исследователи считают, что анализ взаимосвязи дискурса миграционных проблем с формированием иммиграционной политики помогает понимать изменения в регулировании интеграции мигрантов. Реакция на кризис с беженцами в Скандинавских странах пошла по пути ужесточения требований к просителям убежища, но эти решения опирались на разное соотношение мотиваций политических сил. Швеция и Норвегия вначале исходили из гуманитарных обязательств и готовности принять беженцев. По мнению А. Хагелунд из университета Осло, в отличие от политического истеблишмента других Скандинавских стран в Дании не было подобной потребности в легитимации более строгой иммиграционной политики с опорой на коммуникативный дискурс общественности, поскольку таковая уже имела значительную общественную поддержку [23]. Результаты исследования медийного дискурса в скандинавской прессе, проведенного учеными из проекта SCANPUB в период иммиграционного кризиса 2015—2016 годов, показали сильные колебания СМИ в отношении к просителям убежища. В СМИ ситуация с беженцами в странах Скандинавии в ходе кризиса воспринималась сначала как гуманитарная трагедия, затем как своего рода «вторжение» [24, р. 352].

Европейская служба изучения общественного мнения «Евробарометр» в 2017 году провела специальное исследование об отношении европейцев к интеграции иммигрантов из незападных стран¹². Доля датчан (70 %), согласных с тем, что интеграция иммигрантов является успешной на национальном и местном уровнях, выше, чем в Швеции (46 %) и ЕС (54 %). В то же время большинство опрошенных датчан (73 %) уверены, что иммигранты усугубляют проблему преступности (шведы — 61 %; жители ЕС в целом — 55 %). С утверждением, что иммигранты отнимают у граждан рабочие места, согласны 39 % европейцев, 23 % датчан и лишь 12 % шведов. Респонденты во всех странах ЕС (62 %) указывают на важность для интеграции иммигрантов их участия в системе социального обеспечения путем уплаты налогов, при этом доля скандинавских респондентов заметно выше — у датчан 81 %, у шведов 78 %. Примечательно, что среди респондентов из 28 стран ЕС больше всего в Дании (50 %) и Швеции (58 %) считают, что правительство прилагает недостаточно усилий для интеграции мигрантов. Дания также лидировала среди стран ЕС, чьи граждане утверждают, что СМИ представляют мигрантов в негативном свете (59 % датчан, 36 % европейцев).

Обсуждение атак мужчин-мигрантов на женщин в Кёльне (под Новый 2016 год) и волны терактов в Европе катализировали процесс секьюритизации инокультурной миграции. Для датского политического дискурса характерно объединение тем иммиграции с темами преступности и безопасности. Бывший министр иммиграции и интеграции Дании И. Стойберг (2015—2019) указывала на значительное пре-

¹¹ “Temporary Integration” 2021, *Migrant Integration Policy Index*, URL: <https://www.mipex.eu/denmark> (дата обращения: 11.11.2021).

¹² Special Eurobarometer 469. Integration of immigrants in the European Union. Fieldwork October 2017, 2018, 271 p., *European Migration Law*, URL: <http://www.europeanmigrationlaw.eu/documents/EuroBarometer-IntegrationOfMigrantsintheEU.pdf> (дата обращения: 11.11.2021).

вышение доли мигрантов и их потомков из западных стран среди осужденных преступников (255 % по сравнению с коренными датчанами)¹³. Она отмечала и общественную опасность совершаемых преступлений (уличные перестрелки, насильственные преступления, совершаемые бандами). Так, группировка выходцев из Сомали «Black Army» заставляла бездомных в Фоллсмозе отдавать денежные пособия и продавать наркотики, запугивая путем избиений, отрезания пальцев, убийств, в том числе и представителей власти. По мнению И. Стойберг, банды иммигрантов из африканских стран — дестабилизирующий фактор в силу беспрецедентной готовности к насилию и демонстрационному нежеланию к интеграции. Программы ресоциализации для них не работают, единственный выход — их депортация.

Негативный дискурс вокруг мигрантов из западных (преимущественно мусульманских) стран политически артикулирован и влияет на процесс принятия решений. Масштабное статистическое исследование 2019 года выявило значительное превышение национального индекса преступности (принят за 100) иммигрантами во втором поколении из Ливана (373), Сомали (313), Сирии (287), Пакистана (276), Марокко (265), Ирака (229), Турции (247)¹⁴, что свидетельствует о низком интеграционном потенциале выходцев из данных стран. Как уже отмечалось, в ноябре 2020 года. Министерство иммиграции и интеграции Дании ввело новую классификацию мигрантов (этнических меньшинств), выделив среди мигрантов западного происхождения выходцев из Северной Африки и Ближнего Востока с учетом у них более высокого уровня преступности и более низкого уровня занятости¹⁵.

Правая и политическая повестка в сфере иммиграции

Иммиграционный контроль и интеграция мигрантов — острая политическая тема в предвыборных дебатах XXI века. На выборах в 2015 году ДНП удвоила свою долю голосов и стала второй партией в парламенте. Проведя избирательную кампанию с лозунгами ограничения миграции, партия приобрела сторонников за пределами больших городов, где экономический рост был медленным и сократилась государственная помощь. После этих выборов ДНП оказала решающую поддержку правительству правоцентристского меньшинства во главе с премьер-министром Ларсом Локке Расмуссеном, хотя не входила в состав правительства. Для традиционных партий Дании это создало эффект «латентного» завоевания избирателей: члены правящей партии Венстре — премьер-министр Л. Л. Расмуссен, министр иммиграции и интеграции И. Стойберг — повлияли на увеличение электоральной поддержки своей партии.

Дания, как и Швеция, подтверждает общую тенденцию роста популярности праворадикальных партий в ЕС [25, с. 183]. До 1980-х годов правые радикалы в европейских странах стигматизировались как маргиналы и не пользовались успехом на выборах. Постепенный рост электоральной поддержки от 1 (вторая поло-

¹³ Immigrant gangs plague Denmark and the only solution is deportation: former immigration minister, 2020, *Remix News*, URL: <https://rmx.news/article/commentary/immigrant-gangs-plague-denmark-and-the-only-solutin-is-deportation-former-immigration-minister> (дата обращения: 11.11.2021).

¹⁴ Indvandrerne i Danmark 2020, 2020, *Danmarks Statistik*, Udgivet af Danmarks Statistik. December 2020, p. 108. URL: <https://www.dst.dk/Site/Dst/Udgivelser/GetPubFile.aspx?id=29447&sid=indv2020> (дата обращения: 11.11.2021).

¹⁵ Denmark: New statistics category for migrants from Muslim countries, 2020, *European Commission*, URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/denmark-new-statistics-category-for-migrants-from-muslim-countries> (дата обращения: 11.11.2021).

вина 1980-х годов) до 15,4 % (2018)¹⁶ оказывает качественные изменения в электоральных предпочтениях избирателей в Европе, реагирующих на размывание национальной идентичности и другие последствия либеральной иммиграционной политики. В либеральных демократиях происходит смешение программно-политических и идеологических позиций партий и движений, что объясняется эффектом институционального изоморфизма [26, с. 36]. В политической науке используется схожее понятие — «эффект заражения» (contagion effect), введенное М. Дюверже. Современные исследователи указывают на «эффект заражения», возникающий вследствие электорального успеха праворадикальных партий (far-right contagion) [27, р. 417]. Этаблированные партии перехватывают политическую повестку, артикулируемую лидерами праворадикальных партий.

Выборы в парламент в 2019 году преподнесли сюрприз — ДНП потерпела поражение (8,7 % голосов вместо 21,1 % в 2015 году). Ситуация, на первый взгляд, странная. Основной темой избирательной кампании была иммиграция, а она является главным пунктом программы ДНП. Но бенефициарами стали Социал-демократическая партия (25,9 %) и либерально-консервативная Венстре (23,4 %). Основные причины провала ДНП — «перехват повестки» рестриктивной иммиграционной политики правительством Расмуссена, приведшей к резкому сокращению притока беженцев. Произошел и явный сдвиг вправо социал-демократов, поддерживавших в фолькетинге в предыдущие четыре года антииммиграционные законы, проголосовавших вместе с правительством более чем в 90 % случаев [28]. Н.С. Плевако, характеризуя итоги парламентских выборов 2019 года, отмечает: «...И правоцентристские партии и ДНП, а теперь и социал-демократы связывают спасение государства благосостояния с рестриктивной политикой по отношению к иммигрантам и беженцам, ибо в них видят незаконных потребителей социальных благ» [29, с. 45].

Третьего июня 2021 года фолькетинг принял закон, позволяющий депортировать просителей убежища в страны за пределами Европы, игнорируя призывы отменить законодательство со стороны НПО и Организации Объединенных Наций. Законопроект был внесен социал-демократическим правительством во главе с премьер-министром Метте Фредериксен («за» проголосовали 70 депутатов, «против» — 24). «Если вы подаете заявление о предоставлении убежища в Дании, вы знаете, что вас отправят обратно в страну за пределами Европы, и поэтому мы надеемся, что люди перестанут искать убежища в Дании», — сказал официальный представитель правительства Расмус Стоклунд, цитируемый информационным агентством Reuters¹⁷. Дела о предоставлении убежища будут рассматриваться в третьей стране, и заявителю потенциально может быть предоставлена защита в этой стране. Правозащитные организации опасаются, что теперь существует риск того, что страны, принимающие большее количество беженцев, также откажутся от участия. В мае 2021 года Дания подписала миграционное соглашение с Руандой, что привело к предположению, что она намеревается открыть там центр.

Такими образом, в Дании сформировался консенсус основных политических сил относительно целей и методов иммиграционной политики. Интересы национальной безопасности доминируют над гуманитарными обязательствами, проявляясь в максимально возможном ограничении доступа иммигрантов к системам государства благосостояния.

¹⁶ *Timbro Authoritarian Populism Index 2019*, 2019, URL: <https://populismindex.com/wp-content/uploads/2019/02/TAP2019C.pdf> (дата обращения: 26.10.2021).

¹⁷ Denmark asylum: Law passed to allow offshore asylum centres, 2021, *BBC news*, 03.06.2021, URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-57343572> (дата обращения: 24.09.2021).

Политика интеграции мигрантов на муниципальном уровне

Муниципалитеты — активные участники в сфере интеграции мигрантов, их политика, особенно крупных муниципалитетов, имеет немало новаций. Например, Орхус, второй по численности город Дании, первым приступил к формированию политики интеграции (1996), на три года раньше, чем это произошло на национальном уровне. В дальнейшем муниципалитет Орхуса предпринимал самостоятельные усилия (создание экспертно-аналитического центра, изучение британского опыта, разработка программ интеграции). Более того, бывший мэр Орхуса Т. Симонсен в 1997 году был назначен министром внутренних дел и инициировал принятие Закона об интеграции [30, р. 328]. Основная цель политики интеграции — обеспечение социальной сплоченности через достижение равенства прав, обязанностей, возможностей участия в жизни города для представителей этнокультурных меньшинств. Гражданское участие поощряется посредством формальных и неформальных сетей, площадок для диалога муниципалитета с мигрантами, встреч и слушаний, вплоть до участия иммигрантов в разработке и реализации политики интеграции. Политика интеграции определяет цели и результаты в четырех целевых областях — социальное гражданство, антидискриминация, образование, занятость и жилье.

Еще один пример — политика муниципальных властей Копенгагена в отношении мигрантов, по мнению экспертов, включающая принципы мультикультурализма, хотя, как говорилось выше, он в Дании критиковался. Власти Копенгагена определяют два аспекта в политике интеграции: 1) решение социальных проблем в таких областях, как школа, образование, занятость, здравоохранение и городское планирование; 2) гражданская активность, борьба с дискриминацией, участие в ассоциациях и обеспечении безопасности города.

Копенгаген для измерения результатов интеграционной политики первым (2006) внедрил такой инструмент, как «барометр интеграции», измеряющий ее по индикаторам: трудоустройство, образование, знание языка, гражданская активность, дискриминация, самоопределение и гендерное равенство, районы гетто, преступность.

Муниципалитеты Дании обладают значительной свободой и независимостью в управлении интеграционной политикой и адаптируют ее в разных направлениях. Этому способствует выборность руководящих органов власти на региональном (окружном) и муниципальном уровнях. Закон о местном самоуправлении (2010) расширил полномочия муниципалитетов в решении задач местного сообщества. Общая основа политики разрабатывается центральным правительством, а реализуется на местном уровне. Государство обеспечивает социальные пособия, но практически все социальные выплаты осуществляются муниципальными органами власти, в частности выплата пособий и программы помощи беженцам и иммигрантам. Муниципалитеты для своих программ также используют финансирование из фондов ЕС, например *URBACT* (*Urban Action*)¹⁸. Европейская программа городского развития оказывает поддержку в разработке и реализации концепций, включая социальную интеграцию и содействие занятости (участвуют 8 городских муниципалитетов). Ее финансируют Европейский фонд регионального развития (ERDF), а также Норвегия и Швейцария. С 2016 года в программе участвует г. Орхус, разработавший собственную концепцию активного гражданства.

Выводы

Таким образом, иммиграционная политика Королевства Дания, регулярно становящаяся объектом критики со стороны руководства Евросоюза и ряда стран-членов за нарушения международных норм в сфере прав человека и предоставления

¹⁸ *URBACT i Danmark*, 2021, URL: <https://urbact.eu/urbact-i-danmark> (дата обращения: 14.11.2021).

убежища, за прошедшие два десятилетия лишь усилила свой рестриктивный вектор. Консенсус крупных политических партий обеспечил праворадикальную антииммиграционную повестку, что помогло социал-демократам и Венстре сохранить доминирующее положение, а в 2019 году на парламентских выборах нанести поражение ДНП.

Датский ответ на мультикультурализм был преимущественно негативным. Иммиграция граждан из третьих стран, способствующая размыванию национальной идентичности, воспринималась правительством как проблема, а праворадикалами как угроза, а не как ресурс. И в СМИ, и в общественном мнении инокультурные мигранты все чаще рассматривались как бремя для праворадикальной повестки «государства благосостояния для своих» и стигматизировались. Такой дискурс прочно укоренился в Дании, что легитимизировало постоянство курса на ужесточение иммиграционной политики независимо от смены правительства. Ответом на угрозы размывания датской идентичности стала политика интеграции инокультурных мигрантов, в которой рестрикция сочеталась с усвоением гражданских ценностей через практики участия мигрантов в делах местного сообщества. Большое значение придается трудоустройству беженцев. Дания выработала многоуровневое управление в сфере интеграции мигрантов, в котором муниципалитеты обладают большой самостоятельностью.

Дания, которая одной из первых в Евросоюзе приняла закон об интеграции мигрантов, идет в авангарде европейских либеральных демократий и в части пересмотра взглядов на обязательства по приему беженцев. Новый подход состоит в том, что предоставление убежища осуществляется за пределами Евросоюза, чтобы люди получали защиту в непосредственной близости от конфликтов, как это происходит с открытием центра по приему беженцев в Руанде. Мы характеризуем политику Дании в сфере интеграции мигрантов в целом как прагматичную, исходящую из интересов принимающего общества, ориентированную на мигрантов из западных стран с высоким интеграционным потенциалом и предоставляющую возможности тем инокультурным мигрантам, которые стараются стать полноценными гражданами развитого демократического государства и вносить вклад в его благосостояние.

Список литературы

1. Jørgensen, M. 2011, Understanding the research — policy nexus in Denmark and Sweden: The field of migration and integration, *British Journal of Politics & International Relations*, no. 13 (1), p. 93—109. doi: 10.1111/j.1467—856X.2010.00441.x.
2. Jensen, K. K., Fernández, C., Brochmann, G. 2017, Nationhood and Scandinavian naturalization politics: varieties of the civic turn, *Citizenship Studies*, № 21 (5), p. 606—624. doi: 10.1080/13621025.2017.1330399.
3. Scholten, P., Baggerman, F., Dellouche, L. et al. 2017, *Policy Innovation in Refugee Integration? A Comparative Analysis of Innovative Policy Strategies toward Refugee Integration in Europe*, Rotterdam: Erasmus Migration and Diversity Institute, 95 p.
4. Olwig, K., Romme Larsen, B., Rytter, M. (eds.) 2013, *Migration, Family and the Welfare State: Integrating Migrants and Refugees in Scandinavia*, Routledge, 186 p.
5. Brochmann, G., Hagelund, A. 2012, *Immigration policy and the Scandinavian welfare state 1945—2010*, Houndmills, Palgrave Macmillan, 297 p.
6. Olwig, K. 2011, “Integration”: Migrants and Refugees between Scandinavian Welfare Societies and Family Relations, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, № 37, p. 179—196. doi: 10.1080 / 1369183X.2010.521327.
7. Sainsbury, D. 2012, *Welfare states and immigrant rights: the politics of inclusion and exclusion*, Oxford, Oxford University Press, 326 p.
8. Бутенко, В. А. 2020, Трансформация интеграционной политики Дании, *Вестник Поволжского института управления*, Т. 20, № 4, с. 24—30.

9. Волков, А. М. 2020, Миграционные потоки в странах Северной Европы, *Вестник Дипломатической академии МИД России*, № 1 (23), с. 126—142.
10. Паникар, М. М., Васева, О. А. 2015, Специфика миграционных процессов на севере Европы (на примере Королевства Дания), *Арктика и Север*, № 21, с. 42—51.
11. Талалаева, Е. Ю., Пронина, Т. С. 2020, Этноконфессиональные иммигрантские гетто как проблема национальной безопасности в современном общественно-политическом дискурсе Дании, *Балтийский регион*, Т. 12, № 3, с. 55—71. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-4.
12. Шадрина, О. Н., Матвеева, Е. А. 2020, Современное состояние миграционной политики Дании в зеркале статистики (2015—2020 гг.), *Гуманитарный Научный вестник*, № 7, с. 1—10. doi: <http://doi.org/10.5281/zenodo.3979356>.
13. Van Klingeren, M., Boomgaarden, H. G., Vliegthart, R., de Vreese, C. H. 2015, Real world is not enough: The media as an additional source of negative attitudes toward immigration, comparing Denmark and the Netherlands, *European Sociological Review*, № 31 (3), p. 268—283. doi: 10.1093/esr/jcu089.
14. Madsen, J. 2004, *Mediernes konstruktion af flygtninge- og indvandrerspørgsmålet*, Magtudredningen, 95 p.
15. Hernes, V. 2018, Cross-national convergence in times of crisis? Integration policies before, during and after the refugee crisis, *West European Politics*, № 41 (6), p. 1305—1329. doi: 10.1080/01402382.2018.1429748.
16. Kanellopoulos, K., Duru, D. N., Zschache, U., Loukakis, A., Kousis, M., Trenz, H.-J. 2020, Transnational Solidarity, Migration, and the Refugee Crisis. In: Formal Organizing and Political Environments in Greece, Germany, and Denmark, *Sociological Research Online*, July. doi: 10.1177/1360780420937030.
17. De Genova, N. 2018, The ‘migrant crisis’ as racial crisis: Do Black Lives Matter in Europe? *Ethnic & Racial Studies*, № 41 (10), p. 1765—1782. doi: 10.1080/01419870.2017.1361543.
18. Koos, S., Seibel V. 2019, Solidarity with refugees across Europe. A comparative analysis of public support for helping forced migrants, *European Societies*, № 21 (5), p. 704—728. doi: 10.1080/14616696.2019.1616794.
19. Jørgensen, M. B. 2014, *Decentralizing immigrant integration: Denmark’s mainstreaming initiatives in employment, education, and social affairs*, Brussels, Migration Policy Institute Europe, 32 p.
20. Borevi, K., Bengtsson, B. 2015. The tension between choice and need in the housing of newcomers: A theoretical framework and an application on Scandinavian settlement policies. *Urban Studies*, № 52 (14), p. 2599—2615. doi: 10.1177/0042098014548137.
21. Lægaard, S. 2013, Danish Anti-Multiculturalism? The Significance of the Political Framing of Diversity. In: Kivisto, P., Wahlbeck, Ö. (eds.), *Debating Multiculturalism in the Nordic Welfare States*, p. 170—196, Palgrave Macmillan, Palgrave Politics of Identity and Citizenship Series, 345 p.
22. Kvist, J. 2018, First results of the U-turn in Danish migration and integration policies, *ESPN Flash Report*, URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=19985&langId=en> (accessed 12.01.21).
23. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, № 8 (13). doi: 10.1186/s40878-019-0169-8.
24. Hovden, J., Mjelde, H., Gripsrud, J. 2018, The Syrian refugee crisis in Scandinavian newspapers, *Communications*, № 43 (3), p. 325—356. doi: 10.1515/commun-2018-0013.
25. Шапаров, А. Е., Синькова, Е. В. 2020, Демаргинализация правого радикализма в европейском политическом процессе, *Современная Европа*, № 5, с. 182—192. doi: 10.15211/soveurope52020182192.
26. DiMaggio, P. J., Powell, W. W. 2010, A new look at the “iron cage”: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields, *Economic sociology*, vol. 11, № 1, p. 34—56.
27. Rydgren, J. 2005, Is extreme right-wing populism contagious? Explaining the emergence of a new party family, *European Journal of Political Research*, № 44, p. 413—437. doi: 10.1111/j.1475-6765.2005.00235.x.
28. Kampmark, B. 2019, The Danish Elections: Social Democracy with an Inhumane Face, *CounterPunch*, 12 June, URL: <https://www.counterpunch.org/2019/06/12/the-danish-elections-social-democracy-with-an-inhumane-face/> (accessed 21.01.2021).

29. Плевако, Н. С. 2019, Парламентские выборы в Дании, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 3 (9), с. 42—48 (стр. 45).

30. Myrberg, G. 2017, Local challenges and national concerns: municipal level responses to national refugee settlement policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, № 2, p. 322—339. doi: 10.1177/0020852315586309.

Об авторах

Владимир Михайлович Капицын, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии, МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: kapizin@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9693-6844>

Арбахан Курбанович Магомедов, доктор политических наук, главный научный сотрудник и профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: armagomedov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>

Александр Евгеньевич Шапаров, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0915-4730>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

IMMIGRATION POLICY AND INTEGRATION OF MIGRANTS IN THE KINGDOM OF DENMARK AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

V. M. Kapitsyn¹

A. K. Magomedov²

A. E. Shaparov³

¹ Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia

² Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia

³ Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov,
17 Nab. Severnaya Dvina, Arkhangelsk, 163002, Russia

Received 30.04.2021

doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-7

© Kapitsyn, V. M., Magomedov A. K.,
Shaparov, A. E., 2022

Denmark upholds high standards of human rights as long as the interests of its citizens are concerned but erects barriers for migrants with a dissimilar cultural background who might threaten the security of the national community. The Danish tradition of liberalism, humanism and the welfare state coexists with one of Europe's most restrictive policies towards third-country immigrants. This article traces the evolution of management approaches to developing the immigration policy and integrating foreign cultural migrants in Denmark; the value determinants of these changes are described. Using the neo-institutional methodology, the authors analyse how the value determinants of Denmark's immigration policy evolved and look at the national norms and practices of integrating migrants having a different cultural background. A restrictive immigration policy was made possible by a consensus between the main political forces — the left Social Democratic Party and the right Liberal Party Venstre, both willing to keep in check electoral support for the radical right-wing parties (the effect of 'contagion from the right' in Maurice Duverger's terms). The object of Denmark's restrictive integration policy is migrants with a different cultural background (mainly from Muslim countries). The government takes systematic measures to restrict their access to the country. As to migrant integration, the focus has shifted to 'hard' assimilation of civic democratic values, benefits linked to employment, and deportation of migrants who have committed crimes.

Keywords:

immigration policy, Denmark, integration of migrants, refugees, political parties, securitisation of migration, identity

References

1. Jørgensen, M. 2011, Understanding the research — policy nexus in Denmark and Sweden: The field of migration and integration, *British Journal of Politics & International Relations*, № 13 (1), p. 93—109. doi: 10.1111/j.1467856X.2010.00441.x.
2. Jensen, K.K., Fernández, C., Brochmann, G. 2017, Nationhood and Scandinavian naturalization politics: varieties of the civic turn, *Citizenship Studies*, № 21 (5), p. 606—624. doi: 10.1080/13621025.2017.1330399.
3. Scholten, P., Baggerman, F., Dellouche, L. et al. 2017, *Policy Innovation in Refugee Integration? A Comparative Analysis of Innovative Policy Strategies toward Refugee Integration in Europe*, Rotterdam: Erasmus Migration and Diversity Institute, 95 p.
4. Olwig, K., Romme Larsen, B., Rytter, M.(eds.) 2013, *Migration, Family and the Welfare State: Integrating Migrants and Refugees in Scandinavia*, Routledge, 186 p.
5. Brochmann, G., Hagelund, A. 2012, *Immigration policy and the Scandinavian welfare state 1945—2010*, Houndmills, Palgrave Macmillan, 297 p.
6. Olwig, K. 2011, "Integration": Migrants and Refugees between Scandinavian Welfare Societies and Family Relations, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, № 37, p. 179—196. doi: 10.1080/1369183X.2010.521327.
7. Sainsbury, D. 2012, *Welfare states and immigrant rights: the politics of inclusion and exclusion*, Oxford, Oxford University Press, 326 p.
8. Butenko, V. A. 2020. Transformation of the integration policy of Denmark, *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia* [Bulletin of the Volga Institute of Management], vol. 20, № 4, p. 24—30 (in Russ.).
9. Volkov, A. M. 2020. Migration flows in the Nordic countries, *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry], no. 1 (23), p. 126—142 (in Russ.).
10. Panikar, M. M., Vaseva, O. A. 2015. Specificity of migration processes in the north of Europe (on the example of the Kingdom of Denmark), *Arktika i Sever* [Arctic and North], № 21, p. 42—51 (in Russ.).
11. Talalaeva, E. Yu., Pronina, T. S. 2020. Ethno-confessional immigrant ghettos as a national security problem in Denmark's social and political discourse, *Balt. Reg.*, vol. 12, № 3, p. 55—71. doi:10.5922/2079-8555-2020-3-4.
12. Shadrina, O. N., Matveeva, E. A. 2020. The current state of the migration policy of Denmark in the mirror of statistics (2015—2020), *Gumanitarnyi Nauchnyi Vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin], № 7, p. 1—10. doi: <http://doi.org/10.5281/zenodo.3979356> (in Russ.).

13. Van Klingeren, M., Boomgaarden, H. G., Vliegthart, R., de Vreese, C. H. 2015, Real world is not enough: The media as an additional source of negative attitudes toward immigration, comparing Denmark and the Netherlands, *European Sociological Review*, № 31 (3), p. 268—283. doi: 10.1093/esr/jcu089.
14. Madsen, J. 2004, *Mediernes konstruktion af flygtninge- og indvandrerspørgsmålet*, Magtudredningen, 95 p.
15. Hernes, V. 2018, Cross-national convergence in times of crisis? Integration policies before, during and after the refugee crisis, *West European Politics*, № 41 (6), p. 1305—1329. doi: 10.1080/01402382.2018.1429748.
16. Kanellopoulos, K., Duru, D. N., Zschache, U., Loukakis, A., Kousis, M., Trenz, H-J. 2020, Transnational Solidarity, Migration, and the Refugee Crisis. In: Formal Organizing and Political Environments in Greece, Germany, and Denmark, *Sociological Research Online*, July. doi: 10.1177/1360780420937030.
17. De Genova, N. 2018, The 'migrant crisis' as racial crisis: Do Black Lives Matter in Europe? *Ethnic & Racial Studies*, № 41 (10), p. 1765—1782. doi: 10.1080/01419870.2017.1361543.
18. Koos, S., Seibel V. 2019, Solidarity with refugees across Europe. A comparative analysis of public support for helping forced migrants, *European Societies*, № 21 (5), p. 704—728. doi: 10.1080/14616696.2019.1616794.
19. Jørgensen, M. B. 2014, *Decentralizing immigrant integration: Denmark's mainstreaming initiatives in employment, education, and social affairs*, Brussels, Migration Policy Institute Europe, 32 p.
20. Borevi, K., Bengtsson B. 2015. The tension between choice and need in the housing of newcomers: A theoretical framework and an application on Scandinavian settlement policies. *Urban Studies*, № 52 (14), p. 2599—2615. doi: 10.1177/0042098014548137.
21. Lægaard, S. 2013, Danish Anti-Multiculturalism? The Significance of the Political Framing of Diversity. In: Kivisto, P., Wahlbeck, Ö. (eds.), *Debating Multiculturalism in the Nordic Welfare States*, p. 170—196, Palgrave Macmillan, Palgrave Politics of Identity and Citizenship Series, 345 p.
22. Kvist, J. 2018, First results of the U-turn in Danish migration and integration policies, *ESPN Flash Report*, URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=19985&langId=en> (accessed 12.01.21).
23. Hagelund, A. 2020, After the refugee crisis: public discourse and policy change in Denmark, Norway and Sweden, *Comparative Migration Studies*, № 8 (13). doi: 10.1186/s40878-019-0169-8.
24. Hovden, J., Mjelde, H., Gripsrud, J. 2018, The Syrian refugee crisis in Scandinavian newspapers, *Communications*, № 43 (3), p. 325—356. doi: 10.1515/commun-2018-0013.
25. Шапаров, А. Е., Sinkova, E. V. 2020. Demarginalization of right-wing radicalism in the European political process, *Sovremennaya Evropa*, № 5, p. 182—192. doi: 10.15211/soveurope5202018219.
26. DiMaggio, P. J., Powell, W. W. 2010, A new look at the "iron cage": institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields, *Economic sociology*, vol. 11, № 1, p. 34—56.
27. Rydgren, J. 2005, Is extreme right-wing populism contagious? Explaining the emergence of a new party family, *European Journal of Political Research*, № 44, p. 413—437. doi: 10.1111/j.1475-6765.2005.00233.x.
28. Kampmark, B. 2019, The Danish Elections: Social Democracy with an Inhumane Face, *CounterPunch*, 12 June, URL: <https://www.counterpunch.org/2019/06/12/the-danish-elections-social-democracy-with-an-inhumane-face/> (accessed 21.01.2021).
29. Plevako, N. S. 2019, Parliamentary elections in Denmark, *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN* [Scientific-analytical bulletin of the Institute of Europe RAS], № 3 (9), p. 42—48 (in Russ.).
30. Myrberg, G. 2017, Local challenges and national concerns: municipal level responses to national refugee settlement policies in Denmark and Sweden, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 83, № 2, p. 322—339. doi: 10.1177/0020852315586309.

The authors

Prof. Vladimir M. Kapitsyn, Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: kapizin@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9693-6844>

Prof. Arbahan K. Magomedov, Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: armagomedov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>

Prof. Alexander E. Shaparov, Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: a.shaparov@narfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0915-4730>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ СНГ И БАЛТИИ В «АРЕАЛЕ ПЕРЕКРЫТИЯ» ЕВРАЗИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОДСИСТЕМ В 1990—2020-Е ГОДЫ

С. В. Рязанцев^{1, 2, 3}

И. Н. Молодилов⁵

О. Д. Воробьева^{2, 4}

¹ Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

² Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6/1

³ МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

⁴ МГУ имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

⁵ Центрально-европейский университет,
Вена, Австрия

Поступила в редакцию 20.03.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-8

© Рязанцев С. В., Молодикова И. Н.,
Воробьева О. Д., 2022

Проанализирована ситуация с миграцией из стран приграничья («ареала перекрытия») двух миграционных подсистем — Евразийской (с центром в Российской Федерации) и Европейской (Евросоюз) с 1991 по 2021 год (до последних событий на Украине). На примере стран бывшего СССР: Республики Беларусь, Латвийской Республики, Литовской Республики, Республики Молдова, Украины и Эстонской Республики — был проведен поэтапный анализ миграционной ситуации в перечисленных странах, рассмотрены двусторонние и многосторонние миграционные процессы и основные факторы, влияющие на их развитие, с одной стороны, и показаны меры в области миграционной политики и их влияние на регулирование миграционных процессов в странах «ареала перекрытия» — с другой. Данные государства, оказавшись между двумя центрами крупных миграционных подсистем в Евразии (Евразийской и Европейской, а иначе — между Российской Федерацией и Евросоюзом), подвергаются их сильному влиянию и «конкурентному тяготению». Сила данного тяготения зависит не только от факторов притяжения и выталкивания, но и от привлекательности и непривлекательности миграционной политики, доминирующей в данных миграционных подсистемах в конкретный момент времени.

Ключевые слова:

миграционные подсистемы, миграционные процессы, миграционная политика, вынужденные миграции, трудовые миграции

Введение

Распад социалистического лагеря и образование на месте СССР пятнадцати независимых государств кардинальным образом поменяли миграционную ситуацию в Восточной Европе, которая ранее была отделена железным занавесом от осталь-

Для цитирования: Рязанцев С. В., Молодикова И. Н., Воробьева О. Д. Миграция и миграционная политика в странах СНГ и Балтии в «ареале перекрытия» Евразийской и Европейской подсистем в 1990—2020-е годы // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 115—143. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-8.

ной Европы. Вновь образованные страны оказались в разной социально-экономической и геополитической ситуации. Реакцией на политические и экономические трансформации стало изменение миграционного поведения населения, которое получило возможность менять место постоянного жительства, страну трудоустройства и обучения. По направлениям, масштабам и видам миграционных потоков можно судить об успешности преобразований, происходивших в независимых государствах. С точки зрения миграции тридцатилетний период в Восточной Европе и постсоветском пространстве не был равномерным и мирным. Продолжается нациестроительство в новых, вновь образованных государствах. Неустоявшиеся границы, сохранившееся с времен СССР, смешанность населения и слабость демократических институтов поддерживают межэтническую напряженность и провоцируют межнациональные конфликты. В 1990-е годы наиболее активно происходила вынужденная миграция, ставшая следствием распада СССР. Для большинства мигрантов из стран бывшего СССР центром притяжения стала Российская Федерация в силу близости социокультурных и родственных связей. В то же время открывшиеся границы способствовали увеличению эмиграции из всех бывших союзных республик. И если первоначально она носила стрессовый характер, то к концу 1990-х годов трансформировалась в трудовую миграцию. С первой половины 2000-х годов трудовая миграция становится основным видом миграции в бывшем СССР. Для стран Балтии, ставших членами Евросоюза, открываются возможности рынков труда стран Западной Европы. В 2000-е годы нарастает эмиграция за рубеж на постоянное место жительства. Этнические конфликты время от времени вспыхивают, порождая потоки беженцев в западные страны.

В 2010-е годы также растет миграционная активность молодежи — увеличивает образовательная миграция в страны Восточной и Западной Европы из республик бывшего СССР. Однако усиливающаяся разновекторность политического развития порождает внутреннюю нестабильность в них, обостряя нерешенные проблемы национальных меньшинств и территориальных притязаний и, как следствие, приводя к новым потокам беженцев. Политический кризис с военными действиями на Украине, революции в Киргизии, выступления в России создают потоки вынужденных мигрантов в обоих направлениях.

Начало 2020-х годов принесло мировую пандемию с ограничениями мобильности, что спровоцировало массовые возвратные миграции, особенно в страны-поставщики, включая страны Балтии и страны, пограничные с ЕС (Украину, Беларусь и Молдову). Экономическая нестабильность многих стран — экспортеров рабочей силы возросла, на этом фоне отвлекающие политические конфликты возобновились с новой силой, вызвав потоки беженцев в западном и российском направлениях (карабахский конфликт, киргизско-таджикские приграничные конфликты, события в Беларуси, Казахстане и специальная военная операция на Украине).

Теоретические рамки исследования

В данной статье обсуждаются факторы, влияющие на функционирование миграционных систем на территории Европы. На европейском континенте в настоящее время можно условно выделить две миграционные подсистемы. Первая — подсистема Евросоюза, которая притягивает миграционные потоки из стран Восточной Европы, бывшего СССР, стран Африки и Ближнего Востока. Вторая имеет центр в Российской Федерации, которая является «магнитом» для притяжения мигрантов из стран Центральной Азии, Южного Кавказа и европейских государств бывшего СССР. Данная дихотомия оказывает влияние на тренды и масштабы миграционных потоков в Европе [1].

Мы придерживаемся мнения, что существует единая миграционная мировая система, в которой функционируют подсистемы (в том числе Европейская и Ев-

разийская) как составные части. Однако, рассматривая взаимодействие и развитие отдельных подсистем, мы используем общепринятую терминологию, согласно которой региональные миграционные устойчивые связи определяются как «миграционные системы». Молдова, Украина, Беларусь, Латвия, Литва, Эстония после обретения независимости оказались в «ареале перекрытия» Европейской и Евразийской миграционных подсистем. Российская Федерация стала крупным региональным центром притяжения мигрантов из Евразии как за счет своей социально-экономической привлекательности, так и благодаря заключению политических союзов, соглашений, договоров, программ (ЕАЭС, СНГ, ОДКБ и др.). Географическое расположение Молдовы, Украины, Беларуси и русскоязычного населения стран Балтии делает возможным выбор мигрантами между Россией и Евросоюзом.

Три страны Балтии вступили в ЕС в 2004 году и стали членами НАТО, введя визовый режим с соседними странами — нечленами ЕС. Русскоязычное население в них со статусом неграждан и ПМЖ имеет право мобильности в ЕС и в Россию.

Украина вышла из СНГ, подписала ассоциативный договор с ЕС и претендует на вступление в НАТО, имеет безвизовый режим и с ЕС, и со странами СНГ. Молдова сохранила членство в СНГ и подписала ассоциативный договор с ЕС, а также имеет безвизовый режим с востоком и западом. Беларусь составила союзное государство с Россией, сохранила независимость и имеет определенные миграционные преференции с ЕС¹. Таким образом, эти страны, как мы показываем в статье, имеют особенности миграционной политики в силу собственных политических ориентиров и своего географического положения.

Для выявления влияния миграционной политики на формирование миграционных потоков миграционная ситуация в странах приграничья рассматривается в контексте теории миграционных систем и влияния Евразийской и Европейской подсистем [2; 3]. С точки зрения Д. Мессея и его коллег, совпадающей с мнением авторов более раннего исследования [4], мигранты из одной и той же страны могут переселяться в страны различных миграционных систем, но это, как правило, более распространено среди отправляющих стран. Изменение направлений миграционных потоков из той или иной страны связано с социальными переменами, экономическими или политическими проблемами. В работе [3] также утверждается, что такая система стран должна иметь интенсивный обмен информацией и мигрантов разного типа (туристов, студентов, рабочих и т. д.), которые также создают потоки товаров, капитала и идей. Как отмечают некоторые авторы, миграционную систему скрепляют экономические, культурные, политические и другие виды связей. А обмен людьми, товарами и капиталом стран системы должен быть более интенсивным внутри нее, чем со странами вовне [5; 6].

В мировом масштабе выделяются несколько миграционных систем (в нашей трактовке «подсистем»): Североамериканская, Европейская, стран Персидского залива, Азиатско-Тихоокеанская, Южноамериканская, Евразийская. Анализ пяти первых достаточно подробно сделан в западной литературе [7—9]. Также были выделены и описаны региональные подсистемы: США — Мексика, Северная Африка — Европа, Германия — Турция [2; 10; 11]. Европейская миграционная подсистема имеет различные связывающие факторы: 1) совпадение миграционной политики стран, входящих в подсистему; 2) тесные экономические и политические связи между этими странами; 3) сопоставимый уровень экономического развития (сходный культурный фон); 4) географическая близость; 5) общие модели миграции. Страны Евросоюза объединяют единая финансовая, правовая, экономическая и общая системы политики [8; 12]. Эта система имеет четыре подсистемы с разными миграционными режимами [13]. Д. Мессей и Х. Злотник считают, что европей-

¹ Приграничные страны ЕС ввели со странами Восточного партнерства (Молдовой и Украиной) режим свободного пограничного передвижения [58].

ская миграционная подсистема существует благодаря Римскому договору как основе ЕС, обеспечивающему циркуляцию населения, а также общему рынку труда, капитала, услуг [8].

Концептуализация понятия Евразийской миграционной системы была осуществлена в России [13; 14]. Так, И. В. Ивахнюк определяет Евразийскую миграционную систему как группу стран постсоветского пространства, связанных между собой устойчивыми и многочисленными миграционными потоками, которые обусловлены взаимодействием ряда факторов: исторических, экономических, политических, демографических, социально-этнических, географических и других [13]. В коллективной работе под руководством С. В. Рязанцева (2020) [15] были обоснованы определение и содержание понятия «миграционный коридор» как формы устойчивых миграционных связей между посылающими и принимающими странами. На территории бывшего СССР сложились три миграционных коридора (Евроазиатский, Славянский, Кавказский), которые являются частью Евразийской миграционной подсистемы.

Связи стран Европы, находящихся между двумя миграционными подсистемами, делают миграционную ситуацию в них достаточно своеобразной, не похожей на ситуацию в остальных государствах бывшего СССР. Например, страны Балтии после обретения независимости сразу ввели визовый режим со странами бывшего СССР, хотя и сохранили определенные миграционные связи с ними, но постепенно основательно интегрировались в миграционную подсистему Евросоюза, став донорами трудовых ресурсов для рынков труда стран Западной Европы, прежде всего Великобритании, Ирландии, Финляндии, Швеции. Украина и Молдова оказались «между двух огней»: сохраняют прочные миграционные связи с Россией, но в то же время активно отдают трудовых и образовательных мигрантов в Европу, в том числе новым членам Евросоюза (Чехии, Венгрии, Польше, Словакии). Беларусь также вступила в общий рынок труда ЕАЭС, достаточно тесно интегрировавшись с Россией, создав единое миграционное пространство.

Д. Мессей и соавторы отмечали, что в 1980—1990-е гг. в Евросоюзе было шесть основных зон, характеризовавшихся активным и обширным обменом миграционными потоками [7]. По мере развития двух миграционных подсистем (Евразийской и Европейской), между ними постепенно усиливалось взаимодействие и количество контактных миграционных потоков увеличивалось. Ф. Дюваль и соавторы связывают это с возникновением новых форм мобильности в приграничных зонах Восточной Европы [16]. Например, несмотря на политический конфликт, украинские мигранты направляются в Россию как с трудовыми, образовательными целями, так и на постоянное место жительства. Украинцы являются главными соискателями российского гражданства все последние годы. Но в то же время нарастает поток трудовых и образовательных мигрантов из Украины в страны Западной Европы. Очевидно, что рост разнообразия миграционных потоков в зоне приграничья Восточной Европы сопровождается проявлением возможностей миграционного выбора населения между как добровольными, так и вынужденными обстоятельствами [17].

Фактор миграционной политики в странах-соседях (Российской Федерации и Евросоюзе) важен с точки зрения формирования миграционных потоков в странах Восточной Европы. Это показала недавняя ситуация в Республике Беларусь. Белорусские эмигранты до протестов 2021 года ориентировались главным образом на Россию, однако новые возможности получения статуса политических беженцев в Европе и риски быть депортированным из России за участие в протестах переориентировали потоки белорусских эмигрантов на Польшу, Украину, Литву, Чехию, другие страны ЕС. Фактически под влиянием новой геополитической ситуации и миграционной политики стран-соседей за короткий срок произошла диверсификация направления эмиграции из Беларуси в Россию в пользу Евросоюза [18].

Х. де Хаас, один из западных теоретиков миграционной науки, в статье «Формирование и упадок и миграционных систем», отмечает отсутствие объяснений становления миграционных систем как ростом системы устойчивых связей, так и несформированностью таких систем, несмотря на развитие подобных интенсивных связей в других ситуациях [17]. Позднее в коллективных работах с другими учеными им были опубликованы результаты исследований, анализирующих миграционную политику большого количества стран за пятьдесят лет [19; 20]. Рассматривая основные тенденции и движущие силы международной миграции за последнее столетие, авторы поднимают вопрос о том, насколько современные границы являются «в значительной степени неконтролируемыми», а также насколько эффективно государства регулируют миграцию.

Цель и гипотеза исследования, источники информации и методы исследования

Цель статьи — определение влияния миграционной ситуации на трансформацию миграционной политики некоторых стран приграничья (или «ареала перекрытия») бывшего СССР с Евросоюзом. В анализ авторы включают шесть государств: Республику Беларусь, Латвийскую Республику, Литовскую Республику, Республику Молдову, Украину, Эстонскую Республику. Для достижения поставленной цели последовательно решались следующие задачи: анализ трансформации миграционной ситуации в перечисленных регионах с рассмотрением двусторонних и многосторонних миграционных процессов и основных факторов, влияющих на их развитие, актуальных для каждого периода; меры в области миграционной политики и их влияние на регулирование миграционных процессов, использование основных инструментов миграционной политики, позволяющих реализовывать необходимые правовые и административные регуляторы миграционной ситуации в странах «ареала перекрытия». Гипотеза исследования заключается в том, что данные государства, оказавшись между двумя центрами крупных миграционных подсистем в Евразии (Евразийской и Европейской, а иначе между Российской Федерацией и центром Евросоюза), стали подвержены их сильному влиянию и «конкурентному тяготению». Сила данного притяжения зависит не только от факторов притяжения и выталкивания, но и от привлекательности и непривлекательности миграционной политики, доминирующей в данных миграционных подсистемах в конкретный момент времени. В статье была проанализирована ситуация с миграцией из стран приграничья («ареала перекрытия») в контексте формирования миграционной политики двух миграционных подсистем — Евразийской (с центром в Российской Федерации) и Европейской (Евросоюз) с 1991 по 2021 год (до последних событий на Украине).

Объектом исследования стали потоки эмигрантов из шести стран приграничья, или «ареала перекрытия» (Беларусь, Молдова, Украина, Латвия, Литва и Эстония), а предметом исследования — влияние миграционной политики Российской Федерации и стран Евросоюза на формирование и реализацию эмиграционных установок населения в шести странах «ареала перекрытия» в 1991 — 2021 годах. Основным потоком эмигрантов являются экономические (прежде всего трудовые) эмигранты, но в поле зрения также попадают образовательные и вынужденные мигранты. В статье использовался аналитический сравнительный метод оценки миграционного законодательства и миграционной ситуации в части эмиграции населения в шести странах. В качестве основных источников информации использовались миграционные законы Российской Федерации, Евросоюза и шести стран приграничья, или «ареала перекрытия». Статистической базой исследования стали данные по эмиграции, представленные в национальной статистике стран приграничья, данные

по иммиграции, представленные в статистике Российской Федерации², ОЭСР, национальной статистике стран Евросоюза, принимающих мигрантов из стран приграничья — МОМ, Всемирного банка, Программы развития ООН, МОТ, ЮНФПА.

Этапы эмиграции из стран приграничья, или «ареала перекрытия», в Восточной Европе

В исследовании были выделены шесть этапов (периодов) развития эмиграции в странах региона в контексте миграционной политики Российской Федерации и Евросоюза. Ключевыми отличительными характеристиками этапов (периодов) стали доминирующие факторы и тренды эмиграции в данный промежуток времени, формировавшиеся под влиянием не только внутренней социально-экономической и геополитической ситуации в странах происхождения мигрантов, но и миграционных режимов в Российской Федерации и Евросоюзе как центрах Евразийской и Европейской миграционных подсистем соответственно (табл. 1).

Первый период (этап) — «ранний постсоветский» (1991—1995)

В странах «буферной» зоны преобладали вынужденные мотивы эмиграции населения, которые формировались под влиянием политических и социально-экономических причин. Главными факторами выталкивающего характера были вооруженные конфликты, национальная политика, рост национализма, запрет на использование русского языка, спад производства, безработица. Эмиграция также носила этническую окраску, поскольку некоторые страны активно привлекали «соотечественников» на основе этнического происхождения (Германия — немцев, Израиль — евреев, Греция — греков, Румыния — молдаван, Венгрия — венгров, Польша — поляков, Болгария — бессарабских болгар). Например, в результате масштабной эмиграции к 2001 году количество евреев в Украине сократилось в пять раз. В Германию в начале 1990-х годов из Украины ежегодно эмигрировали 6—8 тыс. человек по немецкой и еврейской линии, а в Грецию выехали около 15 тыс. украинских греков [22]. Численность русских, украинцев, белорусов, поляков, немцев, греков, болгар в странах, не являвшихся материнскими, сократилась в 1997—2000 годах: в России — на 40 %, в Украине — на 25 %, в Беларуси — на 45 % [23].

Активная эмиграция отмечалась из стран Балтии после восстановления независимости в 1990 году, когда их стали покидать семьи офицеров и администрации Советской армии и представители русскоязычного населения, чувствовавшие неуверенность в своем будущем и не готовые выполнить требования изучения официального языка для получения гражданства [24]. Отметим, что правительства Эстонии и Латвии выбрали способ предоставления гражданства по признаку его «восстановления»³. Этот «тест на лояльность» оставил более 25 % населения без гражданства в обеих странах. В Латвийской Республике люди получили статус «неграждан» (англ. *non-citizens or aliens*, латв. *nepilsoņi*), а в Эстонской Республике — статус иностранцев с постоянным видом на жительство. В результате международного давления Эстония и Латвия внесли некоторые поправки в свое законодательство о гражданстве, согласно которым дети неграждан, родившиеся в этих странах после обретения независимости, приобретают гражданство автоматически (по просьбе родителей). Тем не менее исследователи отмечали, что, несмотря на активную эмиграцию в 1990-е годы, русскоязычная группа населения (русские, белорусы и украинцы) к 2010-м годам по-прежнему оставалась доминирующей в Эстонии, Латвии и Литве [25].

² Статистика по России с 2014 года включает полуостров Крым, а статистика Украины оперирует данными без неподконтрольных территорий.

³ То население, которое имело родных на территории стран в период до 1940 года, автоматически получало гражданство.

Таблица 1

**Эволюция миграционных потоков в странах перекрытия миграционных подсистем
в зависимости от изменения миграционного законодательства Российской Федерации и Евросоюза**

Период (этап) миграции	Основные миграционные потоки из стран «ареала перекрытия» миграционных систем	Ключевые аспекты миграционной политики Российской Федерации	Ключевые аспекты миграционной политики Евросоюза
I «Ранний постсоветский» (1991—1995)	Вынужденная миграция в Россию (беженцы, вынужденные переселенцы); возвратная миграция русскоговорящего населения в Россию; этническая эмиграция на Запад; челночная торговая миграция в приграничных регионах	Формирование миграционной законодательства. Относительная либеральность миграционных законов, в том числе закона о гражданстве. Прием вынужденных мигрантов	Безвизовый режим со странами Балтии. Безвизовый режим для краткосрочных туристических поездок. Безвизовый режим для челночных торговых поездок в приграничных регионах. Прием этнических мигрантов некоторыми странами (Германия, Израиль, Греция, Венгрия, Польша, Румыния, Болгария)
II «Поздний постсоветский» (1996—2001)	Вынужденная миграция в Россию; трудовая миграция в Россию; челночные торговые миграции в страны Европы и Турцию; трудовая миграция на Запад; нелегальная миграция на Запад	Формирование миграционного безвизового режима в рамках СНГ. Миграционный режим в рамках Союзного государства Россия — Беларусь (1996)	Безвизовый и упрощенный визовый режимы с приграничными странами Центральной и Восточной Европы. Межгосударственные соглашения о занятости и социальных гарантиях трудовых мигрантов
III «Выдвижение» ЕС на Восток и политика «секьюритизации» России и Беларуси (2002—2005)	Трудовая, в основном нелегальная миграция в Россию и на Запад	Новые законы «О правовом положении иностранных граждан» и «О гражданской миграции».	Введение визового режима странами Центральной и Восточной Европы (кандидатами в ЕС) с Российской Федерацией и странами приграничья (Украина, Молдова, Беларусь). Вступление стран Балтии в Евросоюз. Открытие рынков труда Ирландии, Великобритании, Швеции, для граждан стран Балтии и ЦВЕ ЕС. Открытие системы малого пограничного контроля и введение «этнических паспортов и карт» в отдельных странах ЦВЕ

Окончание табл. 1

Период (этап) миграции	Основные миграционные потоки из стран «ареала перекрытия» миграционных систем	Ключевые аспекты миграционной политики Российской Федерации	Ключевые аспекты миграционной политики Евросоюза
IV «Либеральный» период миграционной Евросоюза и России (2006—2011)	Усиление трудовой миграции на Запад; образовательная миграция в Россию и на Запад; бизнес-эмиграция на Запад; отток вынужденных мигрантов из зон конфликтов в Южной Осетии и Абхазии	Либерализация миграционной политики в отношении граждан стран СНГ. Государственная программа содействия переселению в Россию соотечественников	Открытие рынков труда стран Евросоюза для мигрантов из «новых» членов Евросоюза. Упрощение временного трудоустройства в «новых» членах ЕС для граждан Беларуси, Молдовы, Украины, России. Введение упрощенных режимов передвижений для жителей приграничья стран Восточной Европы. Развитие системы «этнических карт» и паспортов. Договоры о реадмиссии Евросоюза со странами Восточного партнерства
V Рост напряженности в отношениях многих стран СНГ и с ЕС «Конкуренция за мигрантов» (2012—2019)	Вынужденная миграция из Украины в основном в Россию и немного на Запад; трудовая миграция на Запад и в Россию; инвестиционная эмиграция на Запад; транзитная нелегальная миграция через страны приграничья в Евросоюз из третьих стран	Развитие системы пагентов на работу в России. Формирование общего рынка труда ЕАЭС. Либерализация закона «О гражданстве» для граждан Украины. Упрощение занятости для иностранных студентов. Расширение работы с соотечественниками	Либерализация доступа на рынок труда стран Центральной и Восточной Европы (прежде всего, Польши) граждан стран приграничья. Подписание ассоциативного соглашения с Молдовой (2013 г.) и Украиной (2017 г.) о безвизовых рабочих поездках. Расширение политики возвратной миграции соотечественников в страны Восточной Европы (Польша, Венгрия)
VI «Пандемический» (2020 — начало 2022)	Сокращение масштабов всех видов миграции; транзитная нелегальная миграция через страны приграничья в Евросоюз из третьих стран (миграционный кризис на границах Беларуси, Польши и Литвы); вынужденная миграция из Беларуси в Евросоюз	Закрытие границ для иностранных граждан. Развитие системы отбора трудовых мигрантов. Выборочное открытие границ с некоторыми государствами на основе мониторинга эпидемиологической ситуации	Закрытие границ для граждан, не имеющих признанной вакансии. Либерализация трудоустройства для мигрантов востребованных специальностей (сезонные сельскохозяйственные рабочие, работники сервиса, строители, медперсонал)

Положение между двумя центрами притяжения привело к значительным потерям населения в Украине, Молдове и странах Балтии, усугубляя в них депопуляцию. Миграционные потери в 1991—2000 годах в Украине составили 510 тыс. (имелось положительное saldo миграции в 1991—1993 годах), Молдове — 159 тыс., Латвии — 110 тыс., Эстонии — 66 тыс., Литве — 47 тыс. человек. Однако данные цифры включают только мигрантов, выехавших на постоянное место жительства, и не охватывают временные формы трудовой миграции.

Отметим также, что, по данным официальной статистики, миграционная убыль по постоянной миграции в Республике Беларусь отмечалась только в 1994—1995 годах (табл. 2). В Беларусь 90 % мигрантов прибывали из России, Украины и Казахстана. Около 32 % въезжали с целью воссоединения семей, 24 % — с целью получения работы, 24 % — это возвратные мигранты. Существовал и поток нелегальных мигрантов. Например, Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь сообщало, что 15 % рабочей силы в стране составляют нелегальные мигранты [26].

Таблица 2

Миграционный прирост (убыль) населения пограничных стран Восточной Европы и Российской Федерации в 1991—2000 годах, тыс. человек

Страна	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Беларусь	3,0	53,8	32,4	-3,3	-0,2	9,3	14,8	19,9	17,6	12,1
Латвия	-5,8	-23,2	-23,7	-25,0	-13,7	-7,4	-5,0	-3,0	-1,5	-1,4
Литва	-4,4	-11,7	-17,0	-6,9	-2,8	-1,8	-0,6	-0,6	-0,3	-0,6
Молдова	-33,7	-36,8	-15,1	-14,8	-17,1	-16,5	-9,9*	-7,1*	-3,0*	-4,7*
Россия	136,1	266,2	526,3	978,0	653,7	513,5	514,1	428,8	269,5	362,6
Украина	151,3	287,8	54,5	-142,9	-131,6	-169,2	-136,0	-152,0	-138,3	-133,6
Эстония	-4,2	-21,8	-12,8	-10,2	-7,7	-5,0	-2,8	-1,2	-0,3	-0,4

Примечание: * — данные без учета территории левобережья р. Днестр и г. Бендеры.

Российская Федерация и Беларусь, напротив, за счет мигрантов из пограничных соседних стран частично компенсировали естественную убыль населения. В 1992—2000 годах миграционный прирост России в миграционном обмене со странами СНГ и Балтии составил около 6 млн человек, что на три четверти компенсировало естественную убыль населения в стране. Из общей численности прибывших четвертую часть составили жители Украины. Миграционные потоки из Украины и Молдовы, а также в меньшей степени из Беларуси в значительной степени были ориентированы на Россию [27].

Привлекательности России для мигрантов из соседних приграничных стран способствовали достаточно лояльные законы в отношении предоставления гражданства. В частности, закон «О гражданстве» (1991) установил срок упрощенной процедуры приобретения российского гражданства до 1996 года (и затем он неоднократно продлевался). Последняя поправка разрешала выбирать гражданство до конца 2001 года. Граждане Республики Беларусь после создания единого государства Россия — Беларусь в 2006 году стали пользоваться правами граждан обеих стран проживания и работы без ограничений [28].

Также в Российской Федерации в начале 1990-х годов были приняты законодательные акты, регламентирующие прием, размещение и обустройство вынужденных мигрантов: «Закон о беженцах» (ФЗ №4528-1 от 19.02.1993), «Закон о вынужденных переселенцах» (ФЗ №4530-1 от 19.02.1993), Распоряжение Президента

РСФСР «Об организации работы по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам» (№ 123-РП от 14.12.1991). Ключевым документом гуманитарной миграционной политики в этот период стало Постановление Правительства РФ от 03.03.1992 № 135 «О мерах по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам», Долгосрочная республиканская программа «Миграция» (1992) и Федеральная миграционная программа, которая действовала с 1995 по 2001 год. Были подписаны и ратифицированы семь межправительственных соглашений о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев, учреждены представительства ФМС России в нескольких странах (в том числе в Латвии, Украине, Молдове). Российская Федерация подписала двухсторонние договоры «О сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защите трудящихся мигрантов» с Украиной, Молдовой, Беларусью (1994); двухсторонние договоры по социальному обеспечению военных (1996) и граждан России (2011) с Эстонией, Литвой и Латвией; двусторонние соглашения о пенсиях по труду с Молдовой, Беларусью и Украиной [29]. Республика Беларусь заключила договоры о временной трудовой деятельности с Республикой Молдова (1994), Украиной (1995), Республикой Польша (1995), Литовской Республикой (1996).

Демографическое старение населения и дефицит трудовых ресурсов в европейских странах формировали объективную потребность в рабочей силе. Пограничные с ЕС страны представляли собой прекрасный резервуар трудовых ресурсов, близкий в географическом и социокультурном отношении к Евросоюзу. Евросоюз с 1991 года предоставил странам-кандидатам (в том числе странам Балтии) возможность безвизовых туристических поездок. Фактически этот шаг открыл «окно» в Европу для трудовых мигрантов, предоставив возможность неоформленной занятости на европейском рынке труда. Исследователи отмечают, что поездки за рубеж население стран Балтии часто совмещало с незаконной занятостью. Например, трудовая эмиграция из Литвы в 1990-е годы была стратегией защиты от экономического переходного периода [30]. Многие литовцы решили эмигрировать в поисках работы в западные страны [29; 31].

Была проведена либерализация режимов перемещения населения в приграничных районах стран перекрытия миграционных подсистем зоны Восточной Европы после расширения Евросоюза на восток. Граждане приграничных регионов Украины, Молдовы, Беларуси, Калининградской области России имели возможность безвизовых поездок в Польшу, Венгрию, Румынию, Чехию, Словакию. Фактически сложилась зона свободного передвижения людей в пределах бывшего социалистического лагеря [32; 33]. На этой основе в приграничных регионах развивались челночная миграция и торговля поддержанными машинами, продуктами, промышленными товарами. Расцвет челночной торговли между странами бывшего СССР (Россия, Украина, Молдова, Беларусь), Центральной Европы (Польша, Венгрия, Румыния), Германией, Турцией пришелся именно на данный период. Введение странами Балтии в 1992 году визового режима со всеми странами СНГ (включая Украину и Молдову) позволяло развиваться челночной торговле только в приграничной полосе.

Второй период (этап) — «поздний постсоветский» (1996—2001)

В этот период происходит активный рост масштабов и диверсификация направлений эмиграции из стран влияния обеих миграционных систем. На первый план выходит трудовая миграция, но еще сохраняет значительную роль челночная торговая миграция. Все большее число людей ищет возможности заработка за границей. Можно говорить о том, что происходила «профессионализация» эмиграции.

В 1994 году многие украинские эмигранты формально еще сохраняли места работы, занимаясь челночным бизнесом, а к 2002 году доля указавших свой статус как «безработный» достигла 39 %. К началу 2000-х годов трудовая миграция стала для значительной части населения Украины основным видом деятельности [34]. Существенно расширилась география поездок молдавских эмигрантов: если в 1994 году они указывали только 17 стран выезда, то в 2002-м — уже 26. В перечне ключевых стран эмиграции молдавских граждан появились Германия, Португалия, Италия, Испания [35]. Также увеличилась длительность миграции: если в начале 1990-х годов преобладали челночные поездки граждан Молдовы и Украины на несколько дней, то к 2002 году соотношение изменилось в пользу более длительных поездок [34; 35]. Финансовый кризис 1998 года фактически «убил» челночную торговую миграцию как массовое явление, но способствовал укоренению эмигрантов в странах, с которыми они развивали торговлю [34—36].

На этом этапе страны Центральной и Восточной Европы и Балтии начинают шаги по вступлению в Евросоюз. В них был принят ряд законодательных актов по усилению пограничного контроля со странами-соседами, с 1997 года вводятся упрощенные визы [37]. Ужесточение пограничного контроля сделало официальные поездки для граждан «ареала перекрытия» более затратными, поэтому многие мигранты пытались проникнуть в Евросоюз незаконно или оставались в нем по туристическим визам. Граждане Украины и Молдовы занимали первые места в списке нелегально пересекающих границу в Евросоюзе [38; 39].

Россия как основная принимающая на этом этапе страна в качестве инструментов регулирования миграционных процессов и, в частности, трудовой миграции достаточно оперативно разрабатывает, принимает и ратифицирует постановления Правительства Российской Федерации, семь межправительственных соглашений, два двусторонних договора и ключевой законодательный акт в области привлечения и использования иностранной рабочей силы (ФЗ№115 от 2002 года) «О правовом положении иностранных граждан» [33].

Третий период (этап) — «расширение Евросоюза на Восток и усиление миграционного контроля Россией» (2002—2005)

После терактов 11 сентября 2001 года в США начался глобальный поворот к ужесточению миграционной политики и усилению борьбы с нелегальной миграцией. В России функции миграционного контроля и миграционной политики были переданы МВД. Был ужесточен закон «О гражданстве» (2001), принят закон «О правовом положении иностранных граждан» (2002). Украина также реорганизовала свою пограничную службу и усилила контроль на восточной границе с Россией. Беларусь восстановила систему охраны границ советского периода [40].

В России все иностранные граждане должны были пройти сложную систему регистрации. В результате только 7 % мигрантов смогли оформить документы в установленный срок, а остальные невольно стали нелегальными мигрантами, и им приходилось либо регулярно платить официальные или неофициальные штрафы за нелегальное пребывание без регистрации, либо обращаться в полулегальные компании-посредники для оформления поддельной регистрации. Только граждане Республики Беларусь избежали данных проблем.

Ограничительная миграционная политика привела к росту нелегальных мигрантов (в 2001—2006 годах в России 75 % мигрантов не имели разрешения на работу и 50 % — легального вида на жительство [41]). Данный тренд миграционной политики сократил миграционные потоки в Россию из стран бывшего СССР, частично переориентировав их на страны Запада и новые центры притяжения трудовых

мигрантов (Казахстан, КНР, Японию, Республику Корею, Турцию, страны Персидского залива). Эмиграция становится более профессиональной, в нее включаются врачи, исследователи, профессора, инженеры, IT-специалисты, программисты.

Вступление стран Балтии в Евросоюз в 2004 году усилило миграцию из них на Запад. Так, в настоящее время около 52 тыс. эстонцев (21 % всех иностранцев) живут в Финляндии⁴. При этом большинство новых иммигрантов в Эстонию прибывают из России и Украины [42]. Массовая трудовая эмиграция из Латвии привела к выезду из страны 260 тыс. человек, что составляет 14 % населения. Вступление Литвы в Евросоюз открыло новые возможности для населения⁵. «Чистый» средний заработок супружеской пары с двумя детьми в 2004 году в Евросоюзе-15 был в 8 раз выше, чем в Литве. Поток трудовых мигрантов из Литвы в Евросоюз в 2004—2014 годах ежегодно составлял около 1 % населения [29]. Великобритания и Ирландия не применяли переходный период и сразу же открыли границы для рабочих из новых государств-членов. В результате в этих странах теперь проживает самая большая литовская диаспора [29].

Страны Центральной и Восточной Европы (Румыния, Польша, Венгрия, Словакия, Чехия) в 2001—2003 годах, готовясь к вступлению в Евросоюз, ввели визовую систему с соседями, что противоречило историческим связям пересечения границ местным населением и перекрывало пути движения дешевой рабочей силы. Требование Евросоюза о закрытии границы вызвало дискуссию о судьбе этнических венгров за границей, и в 2003 году венгерский парламент принял новый «Закон о статусе», чтобы дать венграм, проживающим в соседних странах, возможность пользоваться картой венгра (аналог паспорта) при въезде в Венгрию [43]. Польша также поддержала и развила эту инициативу для этнических поляков, введя в 2007 году карту поляка. Аналогичные инициативы по выдаче соотечественникам своих паспортов были осуществлены Румынией и Болгарией. С 2004 года Эстония реализует Программу возвращения соотечественников (Rahvuskaaslaste Programm), которая также включает поддержку культуры и языка этнических эстонцев за границей.

Если начало 1990-х годов для Евросоюза характеризовалось эйфорией разрушения социализма и мечтой об «интегрированной и свободной Европе», то уже к 2000 году картина будущего была более пессимистичной на фоне большого потока незаконных мигрантов через восточные границы. Присоединение новых стран показало необходимость принятия мер по контролю границ Евросоюза. Странам бывшего СССР были предложены договоры о реадмиссии в обмен на либерализацию визового режима. Но многие страны, включая Российскую Федерацию, опасались подписывать эти договоры из-за риска стать резервуарами незаконных мигрантов из Азии и Африки. В период миграционного кризиса 2014—2016 годов подобные опасения частично подтвердились, когда нелегальные мигранты использовали северный путь через Мурманскую область в Евросоюз. Россия стала страной транзита незаконных мигрантов в Евросоюз [44]. В итоге Российская Федерация сама начала строить коллективную ответственность противодействия незаконной миграции в формате СНГ.

Власти Евросоюза развивали идею создания «круга друзей», способствующего безопасности, поддержке мира и стабильности на восточных границах. Она воплотилась в жизнь через европейскую политику соседства [45], реализуемую посред-

⁴ Population structure, *Statistics Finland*. In: Kallioma-Puha, L. “Migrants” Access to Social Protection in Finland., p. 152, URL: https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html#muuttoliike (дата обращения: 18.02.2019).

⁵ Eurostat, 2019, Annual net earnings [earn_nt_net], *Eurostat Database*, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 05.02.2019).

ством специальных программ. Евросоюз намеревался построить зону для контроля потенциальных угроз со стороны Беларуси, Молдовы, Украины, России. Российская Федерация не вошла в данный формат, предложив отдельный пакет «стратегического партнерства» с Евросоюзом [46]. Европейская политика соседства сформулирована в рамках глобального подхода управления миграцией, но, по мнению некоторых экспертов, демонстрирует силовую геополитику, которая делит Европу на «Евросоюз и окружающее пространство» [45].

Четвертый период (этап) — «либеральный» (2006—2011)

Демографический кризис и нехватка рабочей силы подтолкнули российское правительство к либерализации миграционной политики в январе 2007 года. Миграционный прирост компенсировал 75 % естественной убыли населения в России. Либерализация трудовой миграции оказалась успешной. Около 7,5 млн мигрантов из безвизовых стран СНГ прошли регистрацию, 2,5 млн получили разрешение на работу. Рост бюджетных доходов от реализации этой новой либеральной политики достиг 11 млрд рублей (более 500 000 долларов США). Если в 2005 году регистрацию прошли 54 % мигрантов, то в 2008-м этот показатель достиг 85 % [47]. В закон «О гражданстве» были внесены поправки, восстановившие некоторые привилегии соотечественниками и тем самым запустившие процесс возвратной миграции. Была принята Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников из-за рубежа с целевыми ориентирами в 300 тыс. человек в год [48]. Крайне ограниченное число российских регионов (в 2006 году — 12, в 2008-м — 13), в которых соотечественники могли стать участниками госпрограммы, и экономическая отсталость предложенных регионов не позволили в первые годы реализовать репатриационные цели, поставленные перед программой. Вплоть до 2011 года численность участников госпрограммы не превышала 30 тыс. человек в год.

В 2006 году в странах Центральной и Восточной Европы (Чехия, Польша, Словакия, Венгрия) были упрощены процедуры доступа на рынок труда трудовых мигрантов из Молдовы, России, Украины и Беларуси. Например, Польша начала либерализацию миграционной политики в связи с массовой эмиграцией поляков в Евросоюз с 2004 года и дефицитом трудовых ресурсов на национальном рынке труда. В течение 2007—2013 годов более 2 млн поляков эмигрировали в Великобританию, Германию, Ирландию, Нидерланды, США [49; 50]. Либерализация миграционной политики способствовала увеличению численности мигрантов, легально работающих в Польше [51].

Страны Центральной и Восточной Европы перед введением Шенгена добились возможности для граждан соседних стран работать на своей территории шесть месяцев в течение года без разрешения на трудоустройство, по заявлению работодателя. С того момента началась переориентация потока трудовых и частично образовательных мигрантов на Польшу, а позже Чехию, Словакию и Венгрию [52]. В 2007 году Евросоюз принял решение упростить оформление виз с подписанием соглашений о реадмиссии с Украиной, Россией, Молдовой. Были достигнуты договоренности о «малом приграничном движении» с Венгрией в 2007 году, Польшей и Словакией в 2008-м., Румынией в 2014-м.

На все страны бывшего СССР оказал негативное влияние мировой финансово-экономический кризис 2008—2009 годов. Количество мест приложения труда для мигрантов резко сократилось, многие мигранты были вынуждены вернуться на родину или уйти в теневую занятость. В 2008—2010 годах Латвия пережила крупный финансовый кризис, потеряв 25 % валового внутреннего продукта, а уровень безработицы достиг 18,7 % [53].

Пятый период (этап) — «конкуренция за мигрантов» (2012—2019)

Данные по миграции на постоянное место жительства свидетельствуют о том, что в 2010—2020 годах крупнейшим получателем мигрантов в регионе оставалась Российская Федерация — от 100 до 320 тыс. человек миграционного прироста ежегодно. Среди стран «буферной» зоны положительное сальдо миграции также имели Украина и Республика Беларусь. В странах Балтии и Республике Молдова отмечался отрицательный миграционный прирост, за исключением 2019—2020 годов в Литовской Республике (табл. 3).

Таблица 3

Миграционный прирост (убыль) населения стран приграничья Восточной Европы и Российской Федерации в 2010—2020 годах, тыс. человек

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Республика Беларусь	10,3	9,9	9,3	11,6	15,7	18,5	7,9	3,9	9,4	Н/д	Н/д
Латвийская Республика [1]	-35,6	-20,1	-11,9	-14,3	-8,6	-10,6	-12,2	-7,8	-4,9	-3,4	-3,2
Литовская Республика [1]	-72,0	-38,2	-21,3	-16,8	-12,3	-22,4	-30,1	-27,5	-3,3	10,8	19,9
Российская Федерация [2; 3]	158,1	319,8	294,9	295,9	270,0	245,4	261,9	211,9	124,9	285,1	106,5
Республика Молдова	-0,5	-0,9	0,1	-1,7	-1,6	-0,8	-1,1	-0,4	-0,2	-1,2	н/д
Украина [4]	16,1	17,1	61,8	31,9	22,6	14,2	10,6	12,0	18,6	21,5	9,3
Эстонская Республика [5]	-2,5	-2,5	-3,7	-2,6	-0,7	2,4	1,0	5,2	7,0	5,4	3,8

Источники: *Россия и страны — члены Европейского союза. 2019 : статистический сборник, 2019, М., Росстат, 2019, с. 43—45; Росстат, 2022, URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rus-Es2019.pdf> (дата обращения: 15.02.2022); Population change — Demographic balance and crude rates at national level [demo_gind], 2022, Eurostat, URL: <https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do> (дата обращения: 15.02.2022); **данные с 2010 по 2018 год: Демографический ежегодник России 2019, 2019, Статистический сборник. М., Росстат, 2019, с. 200. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Dem_ejegod-2019.pdf (дата обращения: 15.02.2022); ***данные 2019—2020 годов: Содружество независимых государств. Предварительные итоги, 2020, Статистический сборник Статкомитета СНГ, с. 151, URL: <http://www.cisstat.com/> (дата обращения: 15.02.2022); ****Державна служба статистики України, URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/> (дата обращения: 15.02.2022); *****Statista — The Statistics Portal, URL: <https://www.statista.com/statistics/1264960/estonia-immigration-figures/> <https://lb-aps-frontend.statista.com/statistics/1264949/estonia-emigration-figures/> (дата обращения: 15.02.2022).

В 2010-х годах страны Балтии становятся более привлекательными для внешних мигрантов из третьих стран. Таблица 3 показывает положительный миграционный прирост России и Беларуси, а также Латвии, Эстонии и Украины.

Россия в мигрантах из рассматриваемых стран СНГ видит один из ресурсов компенсации потерь демографического потенциала. При этом украинцы и белорусы неофициально считаются наиболее предпочтительными этническими группами мигрантов, адаптация и интеграция которых наиболее беспрепятственны для российского общества. В 2014—2015 годах российскими властями даже были либерализованы процедуры получения украинскими гражданами гражданства Российской

Федерации. Украинцы остаются главной группой иностранных граждан, получающих гражданство Российской Федерации: в 2019 году их количество достигло 400 тыс. человек.

Произошедший в 2014 году политический кризис в Украине вызвал волну массовой вынужденной миграции [54]. Разделение страны способствовало появлению двух примерно равнозначных по численности потоков вынужденных мигрантов: около 1 млн беженцев из Донецкого и Луганского регионов переехали в Россию и около 1,46 млн внутренне перемещенных лиц — в другие регионы Украины [55]. В 2015 году ВВП Украины сократился на 10 %, возросли безработица и бедность, что спровоцировало трудовую эмиграцию украинцев за рубеж.

Функционирование в России Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, позволило большинству украинцев получить статус участника Госпрограммы. Также Республика Беларусь приняла около 60 тыс. ищущих убежище из Украины в 2014 году.

В 2014 году пять государств бывшего СССР, подписавших соглашение о Евразийском экономическом сообществе, создали Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который вместе с Евразийской комиссией сформировал субнациональную структуру управления. На российском рынке труда появилось несколько типов трудовых мигрантов: 1) граждане стран ЕАЭС, имеющие свободный доступ на рынок труда; 2) мигранты из безвизовых стран СНГ (включая Украину и Молдову), имеющие менее либеральный доступ на основе патентной системы; 3) мигранты из стран с визовым режимом, въезжающие и работающие на основе рабочей визы и разрешения на работу. Это создало иерархию неравенства потоков рабочей силы [40].

В 2017 году Украина получила безвизовый режим с Евросоюзом, что резко увеличило мобильность населения: в 2018 году путешествовало 7,6 %, а в 2019-м — 14,4 % населения страны. Каждый десятый (9,4 %) ехал, чтобы навестить друзей и родных, или в поисках работы (8,2 %) [56]. Регулярное автобусное сообщение из Молдовы в Россию через Украину стало дорогим и ненадежным, авиационные и железнодорожные рейсы в Россию были отменены. По данным МОМ, из 728 тыс. граждан Молдовы большинство по-прежнему находятся на территории Российской Федерации (более 217 тыс. человек, 30 % всех мигрантов), далее следуют Италия (16 %), Франция (7 %), США (6 %), Канада и Польша (по 5 %), Португалия, Ирландия, Украина и Германия (по 3 %)⁶. Доля Российской Федерации как направления трудовых мигрантов молдавских граждан за последние годы значительно сократилась: в 2005 году — на 55 %, в 2018 г. — на 41 %, в 2019 г. — на 63 % от общего числа трудовых мигрантов. Это свидетельствует о явном сближении Молдовы с Евросоюзом, но в то же время страна продолжает оставаться в Евразийской миграционной системе. Можно сказать, что население Молдовы активно пользуется безвизовым режимом в обоих направлениях — европейском и российском.

По мнению украинских и молдавских экспертов [57; 58], эти факторы в сочетании с либерализацией визового режима Евросоюза, экономическим кризисом в России, вызванным санкциями Запада из-за присоединения Крыма, повлекшими девальвацию рубля, привели к переориентации украинской и молдавской трудовой миграции на страны Евросоюза. Количество украинских трудовых мигрантов в России стало сокращаться, а в Евросоюзе, напротив, расти. Украина, Эстония и Литва из отдающих стран становятся и принимающими странами.

⁶ Больше всего граждан Молдовы за рубежом находятся в России, 2022, Sputnik Молдова, 17.01.2022, URL: <https://ru.sputnik.md/20220117/bolshe-vsego-grazhdan-moldovy-za-rubezhom-nakhodyatsya-v-rossii-48087394.html> (дата обращения: 17.01.2022).

Еще до пандемии более заметным эмиграционным каналом из стран зоны перекрытия миграционных систем стала образовательная миграция. Практически из всех стран региона усиливается поток молодежи на обучение в страны Евросоюза — многие государства и университеты предоставляют стипендии и гранты на получение образования. В начале 2000-х годов в Евросоюзе обучались приблизительно 10 тыс. школьников и студентов из Украины. В 2020 году их численность составила примерно 72 тыс. человек⁷. Активно в образовательную миграцию вовлечены молодые люди из стран Балтии, Молдовы и Беларуси. Политика Российской Федерации в сфере привлечения иностранных студентов также активна. Выделяются квоты на обучение в российских вузах (11 тыс. мест в 2018 году) по линии Россотрудничества для детей соотечественников. В целом из 282 тыс. иностранных студентов около 200 тыс. были из стран СНГ, в том числе из Украины — 21 тыс., из Беларуси — 11 тыс., из Латвии, Литвы и Эстонии соответственно 501, 220 и 305 человек⁸.

Шестой период (этап) — «пандемический» (2020 — начало 2022 года)

В 2020 году страны закрывали границы и вводили режим локдауна, как следствие, сокращались миграционные потоки. Исключением была Беларусь, которая так и не ввела ограничительных мер. В странах Балтии были введены комендантский час и жесткие меры локдауна. В Польше, Украине и Молдове после первого месяца карантина были уменьшены ограничения. Достаточно жесткие ограничительные меры вводила Российская Федерация. Из-за закрытия многих пограничных пунктов пропуска миграционный поток украинцев в Россию снизился в пять с половиной раз.

В Евросоюзе и Российской Федерации локдауны и закрытые границы резко сократили приток сезонных и временных трудовых мигрантов, как следствие, обозначился острый дефицит на некоторые категории рабочих, прежде всего в строительстве, сельском хозяйстве, сервисных отраслях. Некоторые европейские страны (Германия, Австрия, Великобритания, Финляндия), несмотря на пандемию, либерализовали свои миграционные законодательства по вопросам привлечения сезонных рабочих. Были организованы чартерные рейсы из Украины и Молдовы. Власти Российской Федерации также неоднократно заявляли о дефиците строительных рабочих. Но действия в сфере миграционной политики были направлены на выстраивание системы алгоритма организованного набора рабочих в Узбекистане и Таджикистане.

Во время пандемии в Литве и Эстонии было отмечено положительное сальдо миграции, которое, очевидно, обусловлено увеличением возвратного потока мигрантов из Европы, в том числе Великобритании [59]. Ожидается, что возвратные мигранты могут принести в свои страны новую культуру организации производства, навыки и знания, что окажет положительное влияние на социально-экономическое развитие стран возвращения.

Особого внимания заслуживает миграционная ситуация в Республике Беларусь. Со второй половины 2020 года наметился миграционный отток белорусских граждан, вызванный политической ситуацией в стране после подавления демонстраций в августе 2020 года. Белорусское правительство 10 декабря 2020 года ограничило правила выезда через сухопутную границу с Украиной, Польшей, Литвой и Латвией некоторым категориям граждан. Количество эмигрантов из Беларуси в

⁷ Global flow of tertiary-level mobile students, 2022, URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 15.02.2022).

⁸ Global flow of tertiary-level mobile students, 2022, URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 15.02.2022).

Польшу увеличивалось даже во время пандемии: с 65 тыс. в 2019 году до 78 тыс. в 2020-м [60]. К середине 2021 года 0,5 % населения покинули Республику Беларусь по политическим и экономическим причинам, выехав главным образом в Литву, Латвию, Польшу, Украину и Россию [18].

Запрет Евросоюза на полеты белорусской авиакомпании «Белавиа» в европейские города с конца мая 2021 года неожиданно спровоцировал миграционный кризис на границе Беларуси и Польши, Беларуси и Литвы, то есть на восточных рубежах Евросоюза⁹. Авиакомпания «Белавиа» была вынуждена переориентировать маршруты с Запада на страны Ближнего Востока (Ирак, Сирию, Турцию), что увеличило приток транзитных мигрантов под видом туристов. На восточных рубежах Евросоюза возникли несанкционированные лагеря незаконных мигрантов, пытавшихся пересечь границу и попасть в Германию. Миграционный кризис спровоцировал отставку правительства в Литве в июле 2021 года¹⁰. Также началось строительство стены вдоль границы с Беларусью со стороны ее европейских соседей¹¹. Данные события ужесточили контроль государственной границы Евросоюза на восточных рубежах и обострили политические отношения с Республикой Беларусь.

Миграционная политика Российской Федерации в данный период имела особенности. В течение пандемии (2020 год — начало 2022 года) президент РФ неоднократно продлевал сроки действия патентов и документов на пребывание в стране иностранным гражданам. Многие эксперты считали эту меру самой действенной помощью трудовым мигрантам, ставшим одной из наиболее уязвимых социальных групп во время пандемии. Однако в конце 2021 года, несмотря на острую нехватку трудовых ресурсов, усугубленную пандемией, начался очередной виток ужесточения миграционных процедур. С 29 декабря 2021 года в России вводится обязательная дактилоскопия трудовых мигрантов по месту пребывания, усложняются правила медицинского освидетельствования — проходить медосмотр требуется каждые три месяца¹². Пока эти правила не коснулись граждан Беларуси, но усложнили положение трудовых мигрантов из Украины и Молдовы. Как показывают исследования, ужесточения в области трудовой миграции приводят к уходу большей части мигрантов в тень и росту коррупции [61; 62]. В результате мигранты из Украины, Беларуси и Молдовы, имея выбор для миграции, могут переориентироваться на страны Евросоюза с более понятным миграционным законодательством.

Пока страны еще не полностью побороли COVID-19 и ликвидировали его последствия. В настоящее время ВОЗ считает, что разновидности болезни для людей, прошедших вакцинацию, не представляют значительной опасности для жизни. В связи с этим с февраля 2022 года многие страны начали открывать границы, постепенно восстанавливаются миграционные связи.

⁹ ЕС закрыл небо для Беларуси из-за инцидента с самолетом Ryanair, 2021, *BBC*, 24—25 мая 2021, URL: <https://www.bbc.com/russian/news-57358491> (дата обращения: 15.02.2022).

¹⁰ Штурм Вильнюса и отставка правительства: к чему ведет миграционный кризис в Литве, 2021, *Rubaltic*, URL: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/20210728-shturm-vilnyusa-i-otstavka-pravitelstva-k-chemu-vedet-migratsionnyy-krizis-v-litve/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹¹ Миграционный кризис на границе Беларуси: польские пограничники стреляют в воздух, Лукашенко грозит перекрыть газ, 2021, *BBC*, 11 ноября, <https://www.bbc.com/russian/news-59250538> (дата обращения: 15.02.2022).

¹² Поправки в закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», в закон от 25.07.1998 г. № 128-93 «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», а также в закон от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

россиян¹⁶. В Латвии открыта визы для инвесторов: с 2010 по 2017 год было выдано более 17 000 виз. Она позволяет инвесторам из-за пределов Евросоюза получить вид на жительство в обмен на определенный уровень инвестиций (недвижимость, акционерный капитал, кредитное учреждение). Подавляющее большинство получателей (около 70 %) были россиянами, за ними следуют китайцы и украинцы (по 8 %) ¹⁷. Для жителей определенных стран¹⁸ с латвийскими корнями возможно получение второго гражданства.

Демографическая ситуация в Литве неблагоприятная, как и в других странах Балтии¹⁹. Но модели миграции в Литве в последнее время начали меняться. В 2018 году эмигрировали 32 200 жителей Литвы, что на 33 % меньше, чем в 2017-м. В 2018 году в Литву иммигрировали 28 900 человек. Из них 57 % — вернувшиеся граждане Литвы. Почти половину иностранных иммигрантов составляли украинцы, 26 % — белорусы и 6 % — граждане России. По сравнению с 2017 годом в 2018 году количество иммигрантов в западном направлении из Украины увеличилось на 32 %, из Беларуси — на 20 %, а граждан России — на 19 % [31]. В Литве разработан План действий по интеграции иностранцев в литовское общество на 2018—2020 годы. (The Action Plan for Integration of Foreigners in Lithuanian Society 2018—2020). Последняя Стратегия демографической, миграционной и интеграционной политики на 2018—2030 годы была принята в сентябре 2018 года²⁰. Основная ее цель — обеспечить положительное сальдо миграции, поощрить возвратную миграцию и привлечь иностранных рабочих для удовлетворения спроса рынка труда [29].

Около 15 % жителей Эстонии родились в других странах (Population Census, 2011) [64]. Большинство иммигрантов прибыли в советский период из России, Украины и Беларуси [65; 66]. Однако вопрос иммигрантов в стране очень болезненный. Эстонская иммиграционная политика применяет систему квот для граждан третьих стран, хотя правила стали более либеральными в последние десятилетия из-за нехватки рабочей силы. Усилия по возвращению высококвалифицированных специалистов также поддержаны инициативой «Возвращение талантов» («Bringing Talent Home»). Международный дом Эстонии («International House Estonia») — агентство, которое помогает вновь прибывшим в обустройстве, а инициатива «Career Hunt» предусматривает полностью оплачиваемую поездку в Эстонию для IT-специалистов, желающих переехать в страну [67]. Хотя есть признаки растущего притока новых иммигрантов, Эстония скорее балансирует вокруг нулевой чистой миграции [68].

Заключение

Экономическая и политическая конкуренция за население стран западного приграничья двух миграционных подсистем Европы в условиях старения населения и демографического кризиса между странами ЦВЕ и Россией за 30 лет возрастала.

¹⁶ LR Saeima, 2018, *Imigrācijas loma darbspēka nodrošinājumā Latvijā. Sintēzes ziņojums*, URL: https://www.saeima.lv/petijumi/Imigrācijas_loma_darbspēka_nodrosinajums_Latvija-2018_aprilis.pdf (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁷ OCCRP, 2018, *Latvia's Once Golden Visas Lose their Shine — But Why?* 5 March, URL: <https://www.occrp.org/en/goldforvisas/latvias-once-golden-visas-lose-their-shine-but-why> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁸ Например, США, Великобритании, Австралии и некоторых стран ЕС.

¹⁹ Population on first January by age, sex and type of projection [proj_15nps], 2019, Eurostat Database, URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 05.02.2019).

²⁰ Strategy for the Demographic, Migration, and Integration Policy for 2018—2030, 2018, Seimas, 20 September 2018, URL: https://www.lrs.lt/sip/portal.show?p_r=119&p_k=2&p_t=260865 (дата обращения: 05.02.2019).

Ситуация складывается не в пользу России. Кризис в отношениях России и Украины может привести к переориентации населения Украины, Молдовы и Беларуси в сторону стран ЕС.

Россия делает ставку в миграционной политике, как и балтийские страны, на соотечественников и на образовательную миграцию. Хотя так же эффективной для решения демографических и социально-экономических проблем может быть и стратегия превращения временной трудовой миграции в циркулярную миграцию, для чего есть все предпосылки и ресурсы в России.

Сложная социально-демографическая и политическая ситуация отмечается в западных странах постсоветского пространства — Украине, Молдове и странах Балтии. Однако страны Балтии показывают высокие темпы роста ВВП ввиду улучшения их социально-экономического благосостояния и будут становиться более привлекательными для трудовых и вынужденных мигрантов из этих стран. Это в перспективе затормозит эмиграционные потери населения.

В страны Балтии трудовые мигранты едут в основном из стран бывшего СССР, с которыми сохранились связи, несмотря на формальное желание Литвы, Латвии и Эстонии «отгородиться» и стать частью Запада. Исторические корни и память работают с обеих сторон. Существование русскоязычного пространства в них является привлекательным фактором. Также в Балтийском регионе постепенно нарастает миграционный поток и из других стран доноров, например Центральной Азии, Молдовы, Украины и Беларуси.

Иммиграционные процессы, центром которых продолжала оставаться Российская Федерация, в условиях проведения современной достаточно жесткой иммиграционной политики без ее пересмотра не смогут обеспечить сколько-нибудь существенный общий прирост численности населения. Переориентация миграционных потоков из стран западной части бывшего СССР на западное направление продолжит оказывать влияние на трансформацию как этнического, так и социального, профессионального, и конфессионального состава российского населения.

В то же время европейские страны, в первую очередь наиболее экономически развитые страны ЕС, могут все более уверенно ориентироваться на приток трудовых ресурсов высокого образовательного и профессионального уровня из Украины и Беларуси, особенно в ситуации наплыва ищущих убежище из этих стран. Такой характер миграционного обмена населением не является благоприятным, но зависит не только от характера мер миграционной политики, но и прежде всего от внутренней политической и социально-экономической ситуации в каждой из них и в России.

Наиболее распространенной формой миграционного поведения в докризисный период граждан Украины, Молдовы и Беларуси была систематическая, циркулярная миграция (главным образом на 3—6 месяцев) с целью работы в соседних странах. Тенденция к расширению географии выездов на работу за рубеж в период пандемии затормозилась. В условиях карантина поездки в соседние страны оказались более безопасными и легче осуществимыми. До пандемии 31 % трудовых мигрантов, работавших в Польше, декларировали заинтересованность в работе в Германии и других странах ЕС, где заработки существенно выше, тогда как ныне — только 19 %²¹.

Наибольшую эффективность для сокращения недокументированной трудовой миграции доказала либерализация миграционного законодательства в отношении мигрантов на территории стран приема (ковидная амнистия мигрантов). Это позволило не только легализовать положение иностранцев, обеспечить их законный

²¹ Через коронавірус мігранти в Польщі все менше думають про заробітки в Німеччині: дослідження, 2022, *Наш вибір*, URL: <https://naszwybir.pl/doslidzhennya-cherez-koronavirus-migranty-v-polshhi-vse-menshe-dumayut-pro-zarobitky-v-nimechchyni/> (дата обращения: 15.02.2022).

доступ на рынок труда, но и снизить криминальную и коррупционную составляющие процесса трудовой миграции и эксплуатацию мигрантов. Возврат к допандемийной ситуации межгосударственных миграционных связей точно не прогнозируется. Очевидно, что масштабы, направления и виды миграции полностью не восстановятся.

Другой сценарий развития межгосударственных миграционных связей может исходить из затянувшегося снижения уровня доходов домохозяйств трудовых мигрантов и неготовности внутренних экономик исправить эту ситуацию. В таком случае потребность в рабочих местах вне страны своего проживания усилится, и это подстегнет предложение рабочей силы из стран — экспортеров этой силы. Будет ли так же высок спрос на рабочую силу в странах-импортерах? И насколько совпадет структура спроса на определенные профессии с предложением со стороны мигрантов. От этого будет зависеть трансформация инструментов и механизмов миграционной политики во всех странах-партнерах. Оба сценария и развитие по каждому из них необходимо учитывать всем странам приграничья в Восточной Европе, а также России и Евросоюзу в своей государственной миграционной политике.

В ситуации специальной военной операции противостояния России на Украине около 5 млн вынужденных мигрантов из Украины оказались в основном в странах ЕС,²² меняется вся система миграционных потоков в Европейской части постсоветского пространства. К сожалению, непредсказуемое развитие и результаты настоящего кризиса в отношениях России и Украины не позволяют делать прогнозы о его последствиях, в том числе и по развитию миграционной ситуации в регионе и рекомендациям в отношении реализации миграционной политики. Архитектура взаимоотношений и связей этих стран в настоящее время претерпевает значительные изменения.

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Список литературы

1. Houtum, H. 2008, *The War Against Unwanted Immigrants: EU's Border Machine in Challenges of Global Migration: EU and its Neighborhood*, Ankara, KORA & METU.
2. Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. 1993, Theories of International Migration: A Review and Appraisal, *Population and Development Review*, vol. 19, № 3, p. 431 — 466.
3. Massey, D., Arango J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. 1998, *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*, Oxford, Oxford University Press.
4. Fawcett, J., Arnold, F. 1987, Explanation Diversity: Asia and Pacific Immigration Systems. In: Fawcett, J., Carino, B. (eds.), *Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands*, New York, Center for Migration Studi.
5. Gurak, D. T., Caces, F. E. 1992, Migration networks and the shaping of migration systems. In: Kritz, M. M., Lim, L. L., Zlotnik, H. (eds.), *International Migration System. A Global Approach*, Oxford. Clarendon Press, p. 150 — 175.
6. Kritz, M. M., Lim, L. L., Zlotnik, H. (eds.) (1992), *International Migration System: A Global Approach*, Oxford, Clarendon Press.
7. Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. 1998, *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*, Oxford, Oxford University Press.

²² Из других стран 549 805 прибыли в Россию, 426 964 — в Республику Молдова и 23 759 — в Беларусь UNHCR. Operational data portal. Ukraine refugee situation, URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/ukraine/location?secret=unhcrrestricted> (дата обращения: 19.04.2022).

8. Zlotnik, H. 1998, The Dimensions of International Migration: International Migration Levels, Trends and What Existing Data Systems Reveal, *Technical Symposium on International Migration and Development*, The Hague, Netherlands, 29 June-3 July.
9. De Haas, H. 2007, Remittances, Migration and Social Development A Conceptual Review of the Literature United Nations Research Institute for Social Development, *Social Policy and Development Programme*, Paper № 34, October 2007, 46 p.
10. Canales, A., Mendoza, C. 2001, Migration, Remittances and Local Development in Mexico, Report, *XXIVth IUSSP General Population Conference*, Salvador, Brazil, August 2001.
11. Zlotnik, H. 1992, Empirical identification of international migration systems. In: Kritz, M., Lean, L., Zlotnik, H. (eds.), *International Migration Systems. A Global Approach*, Oxford, Clarendon Press.
12. Stark, O., Edward Taylor, J. 1991, Migration Incentives, Migration Types: The Role of Relative Deprivation, *The Economic Journal*, vol. 101, №408, September, p. 1163—1178. <https://doi.org/10.2307/2234433>.
13. Ivakhnyuk, I. 2008, *Eurasian migration system — theory and practice*, Moscow, MAKS Press.
14. Ivakhniouk, I., Iontsev, V. 2005, Russia — EU: Interactions within the Reshaping European Migration Space. In: Slany, K. (ed.), *International Migration. A Multidimensional Analysis*, AGH University of Science and Technology Press, Cracow, p. 217—250.
15. Рязанцев, С. В., Письменная, Е. Е., Воробьева, О. Д. 2020, Евразийский миграционный коридор: теоретические аспекты, оценки масштабов и ключевые характеристики, *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право*, №4, с. 5—18.
16. Duvell, F., Haas, H., Coller, M., Molodikova, I. 2014, Introduction. In: Duvell, F., Coller, M., Molodikova, I. (eds.), *Transit Migration in Europe*, Amsterdam University Press.
17. De Haas, H. 2009, *Migration System Formation and decline. A theoretical inquiry into the self-perpetuation and self-undermining dynamics of migration processes*, Working paper 19, International Migration Institute, Oxford.
18. Тихонова, Л. Е., Масленкова, Е. В. 2021, Диагностика проблемных компонентов международной миграции в республике Беларусь, Миграционные мосты в Евразии, Сб. трудов XII Международного научно-практического форума, Москва, Изд-во «Знание-М», с. 108—119.
19. De Haas, H., Czaika, M., Flahaux, E., Mahendra, M.-L., Natter, K., Vezzoli, S., Villares-Varela, M. 2019, International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects, *Population and Development Review*, vol. 45, №4, p. 885—922.
20. De Haas, H., Natter, K., & Vezzoli, S. 2018, Growing restrictiveness or changing selection? The nature and evolution of migration policies. *The International Migration Review*, vol. 52, №2, p. 324—367. <https://doi.org/10.1111/imre.12288>.
21. Малиновская, Е. А. 2013, Внешние миграции населения Украины периода независимости. Два с лишним десятка лет трансформаций, *Демоскоп Weekly*, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0563/demoscope563.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).
22. Tishkov, V., Zaionchkovskaya, Zh., Vitkovskaya, G. 2005, The Global Commission on International Migration: “Migrations in the Countries of the Former Soviet Union, *Report of the Global Commission on International Migration ‘Migration in the Interconnected World: New Directions for Action*, Geneva, IOM.
23. Tammur, A. 2017, Native and foreign-origin population in Estonia, *Quarterly Bulletin of Statistics Estonia*, vol. 1, no.17.
24. Ainsaar, M., Stankuniene, V. 2011, Demographic costs of transition and the future of the Baltics. In: Lauristin, M. (ed.), *Estonian human development report. Baltic way(s) of human development: Twenty years on*, p. 44—51, Tallinn, Eesti Koostöökogu.
25. MPC — *MIGRATION PROFILE Belarus*, 2013, The Demographic-Economic Framework of Migration The Legal Framework of Migration The Socio-Political Framework of Migration, URL: https://migrationpolicycentre.eu/docs/migration_profiles/Belarus.pdf (accessed 15.02.2022).
26. Воробьева, О. Д., Рыбаковский, Л. Л., Рыбаковский, О. Л. 2016, *Миграционная политика России: история и современность*, М., Изд-во «Экон-Информ», 192 с.

27. Molodikova, I. 2017, Russian policy toward compatriots: Global, regional and local approach. In: Nikolko, M., Carment D. (eds.), *Post-Soviet Migration and Diasporas: from global perspective to everyday practices*, UK, Palgrave Macmillan, p.143—165.
28. Lazutka, R., Navicke, Je. 2020. In: Lafleur, J.-M., Vintila, D. (eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol. 1, IMISCOE Research Series, p. 271. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_18.
29. Thaut, L. 2009, EU integration & emigration consequences: The case of Lithuania, *International Migration*, vol. 47, №1, p. 191.
30. Gudavičius, S. 2019, Gyventojų skaičiaus mažėjimas sulėtėjo, Lietuvoje — 2,8 mln. žmonių [The slowdown of the decreasing population number. 2.8 mln. people in Lithuania], *Verslo žinios*, 2019, 01—11, URL: <https://www.vz.lt/verslo-aplinka/2019/01/11/gyventoju-skaiciaus-mazejimas-suletejo-lietuvoje%2D%2D28-mln-zmoniu#ixzz5iQ28u9bu> (accessed 15.02.2022).
31. Зайончковская, Ж. 2007, Почему необходима иммиграционная политика? В: Зайончковская, Ж., Молодикова, И., Мукомель, В. (ред.). *Методология и методика изучения миграционных процессов*, Москва, Центр Миграционных исследований, с. 114—141.
32. Воробьева, О. 2001, *Миграционная политика, Миграция населения*, приложение к журналу «Миграция в России», Москва, выпуск 6.
33. Malinovska, O. 2003, Labour Migration in Ukraine: what has changed in 10 years? In: Zaionchnovskaya, Z., Moshnuaga, V. (eds.), *Labour migration and protection of migrant workers' rights. Practice in post-communist countries*, Chisinau.
34. Mosneaga, V. 2007, "Regulation of labor migration in Republic of Moldova: main stages and peculiarities", *Moldoscopia (Probleme de analiza politica)*, Chisinau, Moldova, 1(XXXVI).
35. Zaionchkovskaya, Zh. 2005, Labour Migration in CIS Countries: the Remedy Against the Economic Crisis. In: *Migration, Social and Intercultural Aspects of Sustainable Development*, p. 159—165, Conference paper, Moscow.
36. Molodikova, I., Nagy, Z. 2003, Hungary in the context of European Economic migration, *Migracijske i etnicke teme Journal*, Zagreb.
37. ICMPD, 2007, *2006 Year book on Illegal Migration, Smuggling and Trafficking in Central and Eastern Europe*. Vienna, International Centre for Migration Policy Development.
38. Clandestino Divinský, B. 2008, *Undocumented Migration, Country report: Slovak Republic*, Clandestino.
39. Molodikova, I. 2018, Russian Federation (2018), *Global review of migrant smuggling data and research*, vol. II, IOM/UN.
40. Molodikova, I. 2018, Eurasian Migration towards Russia: Regional Dynamics in the era of Globalisation. In: Triandafyllidou, A. (ed.), *Handbook on Migration and Globalisation*, Edward Elgar, Cheltenham, UK, p. 334—359.
41. Зайончковская, Ж., Мкртчян, Н. 2007, *Внутренняя миграция в России: правовая практика» серия «Миграционная ситуация в регионах России»*, Выпуск 4, Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, М., 84 с.
42. Tammur, A. 2017, Native and foreign-origin population in Estonia, *Quarterly Bulletin of Statistics Estonia*, №1 (17).
43. Molodikova, I., Nagy, Z. 2003, Hungary in the context of European Economic migration, *Migracijske I Ethnicke Teme Journal*, Zagreb, Croatia, №4, p. 145—160.
44. Czaika, M., de Haas, H. 2015, The Globalization of Migration: Has the World Become More Migratory, *International Migration Review*, vol. 48, №2, p. 283—323. <https://doi.org/10.1111/imre.12095>.
45. Christiansen, T., Jorgensen, K. E. 2000, Transnationa. Governance 'above' and 'below' the state: The changing nature of border in the new Europe, *Regional and Federal Studies*, vol. 10, no. 2, p. 62—77.
46. Geiger, M. 2008, International Actors and the Emergence of a Pan-European Migration Regime: Institutional Development in Albania and Ukraine. In: Ayse Gunes Ayata (ed.), *Challenges of Global Migration: EU and its Neighbourhood*, KORA/METU, GLOMOG Project Policy papers, Ankara, Turkey, p. 94.
47. Зайончковская, Ж., Тюрюканова, Е. (ред.) 2010, *Миграция и демографический кризис*, Москва, Центр миграционных исследований РАН.

48. Ryazantsev, S., Pismennaya, E. 2012, Russian Diaspora: Formation, Identity and Assimilation, *Latinidade. Revista do Nucleo de Estudos das Americas*, vol. 3, no. 2, p. 165—176.
49. Górný, A., Kaczmarczyk, P. 2018, A Known but Uncertain Path: The Role of Foreign Labour in Polish Agriculture, *Journal of Rural Studies*, <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2017.12.015>.
50. Okólski, M. (eds.) 2012, *European Immigrations: Trends, Structures and Policy Implications*, Amsterdam University Press.
51. Kałuża-Kopias, D. 2016, *Imigranci na polskim rynku pracy według statystyk MPiPS*, Studia Ekonomiczne, Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Katowicach, № 258, p. 17—28.
52. Малиновская, А. 2021, Українське студентство в Польщі: політики залучення, інтеграції та мотивація і плани студентів, *Cedos*, URL: <https://cedos.org.ua/researches/ukrainski-studenty-v-polshchchipolityky-zaluchennia-intehratsii-ta-motyvatyia-i-planu-studentiv/> (дата обращения: 14.01.2022).
53. Kamenska, A., Tumule, Je. 2020, Migrants' Access to Social Protection in Latvia. 2020. In: Lafleur, J.-M., Vintila, D. (eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol. 1, IMISCOE Research Series. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_17257.
54. Libanova, E. M., Pozniak, O. V. 2020, External labor migration from Ukraine: the impact of COVID-19, *Demography and Social Economy*, № 4 (42), p. 28.
55. Migration in Ukraine. Facts and Figures, 2021, IOM Ukraine.
56. Ворона, В. М., Шульга, М. О. 2019, Украинское суспільство: моніторинг соціальних змін, Випуск 6(20), Київ, Інститут соціології НАН України, с. 14.
57. Pozniak O. 2016, Otsynuyannya naslidkiv zovnishnoyi trudovoyi mihratsiyi v Ukrayin Di emohrafiia ta sotsialna ekonomika, vol. 2 (27), № 169—182.
58. Kazantseva, O. 2015, Sovremennye migratsionnye processy v Moldova: trendy i vizovy. In: *Contemporary Migration Processes: current state and main forms*, Tiraspol, IOM.
59. Geciene-Janulione, I. 2020, Impact of remigration on the work sphere under COVID-19: the case of Lithuania, *Balt. Reg.*, vol. 12, № 4, p. 103—127. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-6>.
60. Kaźmierkiewicz, P., Kulesa, A. 2021, Short-term labour immigration 2010—2019. In: Kaźmierkiewicz, P., Kulesa, A. (eds.), *In search of new opportunities: Circular migration between Belarus and Poland, Slovakia and the Czech Republic — state of play and prospects for cooperation*, Center for Social and Economic Research, Warsaw, URL: https://www.case-research.eu/files/?id_plik=6646 (дата обращения: 15.01.2022).
61. Зайончковская, Ж., Мкртчян, Н., Тюрюканова, Е. 2008, Россия перед вызовами иммиграции, Москва, ИНХП РАН.
62. Molodikova I. 2020, Combating irregular migration and human trafficking in the CIS countries, Analytical report Prague process, International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), Vienna, URL: <https://www.pragueprocess.eu/en/migration-observatory/publications/document?id=250> (accessed 15.02.2022).
63. Birka, I. 2019, Latvia's population could shrink by 22 percent, Lithuania and Estonia could decline by 17 percent and 13 percent, respectively, UN Population Division forecast by 2050.
64. Ainsaar, M., Roots, A. 2020, Migrants' Access to Social Protection in Estonia 137—149. In: Lafleur, J.-M., Vintila, D. (eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol. 1, IMISCOE Research Series. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_9.
65. Ainsaar, M., & Stankuniene, V. (2011). Demographic costs of transition and the future of the Baltics. In M. Lauristin (ed.), *Estonian human development report. Baltic way(s) of human development: Twenty years on* (pp. 44—51). Tallinn: Eesti Koostöökoogu.
66. Ainsaar, M., Rootalu, K. 2016, European demographic change and welfare challenges. In: Schubert, K., de Villota, P., Kuhlmann, J. (eds.), *Challenges to European welfare systems*, Heidelberg, Springer, p. 793—806.
67. Архангельский, В. Н., Бардакова, Л. И., Безвербный В. А. и др., 2021, Демографическое развитие постсоветских стран (1991—2021): тренды, демографическая политика, перспективы, Рязанцев, С. В., Аналитический доклад, ФНИСЦ РАН, М., ИТД «Перспектива», 200 с.
68. Sakkeus, L. 1994, The Baltic states. In: Ardittis, S. (ed.), *The Politics of East-West Migration*, p. 68—85.

Об авторах

Сергей Васильевич Рязанцев, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия; профессор кафедры международных экономических отношений, Российский университет дружбы народов, Россия; заведующий кафедрой демографической и миграционной политики, МГИМО МИД России, Россия.

E-mail: riazan@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5306-8875>

Ирина Николаевна Молодикова, кандидат географических наук, научный сотрудник факультета экологии и экологической политики, руководитель программы «Миграция и безопасность на постсоветском пространстве», Центрально-европейский университет, Австрия.

E-mail: molodiko@ceu.edu

<https://orcid.org/0000-0001-8926-9679>

Ольга Дмитриевна Воробьева, доктор экономических наук, профессор кафедры демографии, МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия; главный научный сотрудник, Институт демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН, Россия.

E-mail: 89166130069@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1304-3715>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

BETWEEN THE EURASIAN AND EUROPEAN SUBSYSTEMS: MIGRATION AND MIGRATION POLICY IN THE CIS AND BALTIC COUNTRIES IN THE 1990s—2020s

S. V. Ryazantsev^{1, 2, 3}

I. N. Molodikova⁵

O. D. Vorobeveva^{2, 4}

¹ RUDN University
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

² Institute for Demographic Research Federal Centre for
Theoretical and Applied Sociology Russian Academy of Sciences
6 Fotievoy St. Moscow, 119333, Russia

³ MGIMO-University
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia

⁴ Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

⁵ Central European University 51,
Quellenstraße, Vienna, 1100, Austria

Received 20.03.2022

doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-8

© Ryazantsev, S. V., Molodikova, I. N.,
Vorobeveva, O. D., 2022

The article analyses migration from border countries (the so-called overlapping area) of two migration subsystems — Eurasian (centred in the Russian Federation) and European (the European Union) from 1991 to 2021 (before the recent events in Ukraine). A step-by-step analysis of the migration situation in the countries of the former USSR — Belarus, Latvia, Lithuania, Moldova, Ukraine and Estonia was conducted. The article examines bilateral and multilateral migration processes, analyses the main factors influencing their development and explores migration policy measures and their impact on the regulation of migration processes in the countries of the overlapping area. These countries, located between the two centres of major migration subsystems in Eurasia (Eurasian and European, or, in other words, between the Russian Federation and the core of the EU), are subject to their strong influence and ‘competitive gravitation’. The strength of this gravitation depends not only on pull and push factors but also on the attractiveness and non-attractiveness of the migration policies prevailing in these migration subsystems at a given point in time.

Keywords:

migration subsystems, migration processes, migration policy

References

1. Houtum, H. 2008, *The War Against Unwanted Immigrants: EU's Border Machine in Challenges of Global Migration: EU and its Neighborhood*, Ankara, KORA & METU.
2. Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. 1993, Theories of International Migration: A Review and Appraisal, *Population and Development Review*, vol. 19, № 3, p. 431—466.
3. Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. 1998, *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*, Oxford, Oxford University Press.
4. Fawcett, J., Arnold, F. 1987, Explanation Diversity: Asia and Pacific Immigration Systems. In: Fawcett, J., Carino, B. (eds.), *Pacific Bridges: The New Immigration from Asia and the Pacific Islands*, New York, Center for Migration Studi.
5. Gurak, D. T., Caces, F. E. 1992, Migration networks and the shaping of migration systems. In: Kritz, M. M., Lim, L. L., Zlotnik, H. (eds.), *International Migration System. A Global Approach*, Oxford. Clarendon Press, p. 150—175.
6. Kritz, M. M., Lim, L. L., Zlotnik, H. (eds.) 1992, *International Migration System: A Global Approach*, Oxford, Clarendon Press.
7. Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. 1998, *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*, Oxford, Oxford University Press.
8. Zlotnik, H. 1998, The Dimensions of International Migration: International Migration Levels, Trends and What Existing Data Systems Reveal, *Technical Symposium on International Migration and Development*, The Hague, Netherlands, 29 June-3 July.
9. De Haas, H. 2007, Remittances, Migration and Social Development A Conceptual Review of the Literature United Nations Research Institute for Social Development, *Social Policy and Development Programme*, Paper № 34, October 2007, 46 p.
10. Canales, A., Mendoza, C. 2001, Migration, Remittances and Local Development in Mexico, Report, *XXIVth IUSSP General Population Conference*, Salvador, Brazil, August 2001.
11. Zlotnik, H. 1992, Empirical identification of international migration systems. In: Kritz, M., Lean, L., Zlotnik, H. (eds.), *International Migration Systems. A Global Approach*, Oxford, Clarendon Press.
12. Stark, O., Edward Taylor, J. 1991, Migration Incentives, Migration Types: The Role of Relative Deprivation, *The Economic Journal*, vol. 101, №408, September, p. 1163—1178. doi: <https://doi.org/10.2307/2234433>.
13. Ivakhnyuk, I. 2008, *Eurasian migration system — theory and practice*, Moscow, MAKS Press.
14. Ivakhniouk, I., Iontsev, V. 2005, Russia — EU: Interactions within the Reshaping European Migration Space. In: Slany, K. (ed.), *International Migration. A Multidimensional Analysis*, AGH University of Science and Technology Press, Cracow, p. 217—250.
15. Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Vorobieva, O. D. 2020, Eurasischer Migrationskorridor: Theoretische Aspekte, Skalenschätzungen und Schlüsselmerkmale, *Nauchnoe obozrenie. Serih ya 1. Ekonomika i pravo*, № 4, p. 5—18 (in Russ.).

16. Duvell, F., Haas, H., Coller, M., Molodikova, I. 2014, Introduction. In: Duvell, F., Coller, M., Molodikova, I. (eds.), *Transit Migration in Europe*, Amsterdam University Press.
17. De Haas, H. 2009, *Migration System Formation and decline. A theoretical inquiry into the self-perpetuation and self-undermining dynamics of migration processes*, Working paper 19, International Migration Institute, Oxford.
18. Tikhonova, L.E., Maslenkova, E.V. 2021, Diagnosis of problematic components of international migration in the Republic of Belarus, *Migratsionnye mosty v Evrazii* [Migration bridges in Eurasia], Sat. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Forum, Moscow, Znanie-M Publishing House, p. 108–119 (in Russ.).
19. De Haas, H., Czaika, M., Flahaux, E., Mahendra, M.-L., Natter, K., Vezzoli, S., Vilaires-Va-rela, M. 2019, International Migration: Trends, Determinants, and Policy Effects, *Population and Development Review*, vol. 45, № 4, p. 885–922.
20. De Haas, H., Natter, K., & Vezzoli, S. 2018, Growing restrictiveness or changing selection? The nature and evolution of migration policies. *The International Migration Review*, 52(2), 324–367. <https://doi.org/10.1111/imre.12288>.
21. Malinovskaya, E.A. 2013, Vneshnie migratsii naselenia Ukraini perioda nezavisimosti. Dva s lishnim desiatka let transformatsii, *Демоскоп Weekly*, URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0563/demoscope563.pdf> (accessed 15.01.2021).
22. Tishkov, V., Zaionchkovskaya, Zh., Vitkovskaya, G. 2005, The Global Commission on International Migration: "Migrations in the Countries of the Former Soviet Union, *Report of the Global Commission on International Migration 'Migration in the Interconnected World: New Directions for Action*, Geneva, IOM.
23. Tammur, A. 2017, Native and foreign-origin population in Estonia, *Quarterly Bulletin of Statistics Estonia*, vol. 1, № 17.
24. Ainsaar, M., Stankuniene, V. 2011, Demographic costs of transition and the future of the Baltics. In: Lauristin, M. (ed.), *Estonian human development report. Baltic way(s) of human development: Twenty years on*, p. 44–51, Tallinn, Eesti Koostöökogu.
25. MPC – MIGRATION PROFILE Belarus, 2013, The Demographic-Economic Framework of Migration The Legal Framework of Migration The Socio-Political Framework of Migration, URL: https://migrationpolicycentre.eu/docs/migration_profiles/Belarus.pdf (accessed 15.02.2022).
26. Vorobieva, O.D., Rybakovsky, L.L., Rybakovsky, O.L. 2016, *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost* [Migrationspolitik Russlands: Geschichte und Moderne], M., Ekon-Inform, 192 p.
27. Molodikova, I. 2017, Russian policy toward compatriots: Global, regional and local approach. In: Nikolko, M., Carment D. (eds.), *Post-Soviet Migration and Diasporas: from global perspective to everyday practices*, UK, Palgrave Macmillan, p.143–163.
28. Lazutka, R., Navicke, Je. 2020. In: Lafleur, J.-M., Vintila, D. (eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol. 1, IMISCOE Research Series, p. 271. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_18.
29. Thaut, L. 2009, EU integration & emigration consequences: The case of Lithuania, *International Migration*, vol. 47, № 1, p. 191.
30. Gudavičius, S. 2019, Gyventojų skaičiaus mažėjimas sulėtėjo, Lietuvoje – 2,8 mln. žmonių [The slowdown of the decreasing population number. 2.8 mln. people in Lithuania], *Verslo žinios*, 2019, 01–11, URL: <https://www.vz.lt/verslo-aplinka/2019/01/11/gyventoju-skaičiaus-mazejimassuletejo-lietuvoje%2D%2D28-mln-zmoniu#ixzz5iQ28u9bu> (accessed 15.02.2022).
31. Zaionchkovskaya, J. 2007, Why is immigration policy necessary? In: Zaionchkovskaya, Zh., Molodikova, I., Mukomel, V. (eds.), *Metodologiya i metodika izucheniya migratsionnykh protsessov* [Methodology and methods of studying migration processes], Moscow, Center for Migration Studies, p. 114–141 (in Russ.).
32. Vorobieva, O. 2001, Migration policy, Migration of the population, supplement to the journal, *Migratsiya v Rossii* [Migration in Russia], Moscow, № 6 (in Russ.).
33. Malinovska, O. 2003, Labour Migration in Ukraine: what has changed in 10 years? In: Zaionchnovskaya, Z., Moshnuaga, V. (eds.), *Labour migration and protection of migrant workers' rights. Practice in post-communist countries*, Chisinau.
34. Mosneaga, V. 2007, "Regulation of labor migration in Republic of Moldova: main stages and peculiarities", *Moldoscopie (Probleme de analiza politica)*, Chisinau, Moldova, 1 (XXXVI).
35. Zaionchkovskaya, Zh. 2005, Labour Migration in CIS Countries: the Remedy Against the Economic Crisis. In: *Migration, Social and Intercultural Aspects of Sustainable Development*, p. 159–165, Conference paper, Moscow.
36. Molodikova, I., Nagy, Z. 2003, Hungary in the context of European Economic migration, *Migracijske i etnicke teme Journal*, Zagreb.

37. ICMPD, 2007, *2006 Year book on Illegal Migration, Smuggling and Trafficking in Central and Eastern Europe*. Vienna, International Centre for Migration Policy Development.

38. Clandestino Divinský, B. 2008, *Undocumented Migration, Country report: Slovak Republic*, Clandestino.

39. Molodikova, I. 2018, Russian Federation (2018), *Global review of migrant smuggling data and research*, vol. II, IOM/UN. In: Triandafyllidou, A. (ed.), *Handbook on Migration and Globalisation*, Edward Elgar, Cheltenham, UK, p. 334–359.

40. Molodikova, I. 2018, Eurasian Migration towards Russia: Regional Dynamics in the era of Globalisation. In: Triandafyllidou, A. (ed.), *Handbook on Migration and Globalisation*, Edward Elgar, Cheltenham, UK, p. 334–359.

41. Zayonchkovskaya, Zh., Mkrtychyan, N. 2007, *Vnutrennyaya migratsiya v Rossii: pravovaya praktika» seriya «Migratsionnaya situatsiya v regionakh Rossii»* [Internal Migration in Russia: Legal Practice, Migration Situation in Russia's Regions series], Center for Migration Research, Institute of Economic Forecasting RAS, M., 84 p.

42. Tammur, A. 2017, Native and foreign-origin population in Estonia, *Quarterly Bulletin of Statistics Estonia*, № 1 (17).

43. Molodikova, I., Nagy, Z. 2003, Hungary in the context of European Economic migration, *Migracijske I Etnicke Teme Journal*, Zagreb, Croatia, № 4, p. 145–160.

44. Czaika, M., de Haas, H. 2015, The Globalization of Migration: Has the World Become More Migratory, *International Migration Review*, vol. 48, № 2, p. 283–323. <https://doi.org/10.1111/imre.12095>.

45. Christiansen, T., Jorgensen, K. E. 2000, Transnational Governance 'above' and 'below' the state: The changing nature of border in the new Europe, *Regional and Federal Studies*, vol. 10, no. 2, p. 62–77.

46. Geiger, M. 2008, International Actors and the Emergence of a Pan-European Migration Regime: Institutional Development in Albania and Ukraine. In: Ayse Gunes Ayata (ed.), *Challenges of Global Migration: EU and its Neighbourhood*, KORA/METU, GLOMOG Project Policy papers, Ankara, Turkey, p. 94.

47. Zayonchkovskaya, Zh., Tyuryukanova, E. (eds.) 2010, *Migratsiya i demograficheskiy krizis* [Migration and the demographic crisis], Moscow, Center for Migration Research, Russian Academy of Sciences (in Russ.).

48. Ryazantsev, S., Pismennaya, E. 2012, Russian Diaspora: Formation, Identity and Assimilation, *Latinidade. Revista do Nucleo de Estudos das Americas*, vol. 3, no. 2, p. 165–176.

49. Górný, A., Kaczmarczyk, P. 2018, A Known but Uncertain Path: The Role of Foreign Labour in Polish Agriculture, *Journal of Rural Studies*, <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2017.12.015>.

50. Okólski, M. (eds.) 2012, *European Immigrations: Trends, Structures and Policy Implications*, Amsterdam University Press.

51. Kałuża-Kopias, D. 2016, *Imigranci na polskim rynku pracy według statystyk MPiPS*, Studia Ekonomiczne, Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Ekonomicznego w Katowicach, № 258, p. 17–28.

52. Малиновская, А. 2021, Українське студентство в Польщі: політики залучення, інтеграції та мотивація і плани студентів, Cedos, URL: <https://cedos.org.ua/researches/ukrain-ski-studenty-v-polshchi-polityky-zaluchennia-intehratsii-ta-motyvatyia-i-plany-studentiv/> (дата обращения: 14.01.2022).

53. Kamenska, A., Tumule, Je. 2020, Migrants' Access to Social Protection in Latvia. 2020. In: Lafleur, J.-M., Vintila, D. (eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol. 1, IMISCOE Research Series. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_17257.

54. Libanova, E. M., Pozniak, O. V. 2020, External labor migration from Ukraine: the impact of COVID-19, *Demography and Social Economy*, № 4 (42), p. 28.

55. Migration in Ukraine. Facts and Figures, 2021, IOM Ukraine.

56. Vorona, V. M., Shulga, M. O. 2019, Ukrainian Suspense: monitoring social changes, № 6 (20), Kyiv, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, p. 14 (in Ukr.)

57. Pozniak, O. 2016, Otsynuyvannya naslidkiv zovnishnoyi trudovoyi mihratsiyi v Ukraini, *Demohrafiya ta sotsialna ekonomika*, № 2 (27), p. 169–182.

58. Kazantseva, O. 2015, Sovremennye migratsionnye processy v Moldova: trend ii vizovi. In: *Contemporary Migration Processes: current state and main forms*, Tiraspol, IOM. С. В. Рязанцев, И. Н. Молодикова, О. Д. Воробьева 143.

59. Geciene-Janulione, I. 2020, Impact of remigration on the work sphere under COVID-19: the case of Lithuania, *Balt. Reg.*, vol. 12, № 4, p. 103–127. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-6>.

60. Kaźmierkiewicz, P., Kulesa, A. 2021, Short-term labour immigration 2010—2019. In: Kaźmierkiewicz, P., Kulesa, A. (eds.), In search of new opportunities: Circular migration between Belarus and Poland, Slovakia and the Czech Republic — state of play and prospects for cooperation, Center for Social and Economic Research, Warsaw, URL: https://www.caseresearch.eu/files/?id_plik=6646 (дата обращения: 15.01.2022).

61. Zayonchkovskaya, Zh., Mkrtchyan, N., Tyuryukanova, E. 2008, *Rossiya pered vyzovami immigratsii* [Russia facing immigration challenges], Moscow, INCP RAS (in Russ.).

62. Molodikova, I. 2020, Combating irregular migration and human trafficking in the CIS countries, *Analytical report Prague process*, International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), Vienna, URL: <https://www.pragueprocess.eu/en/migration-observatory/publications/document?id=250> (accessed 15.02.2022).

63. Birka, I. 2019, *Latvia's population could shrink by 22 percent, Lithuania and Estonia could decline by 17 percent and 13 percent*, respectively, UN Population Division forecast by 2050.

64. Ainsaar, M., Roots, A. 2020, Migrants' Access to Social Protection in Estonia 137—149. In: Lafleur, J.-M., Vintila, D. (eds.), *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol. 1, IMISCOE Research Series. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_9.

65. Ainsaar, M., Stankuniene, V. (2011). Demographic costs of transition and the future of the Baltics. In M. Lauristin (ed.), *Estonian human development report. Baltic way(s) of human development: Twenty years on* (pp. 44—51). Tallinn: Eesti Koostöökogu.

66. Ainsaar, M., Rootalu, K. 2016, European demographic change and welfare challenges. In: Schubert, K., de Villota, P., Kuhlmann, J. (eds.), *Challenges to European welfare systems*, Heidelberg, Springer, p. 793—806.

67. Arkhangelsky, V.N., Bardakova, L.I., Bezverbny V.A. at all, 2021, *Demograficheskoe razvitiye postsovetskikh stran (1991—2021): trendy, demograficheskaya politika, perspektivy* [Demographic development of the post-Soviet countries (1991—2021): trends, demographic policy, prospects], Ryazantsev, S. V., Analytical report, Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, M., ITD “Perspektiva”, 200 p. (in Russ.).

68. Sakkeus, L. 1994, The Baltic states. In: *Ardittis, S. (ed.), The Politics of East-West Migration*, p. 68—85.

The authors

Prof. Sergey V. Ryazantsev, Head of the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University, Russia; Director, Institute for Demographic Research, Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia; Professor, RUDN University, Russia.

E-mail: riazan@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5306-8875>

Dr Irina N. Molodikova, Research Fellow, Department of Environmental Science and Policy, Central European University, Austria.

E-mail: molodiko@ceu.edu

<https://orcid.org/0000-0001-8926-9679>

Prof. Olga D. Vorobeva, Department of Demography, Lomonosov Moscow State University, Russia; Chief Researcher, Institute of Demographic Research the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: 89166130069@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1304-3715>

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ДИАСПОРА В СТРАНАХ БАЛТИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Р. Х. Симонян

МГИМО МИД России,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Поступила в редакцию: 24.03.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-9
© Симонян Р. Х., 2022

В современном мире насчитывается более 20 млн наших соотечественников, проживающих за пределами России, и, как показывает миграционный тренд, их численность в ближайшей перспективе будет возрастать. Особое место в российском зарубежье занимает русскоязычная диаспора в странах Балтии. Латвия, Литва и Эстония в течение длительного исторического периода составляли с Россией единое государство, что не могло не оказать воздействия на становление этих стран как субъектов международной политики. С мая 2004 года страны Балтии входят в состав Евросоюза. Таким образом, наряду с Финляндией они составляют приграничное пространство Евросоюза с Россией, что определяет их особую геополитическую роль на европейском континенте. В этом контексте в статье рассматривается русскоязычная диаспора стран Балтии: обосновываются факторы ее устойчивости и сохранения в этом регионе Евросоюза русского культурного ареала, проводится анализ социально-экономического и правового положения различных групп русскоязычных жителей, выявляются особенности их идентификации, оцениваются перспективы развития диаспоры.

Ключевые слова:

российско-евросоюзское приграничье, русскоязычная диаспора, факторы устойчивости и развития

Введение

Рост миграционных процессов в современном мире вызывает необходимость их научного осмысления. Изучение русских диаспор, численность которых составляет более 20 млн человек и постоянно увеличивается¹, составляет часть общемировой тенденции исследования диаспор. В то же время состояние и перспективы русских диаспор — малоизученная тема. Ни на государственном (через институты Россотрудничества, фонда «Русский мир» и др.), ни на академическом уровнях полноценные комплексные исследования русского зарубежья не проводятся.

В силу географических, культурно-исторических, политических и экономических причин такие исследования в странах Балтии являются весьма актуальными в отношениях Россия — Евросоюз. Помимо русских в эти страны мигрировали представители других этносов Советского Союза [1, с. 151]. Общим для мигрантов был русский язык, поэтому вместо неприемлемой ныне категории «граждане СССР» используется категория «русскоязычные». Это более точно представляет диаспору, так как русский язык — это также и средством освоения русской культуры. К этому

¹ Россия в цифрах. 2019, 2020, Краткий статистический сборник, 2020, Росстат, с. 81.

Для цитирования: Симонян Р. Х. Русскоязычная диаспора в странах Балтии: современное состояние и перспективы // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 144–157. doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-9.

можно добавить, что в принимающей стране мигранты из бывшего СССР — украинцы, белорусы, татары, евреи и представители других этносов — воспринимаются местным населением как «русские».

Русскоязычная диаспора в странах Балтии не столько этнический, сколько социокультурный феномен, в котором русские выступают, можно сказать, «диаспорообразующим» этносом. Этот феномен в контексте постсоветской политики в Прибалтийских странах понимается как выражение общности различных этнических групп с Россией. Его политическое содержание проявляется в том, что среди лидеров русскоязычной диаспоры нет доминирования русских. Так, протестные акции в Латвии против запретов школьного обучения на русском языке возглавили представители других этносов — Я. Плинер, В. Линдерман, депутат Сейма Б. Цилевич, депутат Европарламента Н. Жданок. В Эстонии защитой прав русских активно занимаются В. Полишук, Х. Барабанер, И. Розенфельд, Р. Григорян, депутат Европарламента Я. Тоом.

Русскоязычные жители прибалтийских государств представляют собой классическую диаспору, подробно описанную в научной литературе [2—8].

Демографическое и пространственное измерение устойчивости диаспоры

К моменту распада СССР в декабре 1991 года из 7,9 млн населения Прибалтики русские составляли 1,46 млн, то есть 18,3 %. После вступления в Евросоюз в Прибалтике, как и во всей Восточной Европе, резко возросла эмиграция в страны Западной Европы. Особенно подстегнул этот процесс кризис 2008 года — прибалтийские республики покинуло около 20 % жителей трудоспособного возраста, и этот процесс продолжался до начала пандемии. Так, в 2018 году население Латвии сократилось на 7,6 % (1-е место по этому показателю в ЕС). При этом этнический фактор не имеет значения: трудовую миграцию составляют представители как титульных, так и нетитульных этносов. Общими являются и демографические потери.

По сравнению с советским периодом население Эстонии уменьшилось на 16,2 %, Литвы — на 26,8 %, Латвии — на 29,3 %, что дало основание литовскому экономисту П. Гилису так охарактеризовать демографические процессы в Прибалтике: «это уже не эмиграция, а эвакуация» [9, р. 359].

Численность населения Прибалтики за постсоветский период снизилась до 6 млн человек, из которых русские составили 1,07 млн, то есть 17,6 %. Произошло сокращение русскоязычного населения: в Латвии — с 47,6 до 37,5 %, в Литве — с 20,2 до 15,3 %, в Эстонии — с 38,5 до 31,4 %. Но если учесть численность военнослужащих ПриБВО и членов их семей, покинувших страны Балтии к началу 1996 года, то доля русскоязычного населения за прошедшие 30 лет практически не изменилась — это свидетельствует о прочности его позиций в этом стратегически важном для России регионе.

В последние годы происходит рост эмиграции из России. Так, по данным Росстата, если в 2010 году на постоянное место жительства в Прибалтику из России переехали 498 человек (139 — в Латвию, 153 — в Литву, 206 — в Эстонию), то в 2018 году — 2516 (1024 — в Латвию, 625 — в Литву, 867 — в Эстонию)². Эмиграция русскоязычных в Прибалтику растет и из других бывших республик СССР.

Для устойчивости диаспоры большое значение имеют формы расселения. В Прибалтике русскоязычные обладают внушительными территориальными базами. В Латвии — это Рига, где латышей 45 %, остальные 55 % — русскоязычные: русские — 38,2 %, белорусы — 3,9 %, украинцы — 3,4 % и др. Второй город по

² *Россия в цифрах. 2019, 2020, Краткий статистический сборник, 2020, Росстат, с. 81.*

величине — Даугавпилс — самый русский город в Латвии: русских — 53,6 %, латышей и латгальцев — 19,8 %, поляков — 14,2 %, белорусов — 7,4 %. В Лиепае латышей — 59 %, Елгаве — 58 %, Вентспилсе — 57 %, Юрмале — 53 %, Резекне — 47 %, Саласпилсе — 42 %.

В Литве — это Клайпеда, третий город по величине, где этнические русские составляют 19,5 % населения, в также такие города, как Висагинас (52 %), Зарасай (23 %), Пабраде (18,5 %), Душштас (17 %), Григишкис (16 %). В самом Вильнюсе литовцы составляют 63,5 % населения, поляки — 16 %, русские — 11,9 %, белорусы — 4,4 %, украинцы — 1,5 %.

В Эстонии третий по численности населения уезд — Ида-Вирумаа (137 тыс. жителей) на 83 % состоит из русскоязычного населения. Здесь находится третий по величине город Нарва, где русских 86 %, а русскоязычных — 95 %. Русскоязычными являются и другие города уезда: пятый по количеству населения город Эстонии Кохтла-Ярве (80 % — русские, 15 % — эстонцы), Силламяэ — второй по величине морской порт Эстонии (87,5 % — русские, 4,8 % — эстонцы), из 16 тыс. жителей города — 8,5 тыс. являются гражданами России. В городе Маарду, где расположен самый крупный грузовой порт Эстонии, эстонцев менее 25 %. Еще один портовый город Эстонии — Палдиски — также русскоязычный, эстонцы в нем составляют 32 %. И наконец, Таллин, 43 % населения которого составляют русскоязычные (36,5 % — русские). Крупнейший район Таллина — Ласнамяэ (119 тыс. чел.), в котором русскоязычные составляют 75 % населения (русские — 65 %), а эстонцы менее 25 %. «Ласнаград» — так называют горожане этот район, который в этническом плане можно сравнить с Московским форштадтом — районом в центре Риги, где с XVIII века селились русские купцы и ремесленники.

В Причудском регионе (города Калласте и Муствеэ, волость Пейпсияре) компактно проживают русские старообрядцы, переселившиеся на территорию Эстонии еще в XVIII–XIX веках. В Тарту — втором по величине городе Эстонии — доля русскоязычных составляет около 20 %, в том числе военных пенсионеров, для которых в советское время были построены несколько домов в городском районе Пуйэсто.

Таким образом, для русскоязычной диаспоры, составляющей значительную долю населения стран Балтии, характерно компактное проживание, прежде всего в крупных промышленных городах и стратегически важных территориях. Это кардинально отличает ее от дисперсно расселенного русскоязычного зарубежья в других регионах мира, которое несмотря на численный рост не имеет потенциала для формирования долговременных и жизнеспособных диаспор. Исторический опыт это подтверждает. Дисперсное расселение 2,7 млн российских граждан (белая эмиграция), образовавших в начале 1920-х годов в Европе и Америке многочисленные диаспоры, привело к тому, что уже через два поколения этнические русские практически полностью растворились в титульных этносах. Противоположный пример представляют 7 тыс. русских старообрядцев — духоборов, эмигрировавших в конце XIX века в Канаду, где они компактно поселились в провинции Саскачеван. Сегодня в Канаде уже более 30 тыс. духоборов, сохранивших и русский язык, и национальные традиции [10, р. 95].

Культурно-исторические факторы устойчивости диаспоры

Прибалтийские республики — это малые страны, в которых численность титульных и нетитульных этносов представляют собой однопорядковые величины. В Литве это соотношение 79:21, в Эстонии — 68:32, в Латвии — 63:37. Соразмерность двух основных языковых групп дает основание классифицировать страны Балтии как двухобщинные государства, что является основополагающим фактором, препятствующим этнической ассимиляции.

Устойчивость российской диаспоры в странах Балтии определяют и многие другие факторы, прежде всего исторический. Русские начали осваивать прибрежные территории Балтики с XI века, когда Ярослав Мудрый в 1030 году основал город Юрьев (Тарту). В XIII—XV веках русские составляли значительную часть населения Великого княжества Литовского и Русского (в российской историографии — «Западная Русь»), сборники государственных документов которого — Статут и Метрика — были напечатаны на церковнославянском языке. В XVI веке большинство родовитых бояр (русская элита тех времен) во главе с князем Андреем Курбским эмигрировали в Литву, спасаясь от репрессий Ивана Грозного. В XVII веке после раскола церкви начинается массовый исход русских старообрядцев в Прибалтику, которые с тех пор являются там автохтонным населением [11]. С начала XVIII века после победы Петра I в Северной войне Прибалтика в течение 200 лет была частью Российской империи. Наконец, в XX веке более 50 лет она входила в состав СССР. Все это нашло отражение в исторической памяти россиян, в том числе в закрепившемся еще с XIX века словосочетании «русская Прибалтика», ставшем важным элементом российского общественного сознания [12; 13].

Показатель устойчивости диаспоры — масштаб ее представительства в принимающем обществе. Русские жители Прибалтики всегда отличались высокой развитостью общественных институтов [14; 15]. Сегодня это 46 общественных объединений в Латвии (в том числе Русская община в Латвии, имеющая консульский статус при ООН³, Ассоциация русской культуры, образования и науки «АРКОНА», Ассоциация проживающих в Латвии ветеранов войны в Афганистане), 35 общественных объединений в Эстонии (в том числе Ассоциация российских граждан Эстонии, Таллинское объединение российских соотечественников, Нарвское объединение российских соотечественников, Союз ветеранских организаций Эстонии), 29 общественных объединений в Литве (в том числе Союз русских Литвы, Ассоциация «Русский дом», Клайпедское русское общество «Лада».)

Важнейший фактор консолидации — это духовная жизнь диаспоры, необходимым элементом которой становится историческая память. Огромную роль в сплочении русскоязычной диаспоры приобрел день 9 Мая, отмечаемый в странах Балтии торжественно и многолюдно. С особым размахом это происходит в Латвии. Так, практически вся площадь у памятника освободителям Риги в этот день покрыта цветами. Этот масштабный акт солидарности производит сильное впечатление.

В Прибалтике русская культура имеет глубокие корни, что выступает основой для деятельности многочисленных культурных центров [16]. Важная роль в укреплении духовного единства диаспоры принадлежит русской театральной культуре. В странах Балтии она имеет давно сложившиеся традиции [17].

Помимо регулярных гастролей ведущих театральных коллективов из России многие десятилетия в Прибалтике работают постоянные театральные коллективы. Русский театр в Вильно, основанный в 1864 году, просуществовал до Первой мировой войны. Современный русский театр Литвы работает с 1946 года. Русский театр в Риге ведет свою историю с 1883 года, а с 2006 года носит имя Михаила Чехова, который в 1930-е годы был его главным режиссером. Русский театр Эстонии в Таллине начал работать с 1948 года, но еще раньше — с 1928 по 1940 год — русский театр функционировал в Нарве. Все они занимают уникальные по архитектуре здания, расположенные в центре столиц. В Таллине проводится ежегодный театральный фестиваль «Золотая маска» с участием приезжающих из России лучших театральных коллективов [18].

³ Экономический и Социальный совет ООН — один из главных ее органов, координирующий сотрудничество в экономической и социальной областях.

Основной элемент любой культуры — язык и религия [18, с. 116]. Православие в странах Балтии представлено многочисленными храмами и монастырями. Кафедральный Пречистенский собор в Вильнюсе, сооруженный в 1348 году русскими зодчими по образцу собора Святой Софии в Киеве и являющийся одной из древнейших христианских святынь Литвы, стоит в центре города. Так же в центре находятся построенные в XIX веке кафедральный собор Рождества Христова в Риге, расположенный напротив Дома Кабинета министров Латвии, и кафедральный Александро-Невский собор в Таллине, находящийся в Вышгороде напротив парламента Эстонии.

Еще один фактор устойчивости российской диаспоры в Прибалтике — ее географическое положение — рядом с Россией, близко к наиболее развитой западной части с ее культурными центрами — Москвой и Петербургом. Русскоязычная диаспора в Балтии не просто этнокультурная община, но часть народа огромного соседнего государства (в отличие, например, от китайской диаспоры в США). Территориальная близость исторической родины стала мощным дополнительным стимулом для консолидации диаспоры.

Динамика социальной структуры диаспоры

К моменту обретения независимости прибалтийских республик в 1991 году русскоязычная диаспора состояла из восьми социокультурных групп.

1. Проживающие здесь еще с довоенных или даже с дореволюционных лет, включая многочисленную общину староверов. Эта группа полностью интегрирована в окружающее общество. В 1993 году около 130 тыс. потомственных россиян в Латвии и около 100 тыс. в Эстонии получили гражданство.

2. Представители российской интеллигенции, наиболее известные среди которых — Ю. Лотман, Б. Егоров, М. Бронштейн, Д. Самойлов, Л. Столович в Эстонии, Ю. Абызов, Н. Задорнов, Р. Тименчик, В. Дозорцев, Л. Коваль в Латвии, К. Воробьев и Я. Канович в Литве, поселившиеся здесь после войны, так как в Прибалтике идеологическое давление ощущалось намного слабее, чем в Москве и Ленинграде. Это самая немногочисленная, но наиболее авторитетная группа. Ее представители оказали огромное влияние на культурное развитие этого региона. «Многие ученые, для которых родным языком является русский, — замечает в связи с этим Т. Мацулевич, один из основателей эстонской политической партии Res Publica, — оказавшие волею судеб в Эстонии, много сделали для развития науки. Без этих людей культура и духовная жизнь Эстонии многое бы потеряли» [19, л. 34].

3. Более крупная группа, которую составили инженеры, врачи, учителя, экономисты, театральные деятели, журналисты и т. п. В формировании этой группы основную роль сыграли приглашения конкретных специалистов, распределение после окончания вузов.

4. Высококвалифицированные рабочие и младший технический персонал, занятые освоением новых технологий на крупных предприятиях, построенных в период послевоенной индустриализации прибалтийских республик.

Переезд представителей второй, третьей и четвертой групп в Прибалтику, вызванный производственной необходимостью, способствовал повышению творческого и профессионально-технического потенциала республик.

В целом представители этих групп вызывали у титульного населения благоприятное отношение.

В пятую группу входили офицеры ПрибВО и члены их семей. Если их временное пребывание регламентировалось приказом и выполняющие его были по существу людьми подневольными, то отставники, обладающие в те годы многочислен-

ными льготами и составившие шестую группу, жителями Прибалтики становились по личным предпочтениям. Естественно, это не вызвало позитивной оценки коренных жителей.

Следующие две группы имели самый низкий общественный статус.

7. Средставители рядового состава срочной службы, которым после отбытия воинской повинности удалось там остаться, закрепиться, а затем и перевезти своих родственников («иммиграционный шлейф»).

И наконец, восьмая группа — «поздние мигранты», самая многочисленная (около 40 % диаспоры) и самая малообразованная: переехавшие по оргнабору или лимиту строить крупнейшие хозяйственные объекты союзного значения (Ново-Таллинский порт, химический комплекс в г. Олайне, завод им. Попова в Риге, Игналинскую атомную электростанцию, различные объекты в Эстонии к Олимпийским играм 1980 года и т. п.). Состав этой группы — сельские жители наиболее бедных регионов — российского Нечерноземья, в основном из соседних Ленинградской и Псковской областей, для которых по тем временам переезд в благополучную Прибалтику был несомненным жизненным успехом. Представители этих групп настороженно воспринимались титульным населением [20].

Эти группы резко различались по ряду признаков, в том числе и по общественно-политическому. Так, на фоне социальной индифферентности седьмой и восьмой групп высокой гражданской активностью отличались представители первых четырех групп, которые к тому же выдвинули из своей среды всех лидеров диаспоры.

Таким образом, к моменту распада СССР русскоязычная диаспора в странах Балтии отличалась неоднородностью во всех отношениях — социальном, идеологическом, культурном. Ее значительное расслоение по нескольким критериям сохраняется и в настоящее время.

Критерий правовых отношений с государством проживания

В Литве был принят закон о гражданстве, согласно которому гражданином страны мог стать любой житель независимо от его национальности и сроков проживания («нулевой вариант») — в этом плане русскоязычная диаспора оказалась гомогенной. В Латвии и Эстонии, наоборот, ее составляют три социальные группы с резкими различиями общественно-политического статуса: граждане страны пребывания, граждане России, неграждане.

В настоящее время в Латвии из 530 тыс. русских 341 тыс. — граждане Латвии, 137 тыс. — неграждане, 52 тыс. — граждане России. В Эстонии из 327 тыс. 172 тыс. — граждане Эстонии, 69 тыс. — неграждане, 86 тыс. — граждане России (6,4 % населения)⁴.

Неграждане — необязательно русские: среди общего количества русских жителей Латвии неграждан всего 26,1 %, среди 22 тыс. украинцев — 41,8 %, а среди 31 тыс. белорусов — 44,9 %.

Правительства Латвии и Эстонии в 1990-х годах потратили много усилий, чтобы ограничить участие русскоязычных в политической жизни. Негражданство — плод этих усилий, который является основным препятствием для интеграции российской диаспоры в полноценную общественную жизнь, лишает значительную часть населения представительства в парламенте и определяет политический режим как этнократию.

Основной мотив отказа от получения гражданства — морально-этический: предложение жителям обращаться за гражданством в собственной стране воспринимается как несправедливость. Уважающему себя взрослому человеку приходится

⁴ Эстония является вторым после России государством по доле проживающих российских граждан.

доказывать чиновнику свою социальную полноценность. К этому надо добавить общий обидный, а подчас даже оскорбительный тон документов. Например, русскому человеку необходимо сдать экзамен по истории Латвии на основе учебных пособий, в которых образ России выглядит искаженным. Что касается молодых людей, то получение паспорта гражданина означает необходимость служить в армии, где в качестве противника фигурирует Россия.

Неграждане ограничены в профессиональной деятельности: не могут занимать должности в государственных учреждениях, не могут служить в армии, в правоохранительных органах. Наиболее жесткие ограничения негражданам установлены в Латвии, где зафиксировано 80 различий между правами граждан и неграждан Латвии [21—23].

В отличие от Латвии неграждане Эстонии могут участвовать в выборе самоуправлений. Это право ограничено пятилетним цензом оседлости на территории местного самоуправления. Данная правовая норма, возникшая в связи с особой этнической ситуацией в Ида-Вирумаа, обеспечила во многих крупных городах, в том числе в столице, доминирование в городском управлении представителей Центристской партии, пользующейся широкой поддержкой русскоязычного электората.

Гражданский статус коррелирует с возрастом. Так, в Латвии 86,8 % неграждан составляет возрастная группа свыше 40 лет. В то же время среди русскоговорящей молодежи 18—25 лет граждан Латвии — 93,4 %.

При этом у неграждан есть свои предпочтения. С 1 января 2007 года Евросоюз наделил их правом безвизового передвижения по всей территории сообщества, после чего темпы получения натурализации негражданами резко сократились. С 18 июня 2008 года лица без гражданства, проживающие в Эстонии и Латвии, получили возможность приезжать без оформления виз и в Россию.

Следует отметить, что большинство эстонцев отрицательно относятся к институту негражданства. По данным исследования Таллинского университета совместно с социологической фирмой Saar Poll, проведенного в декабре 2012 года, 74,8 % эстонцев считали экзамен на гражданство несправедливым [24].

Наиболее существенным ограничением в социально-экономической сфере было лишение неграждан прав владения крупной собственностью в процессе приватизации в 1990-х годах. По господствующему тогда мнению национал-радикальных законодателей, русскоязычные, лишённые полноценных гражданских прав, должны были вернуться в Россию. Но этого не произошло. Отчуждённые от крупного, неграждане стали осваивать малый и средний бизнес. В то время как эстонцы и латыши занимали освободившиеся кресла в государственных учреждениях, русскоязычные успешно осваивали коммерческую деятельность, что дало основание премьер-министру Латвии В. Биркавсу в феврале 1994 года искать сочувствия в Еврокомиссии, так как «русские контролируют предпринимательство в Латвии» (Цит. по: [25]).

Социально-экономический критерий

Кризис переходного периода в большей степени затронул русскоязычных, занятых в основном на крупных государственных предприятиях, вскоре остановившихся. Структурные перемены в экономике, связанные с переходом к рынку, коснулись прежде всего квалифицированных рабочих и младший технический персонал. Национал-радикалы до сих пор гордятся разрушением крупных предприятий, так как, по их мнению, это позволило избавиться от «чуждой» рабочей силы.

До последнего времени бытовало мнение, что овладение языком титульного этноса с последующим получением гражданства автоматически уравнивает шансы русскоговорящих в сфере экономической деятельности. В реальности оказалось, что знание государственного языка действительно повышает шансы русскоязыч-

ных, но вовсе не уравнивает их с титульными этносами. Экономические отношения оказались включенными в политические. По данным официальной статистики, в среднем доходы нетитульных этносов на 10—12 % меньше, чем титульных.

Около 20 % представителей диаспоры заняты в сфере бизнеса, в том числе в мелкооптовой торговле, около 15 % — в сфере образования, здравоохранения, гостиничных, бытовых, консалтинговых и информационных услуг. Примерно 27 % — в промышленном производстве, на транспорте (русскоязычные составляют большинство водителей автобусов, такси, грузовых автомашин), в строительстве (здесь зачастую полулегально). Значительная часть квалифицированных рабочих выезжают на заработки в страны Западной Европы. Около 28 % — пенсионеры, куда входят и офицеры-отставники, которым пенсионное пособие (значительно превышающее местную пенсию по старости) выплачивает Министерство обороны РФ. Остальные (8—10 %) — безработные.

Пенсионное обеспечение в странах Балтии соответствует нормам Евросоюза. Как неграждане, так и граждане РФ, постоянно проживающие на территории Латвии и Эстонии, получают пенсию по старости по достижении установленного законодательством на текущий период пенсионного возраста при наличии минимального трудового стажа (не менее 15 лет). Средний размер пенсии по старости в 2021 году в Латвии — 320 евро, в Литве — 440 евро, в Эстонии — 520 евро. Эти различия связаны с величиной ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС), который в этих странах достаточно высок. По данным МВФ 2021 года, в Латвии он составил 31 509 дол., в Литве — 38 824 дол., в Эстонии — 37 745 дол. (для сравнения в России — 27 930 дол.) Но не менее важно то, как распределяется валовый продукт.

Для оценки экономического неравенства используется индекс Джини: чем больше его величина отклоняется от нуля и приближается к единице, тем в большей степени доходы сконцентрированы у отдельных групп населения. Этот показатель рассчитывается по официальным данным, теневая экономика здесь не учитывается. В 2020 году, по данным ООН, индексы Джини Латвии (34,5), Литвы (35,6) и Эстонии (34,2) хотя не достигли уровня классических социальных государств Северной Европы — Дании (25,2), Швеции (25,6) и Финляндии (26,3), но заметно отделились от России (41,8). Это означает, что в целом в государствах Прибалтики экономическое неравенство не является острой социальной проблемой.

При этом следует отметить более глубокую социально-экономическую поляризацию русскоязычной диаспоры по сравнению с титульным населением. Это находит отражение в рейтингах: так, в 2005—2011 годах из десяти самых богатых людей Латвии семеро были русскоязычными — факт беспрецедентный для Евросоюза. И сегодня среди прибалтийских миллионеров немало русскоязычных.

Экономическое развитие стран Балтии обусловлено тремя факторами. Во-первых, материально-технической базой, научным и профессионально-образовательным потенциалом, созданными в советский период. Во-вторых, эффективно, под строгим общественным контролем проведенными хозяйственными реформами в 1990-х годах, итогом которых стала техническая модернизация. В-третьих, финансовой помощью Евросоюза.

Уже в 2015 году Латвия, Литва и Эстония сумели почти в два раза сократить разницу по показателю ВВП (ППС) со «старыми» (ЕС-15) государствами Евросоюза. После кризиса 2008/09 года доходы населения стран Балтии до пандемии 2020 года постоянно возрастали (в Литве и в 2020 году был прирост в 0,34 %).

За прошедшие 30 лет после распада СССР произошла адаптация русскоязычного населения к своему новому положению. Разумеется, не все слои диаспоры оказались равно восприимчивыми к произошедшим после распада СССР переменам. Наибольший иммунитет оказался у представителей седьмой и восьмой социальных групп.

С одной стороны, казалось, что более высокий культурный и профессиональный уровень, знание языка, толерантность первых четырех групп создает им большие возможности для преодоления травматического шока. Но с другой — образованность и сопутствующая ей повышенная рефлексия делают людей наиболее восприимчивыми к деструктивным явлениям. Менее статусные группы оказываются лучше адаптированными к драматическим событиям, они в большей степени обладают опытом и навыками преодоления травмы, тем более что не слишком глубоко ее переживают. Это помогает им быстрее приспособиться к новым условиям. Характерно, что представители этих групп первыми начали отдавать своих детей в школы с преподаванием на титульных языках.

Важным источником доходов жителей стран Балтии является приграничное сотрудничество с Россией. Приграничные районы традиционно имеют особый благоприятный режим внешней торговли товарами и услугами. Решением Еврокомиссии в августе 2014 года приграничное сотрудничество с Россией было выведено из санкционного режима. В соседних с Россией районах стран Балтии большинство или значительную часть населения составляют русскоязычные. В Латвии — это восточные волости Латгалии (Бальская, Лудзенская, Карсавская), в Эстонии — Ида-Вирумский уезд, в Литве — Клайпедский уезд, где проживают около 40 тыс. русских (22 % общей численности русских). Отсутствие точных статистических данных о доходах населения в рамках приграничной торговли, как и закрытость теневой экономики, усложняют сравнительный анализ материального благосостояния титульных и нетитульных этнических групп.

К настоящему времени в странах Балтии сформировалась многонациональная, но в целом достаточно единая русскоязычная община, характеризующаяся коллективной установкой: в первые постсоветские годы она научилась, с одной стороны, не чересчур активно выступать против государственного законодательства и политических институтов, а с другой — не в полной мере считаться с фактом их существования. В этом смысле больших различий в стратегии социального поведения между диаспорой в Балтии и жителями нынешней России нет. Другими словами, наши соотечественники, проживающие в этих странах, привычно осуществляют тот психологический механизм самозащиты, который сформировался во времена тоталитарного режима, — социально-психологический рестрикционизм, в практической реализации которого наш народ в XX веке достиг больших успехов [26], а события на Украине заставили власть в этих странах больше считаться с русскоязычным населением. За последние восемь лет произошло заметное повышение политической роли диаспоры в Прибалтике [27].

Критерий идентичности

Сегодня разница в самоощущении с Латвией, Литвой или Эстонией заметна не столько между возрастными группами, сколько между теми, кто родились в стране проживания, и теми, кто родились за ее пределами. При этом даже те, кто не родился в стране проживания, считают ее своим родным домом — здесь работал, создал семью, вышел на пенсию, словом, прожил всю жизнь. Большинство русских, родившихся в Прибалтике, особенно представители старшего поколения, в том числе вся община старообрядцев, считают страны проживания своей родиной, однако идентифицируются с Россией (считают себя русскими по этническому происхождению). При этом русские старшего поколения, родившиеся в России, имеют более сильную локальную идентичность в странах проживания. Так, слова «рижанин», «клайпедчанин», «нарвитянин» русскоязычными употребляются значительно чаще, чем представителями титульного этноса.

Среднее поколение более склонно считать себя латвийскими, литовскими, эстонскими русскими, поскольку родители — русские; они гордятся русской культурой, но их социальные связи с Россией слабы, у них нет стремления туда переехать.

Представители всех поколений в той или иной мере идентифицируют себя с Россией, при этом представители младшего поколения в большей степени идентифицируются не со страной (географически), а с русской культурой. Многие представители старшего поколения больше чувствуют связь не с современной Россией, а с Советским Союзом, хотя и среди молодежи многие признают влияние СССР с преобладавшей в нем русской культурой [28; 29].

Что касается напряжения между двумя общинами, то в старшей возрастной группе оно больше связано с незнанием языка титульного этноса, но при этом этническое напряжение и этническая нетерпимость, обращенные против русских, на сегодняшний день, в сравнении с 1990-х годами, существенно меньше.

Двухобщинность порождает два информационных пространства: одна часть населения получает информацию на титульном, другая — на русском языке, и эти пространства почти не пересекаются. Большинство аналитиков приходят к выводу, что обоюдная изоляция титульных и русскоязычных общин со сменой поколений будет постепенно уменьшаться, так как молодое поколение более восприимчиво к мультикультурности.

Сегодня в странах Балтии уже вошло в активную социальную жизнь новое поколение русских, потомки тех самых «поздних мигрантов» 1970—1980-х годов. Многие из них никогда не видели своей исторической родины. Этим молодым людям гораздо ближе Стокгольм или Франкфурт-на-Майне, чем Москва или Нижний Новгород. Для них гораздо важнее утвердиться в социально-экономической, а не в политической жизни. Получив гражданство, они не торопятся к избирательным урнам, что, естественно, вызывает досаду лидеров партий, ориентированных на развитие отношений с Россией («Согласие» и ЗаПЧЕЛ в Латвии, центристы в Эстонии, социал-демократы в Литве). Еще большую досаду они испытывают от стойкого нежелания многих русских, особенно из старших возрастных групп, получать это гражданство.

Молодые русскоязычные в Балтии отличаются от своих российских сверстников деловитостью, практичностью, трудолюбием. Как правило, они владеют не только языком титульного населения, но и английским. С самого начала они не могли рассчитывать на чью-либо помощь и были поставлены в условия жесткой борьбы за выживание. Многие из них успешно освоили торговлю, банковское дело, финансовые операции, информационные технологии, установили деловые контакты на Западе.

Если представители титульных национальностей больше используют ориентированные на них государственные формы обучения — специальные муниципальные школы с углубленным изучением предмета, курсы, кружки, бесплатные секции и т. п., то русскоязычным приходится более интенсивно пользоваться альтернативными формами — частными школами, наймом платных репетиторов и др., требующими оплаты из собственных средств. Понятно, что во втором случае мотивация, как правило, выше. Кроме того, русскоязычных отличают взгляды на будущее. Титульное население, создав определенный капитал, в полной мере реализуют свои потребительские интересы. Разумеется, и русскоязычные стремятся к этому тоже, но все-таки чаще они предпочитают учебу и получение хорошей квалификации. При этом они отличаются меньшей политической активностью еще и потому, что у них не хватает свободного времени, так как в целом значительно больше, чем титульное население, заняты на работе. Они легче поступают в европейские и американские университеты, успешнее стажировались в зарубежных фирмах. Их меньше интересует проблема самобытности, в их мироощущении определяющую

роль наряду с национальным играет региональное сознание (понятие «балтийские русские» находится в ряду таких понятий, как «уральцы», «волжане», «сибиряки»). Молодых русскоязычных в странах Балтии можно определить как носителей амбивалентной этнической психологии. Она характеризуется отсутствием полного, некритичного погружения в свою культуру и дистанцированием от элементов иной культуры, отрицающей базовые национальные ценности. Сочетание европейского опыта ведения бизнеса с широтой и универсальностью русского этноса повышает созидательный потенциал диаспоры.

Между молодыми поколениями двух основных общин в Балтии складываются уже качественно иные межэтнические отношения, это уже диалог суверенных сознаний. Молодые бизнесмены титульных этносов, которые в недалеком будущем заменят нынешних политиков, строят свое социальное поведение по законам рыночной рациональности. Оставаясь на своих национальных позициях, они меньше обеспокоены сохранением латышского или эстонского языков, которые испытывают все большее давление английского. Они более склонны к межэтническому сотрудничеству. Русскоязычная диаспора в странах Балтии способствует тенденциям выхода за рамки их традиционного идентитета в процессе развития глобально-региональной диалектики.

Заключение

Среди сопредельных с Россией территорий Балтийский регион имеет особое значение — здесь наша страна непосредственно граничит с Европейским союзом — одним из основных акторов (наряду с США и Китаем) формирования новой конфигурации мир-системы, при этом исторически и цивилизационно наиболее близким. Русскоязычная диаспора в этом геостратегическом регионе имеет весомый потенциал взаимодействия России и ЕС, основанный на уникальных особенностях диаспоры. В их числе — исторические («Русской Балтии» более 300 лет), демографические (в мире нет диаспор с такой большой долей в составе населения), экономические (основательные позиции в экономике стран Балтии), расселенческие (в отличие от дисперсного в других странах — компактное проживание, что способствует сохранению идентичности), географические (непосредственное соседство с Россией), управленческие (широкое представительство в органах государственного и муниципального управления), геополитические (места проживания диаспоры — столицы, крупные промышленные центры, морские порты), инфраструктурные (широкая сеть культурных, образовательных, информационных и профессиональных учреждений), языковые (значительная часть титульного населения владеет русским языком, молодежь диаспоры — титульными языками).

Все это определяет как автономность и устойчивость, так и значение и перспективы единственного российского ареала в Евросоюзе. События на Украине повысили политическую роль российской диаспоры в Прибалтике.

Список литературы

1. Кабузан, В. М. 2009, *Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000)*, М.
2. Арутюнов, С. А. 2000, Диаспора — это процесс, *Этнографическое обозрение*, № 2, с. 74–78.
3. Дятлов, В. И. 2004, Диаспора: экспансия термина в общественную практику России, *Диаспоры*, № 3, с. 126–132.
4. Милитарев, А. Ю. 2005, О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниций), *Диаспоры*, № 3, с. 8–18.
5. Попков, В. Д. 2002, «Классические диаспоры»: к вопросу о дефиниции термина, *Диаспоры*, № 1, с. 6–22.

6. Тишков, В. А. 2000, Исторический феномен диаспоры, *Этнографическое обозрение*, № 2, с. 43—63.
7. Sheffer, G. 2003, *Diaspora Politics: At Home Abroad*, New York.
8. Shuval, J. T. 2012, Diaspora Migration: Definitional Ambiguities and a Theoretical Paradigm, *International Migration*, vol. 38, № 5, p. 37—49.
9. Gylys, P. 2013, *Ekonomika, antiekonomika ir globalizacija*, Vilnius.
10. Рыбачук, Д. А. 2017, Русская диаспора в Канаде, *Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Избранные труды научно-практической конференции ДВФУ*, Владивосток.
11. Зеньковский, С. 2017, *Русское старообрядчество*, Минск.
12. Филюшкин, А. И. 2005, Война за Прибалтику как «Священная война» в истории России и Европы, *Материалы международной научной конференции «Балтийский регион в истории России и Европы»*, Калининград, с. 57—66.
13. Гурин, А. Г. 2015, *Рига в русском сознании*, М.
14. Фейгмане, Т. Д. 2012, *Русские общества в Латвии (1920—1940 гг.)*, Рига.
15. Сергеев, В. П. 2005, Общественные организации русского национального меньшинства в Эстонской Республике в 1920—1940 гг., *Новый исторический вестник*, № 12, с. 91—109.
16. *Прибалтийские русские: история в памятниках культуры*, 2014, Рига.
17. Абызов, Ю. И. 2000, Концепция евразийства и латвийские русские, *Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике*, Т. 4. Рига, с. 165—188.
18. Хейно, Х. 2007, Массовое сознание русских и их религиозность в условиях национального меньшинства (русские в современной Эстонии). В: *Старые церкви, новые верующие*, М. ; СПб.
19. Matsulevičs, T. 2013, Mālu professor R. Blumi, *Vikerkaar*, № 6, p. 29—38.
20. Кочегарова, Т. М. 2016, Россияне и коренные народы стран Балтии: истоки взаимного восприятия, *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 211—229.
21. Полищук, В. В. 2017, Особенности политического участия русскоязычного населения Эстонии и Латвии, *Этнографическое обозрение*, № 2, с. 9—23.
22. Бузаев, В. В. 2012, *Правовое положение русскоговорящих меньшинств в Латвии*, Рига.
23. Симонян, Р. Х. 2006, Проблема негражданства в странах Балтии, *Государство и право*, № 3, с. 51—59.
24. Saar, A. 2012, Muutused avalikus arvamuses, *Looming*, № 2, p. 43—47.
25. Кочегарова Т. М. 2012, Российская диаспора в Латвии: перемены за прошедшее десятилетие, *Восточная Европа*, № 1—2, с. 31—39.
26. Симонян, Р. Х. 2004, Перемены в массовом сознании российской диаспоры в странах Балтии, *Психологический журнал*, № 2, с. 43—54.
27. Симонян, Р. Х. 2019, Страны Балтии в контексте украинского кризиса, *Мировая экономика и международные отношения*, № 9, с. 61—68.
28. Tabuns, A. 2016, Identity, Ethnic Relations, Language and Culture. In: Muiznieks, N. *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges*, University of Latvia Press.
29. Матулионис, А., Фреюте-Ракаускене, М., 2014, Идентичность русской этнической группы и ее выражение в Литве и Латвии. Сравнительный анализ, *Мир России*, № 1, с. 87—114.

Об авторе

Ренальд Хикарович Симонян, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр европейских исследований Института международных исследований, МГИМО МИД России, Россия

E-mail: simonyan.renald@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9364-4363>

THE RUSSIAN-SPEAKING DIASPORA IN THE BALTIC STATES: A SOCIO-CULTURAL ASPECT

R. H. Simonyan

MGIMO-University
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russia

Received 24.03.2022
doi: 10.5922/2079-8555-2022-2-9
© Simonyan, R. H., 2022

Currently, more than 20 million Russians permanently reside outside Russia. As migration trends show, their number will be increasing in the future. The Russian-speaking diaspora in the Baltic States is an essential part of the Russian community abroad. Latvia, Lithuania, and Estonia used to be a single state with Russia for a long time. It could not but affect the formation of these countries as subjects of international politics. Since May 2004, the Baltic States have been members of the European Union. Together with Finland, they constitute the EU's border space with Russia. To a large extent, it determines their geopolitical role in Europe. The article examines the Russian-speaking diaspora in the Baltic States. It substantiates the factors facilitating its stability and the preservation of the Russian cultural space, analyses the socio-economic and legal status of different groups of Russian-speaking residents, and identifies the peculiarities of various groups of the Russian-speaking population as well as prospects for the development of the diaspora.

Keywords:

Russia-EU border area, Russian-speaking diaspora, factors of sustainability and development

Reference

1. Kabuzan, V. M. 2009, *Formirovanie mnogonatsional'nogo naseleniya Pribaltiki (Estonii, Latvii, Litvy, Kaliningradskoi oblasti Rossii) v XIX—XX vv. (1795—2000)* [Formation of the multinational population of the Baltic States (Estonia, Latvia, Lithuania, the Kaliningrad region of Russia) in the 19th—20th centuries. (1795—2000)], Moscow (in Russ.).
2. Arutyunov, S. A. 2000, Diaspora is a process, *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], № 2, p. 74—78 (in Russ.).
3. Dyatlov, V. I. 2004, Diaspora: the expansion of the term into Russian public practice, *Diaspory* [Diasporas], № 3, p. 126—132 (in Russ.).
4. Militarev, A. Yu. 2005, On the content of the term “diaspora” (to develop definitions), *Diaspory* [Diasporas], № 3, p. 8—18 (in Russ.).
5. Popkov, V. D. 2002, “Classical diasporas”: on the question of the definition of the term, *Diaspory* [Diasporas], № 1, p. 6—22 (in Russ.).
6. Tishkov, V. A. 2000, The Historical Phenomenon of the Diaspora, *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], № 2, p. 43—63 (in Russ.).
7. Sheffer, G. 2003, *Diaspora Politics: At Home Abroad*, New York.
8. Shuval, J. T. 2012, Diaspora Migration: Definitional Ambiguities and a Theoretical Paradigm, *International Migration*, vol. 38, № 5, p. 37—49.
9. Gylys, P. 2013, *Ekonomika, antiekonomika ir globalizacija*, Vilnius.
10. Rybachuk, D. A. 2017, Russian Diaspora in Canada, *Rossiya v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione. Izbrannye trudy nauchno-prakticheskoi konferentsii DVFU* [Russia in the Asia-Pacific region. Selected works of the scientific-practical conference of FEFU], Vladivostok (in Russ.).
11. Zenkovsky, S. 2017, *Russkoe staroobryadchestvo* [Russian Old Believers], Minsk (in Russ.).

12. Filyushkin, A. I. 2005, The War for the Baltic States as a “Holy War” in the history of Russia and Europe, *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Baltiiskii region v istorii Rossii i Evropy»* [Proceedings of the international scientific conference “The Baltic region in the history of Russia and Europe”], Kaliningrad, p. 57—66 (in Russ.).
13. Gurin, A. G. 2015, *Riga v russkom soznanii* [Riga in the Russian mind], Moscow (in Russ.).
14. Feigmane, T. D. 2012, *Russkie obshchestva v Latvii (1920—1940 gg.)* [Russian Societies in Latvia (1920—1940)], Riga.
15. Sergeev, V. P. 2005, Public organizations of the Russian national minority in the Republic of Estonia in 1920—1940, *Novyi istoricheskii vestnik* [New historical bulletin], № 12, p. 91—109 (in Russ.).
16. *Pribaltiiskie russkie: istoriya v pamyatnikakh kul'tury* [Baltic Russians: history in cultural monuments], 2014, Riga (in Russ.).
17. Abyzov, Yu. I. 2000, *Baltiiskii arkhiv. Russkaya kul'tura v Pribaltike* [Baltic Archive. Russian culture in the Baltics], vol. 4, Riga.
18. Heino, H. 2007, Mass consciousness of Russians and their religiosity in the context of a national minority (Russians in contemporary Estonia). In: *Starye tserkvi, novye veruyushchie* [Old churches, new believers], M. — SPb (in Russ.).
19. Matsulevičs, T. 2013, Mālu professor R. Blumi, *Vikerkaar*, № 6, p. 29—38.
20. Kochegarova, T. M. 2016, Russians and Indigenous Peoples of the Baltic States: Origins of Mutual Perception, *Aktual'nye problemy Evropy* [Actual problems of Europe], № 2, p. 211—229 (in Russ.).
21. Polishchuk, V. V. 2017, Features of the political participation of the Russian-speaking population of Estonia and Latvia, *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], № 2, p. 9—23 (in Russ.).
22. Buzae, V. V. 2012, *Pravovoe polozenie russkogovoryashchikh men'shinstv v Latvii* [Legal status of Russian-speaking minorities in Latvia], Riga (in Russ.).
23. Simonyan, R. Kh. 2006, The problem of non-citizenship in the Baltic States, *Gosudarstvo i pravo* [State and law], № 3, c. 51—59 (in Russ.).
24. Saar, A. 2012, Muutused avalikus arvamuses, *Looming*, № 2, p. 43—47.
25. Kochegarova T. M. 2012, Russian diaspora in Latvia: changes over the past decade, *Vostochnaya Evropa* [Eastern Europe], № 1—2, p. 31—39 (in Russ.).
26. Simonyan, R. Kh. 2004, Changes in the mass consciousness of the Russian diaspora in the Baltic countries, *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], № 2, p. 43—54 (in Russ.).
27. Simonyan, R. Kh. 2019, The Baltic States in the context of the Ukrainian crisis, *World Economy and International Relations*, № 9, p. 61—68.
28. Tabuns, A. 2016, Identity, Ethnic Relations, Language and Culture. In: Muižnieks, N. *How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges*, University of Latvian Press.
29. Matulionis, A., Freiute-Rakauskiene, M., 2014, Identity of the Russian ethnic group and its expression in Lithuania and Latvia. Comparative analysis, *Mir Rossii*, № 1, p. 87—114.

The author

Prof. Renald H. Simonyan, MGIMO University, Russia.

E-mail: simonyan.renald@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9364-4363>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

BALTIC REGION

2022
Volume 14
№ 2

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2022.
159 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University
Saint Petersburg
State University

Editorial Office
Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236016

Managing editor:
Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2022

Editorial council

Prof. **Andrei P. Klemeshev**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. **Gennady M. Fedorov**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr **Joachim von Braun**, University of Bonn, Germany; Prof. **Irina M. Busygina**, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof. **Aleksander G. Druzhinin**, Southern Federal University, Russia; Prof. **Mikhail V. Ilyin**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr **Pertti Joenniemi**, University of Eastern Finland, Finland; Dr **Nikolai V. Kaledin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Konstantin K. Khudolei**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Frederic Lebaron**, Ecole normale superieure Paris-Saclay, France; Prof. **Vladimir A. Kolosov**, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Gennady V. Kretinin**, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. **Vladimir A. Mau**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. **Andrei Yu. Melville**, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. **Nikolai M. Mezhevich**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. **Peter Openheimer**, Oxford University, United Kingdom; Prof. **Tadeusz Palmowski**, University of Gdansk, Poland; Prof. **Andrei E. Shastitko**, Moscow State University, Russia; Prof. **Aleksander A. Sergunin**, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. **Eduardas Spiriajevas**, Klaipeda University, Lithuania; Prof. **Daniela Szymańska**, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr **Viktor V. Voronov**, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

Russia and its region in the Baltic region

- Varnavskii, V. G.* Analysing the dynamics of the Baltic States's production linkages with Russia..... 4
- Lachininskii, S. S.* Geoeconomic risks faced by the Russian Baltic region amid a deteriorating geopolitical situation..... 23
- Tarasov, I. N., Urazbaev, E. E.,* International positioning of the region: the image of the Kaliningrad region in the media space of the Baltic states..... 38
- Smirnov, O. O.* Development of municipal districts in Saint Petersburg over the last decade: an economic and spatial analysis..... 53

Foreign policy of the EU countries

- Loshkariov, I. D., Parenkov, D. A.* Non-expansionist variants of Poland's strategic culture: a retrospective of ideas and current implications 69
- Khorolskaya, M. V.* German participation in the three seas initiative: opportunities for Russia..... 83

Migration and ethnicity

- Kapitsyn, V. M., Magomedov A. K., Shaparov A. E.* Immigration policy and integration of migrants in the Kingdom of Denmark at the beginning of the XXI century..... 98
- Ryazantsev, S. V., Molodikova, I. N., Vorobeva, O. D.* Between the Eurasian and European subsystems: migration and migration policy in the CIS and Baltic Countries in the 1990s—2020s 115
- Simonyan, R. H.* The Russian-speaking diaspora in the Baltic states: a socio-cultural aspect 144

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—

2022

Том 14

№ 2

Редактор *Е. Т. Иванова*
Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14

Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6